

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ДЕВУШКА ИЗ
ВЫСШЕГО
ОБЩЕСТВА
СБОРНИК РАССКАЗОВ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	4
Коммунальная квартира	7
Секс-маньяк	16
Трах.....	23
Прораб.....	29
Черная девушка	35
Луис Альберто.....	45
Любовь из прошлого	52
Дед Вася	58
Психопаты	64
Стремление к гармонии	74
Мой друг Серега	83
Поворот судьбы	89
Игорь	96
Одно из воспоминаний	103
Содержанки	113
Сука.....	120
Семейная жизнь	129
Трудовая деятельность	137

Мои герлз	145
Любовь к теще	151
Одна из моих любовниц.....	158
Выбор	165
Первая женщина	174
Девушка из высшего общества	177
Студенческая жизнь.....	183
Гомосексуалист	188
За все надо платить.....	194

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

СБОРНИК РАССКАЗОВ

С.А.

Зелинский

Девушка из

высшего

общества

СБ.РАССКАЗОВ

ОКРУГ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2006

С. А. Зелинский

Девушка из высшего общества

С. А. Зелинский.

Девушка из высшего общества. Сборник рассказов.— Санкт-Петербург, Округ, 2006. — 314 с.

ISBN 5-98603-004-4

© ОКРУГ

© Зелинский С. А., 2006

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Девушка из высшего общества. Сборник
рассказов.

рассказ

Коммунальная квартира

1

--Сколько ты сможешь меня ебать?-- спросила Вероника.

Вопрос мог стать риторическим. Ответа на него могло не быть вообще. Я задумался.

--Извини, что я тебя вот так, на прямую спрашиваю,-- посмотрела на меня женщина. Женщина была лет на двадцать меня старше. Ей было сорок. У нее были густые черные волосы, небольшая грудь (ее размеры угадывались в вырезе халата), средней длины ноги, средний рост, и большой рот. Когда я увидел этот рот в первый раз, подумал, что было бы неплохо вложить в него свой член. Губы ее были накрашены коричневой помадой. Чем-то женщина походила на испанку. Хотя, по всей видимости, была русская.

Вероника была моя соседка по коммунальной квартире. Когда я приехал в Санкт-Петербург, то стал жить в коммунальной квартире. В Краснодаре я жил с родителями в отдельной трехкомнатной квартире. Сейчас у меня была только комната.

--Ты, наверное, совсем не хочешь ебаться,-- опустив голову и уставясь в бокал (мы пили с Верой на коммунальной кухне), произнесла пьяная женщина. Другие меня сразу ебут, а ты еще о чем-то думаешь,-- услышал я.

Я запустил одну руку женщине в халат, обняв пальцами ее грудь, другой полез ей между ног. Мои пальцы уткнулись в волосы. Еще было время подумать. Но женщина уже схватила меня за давно уже стоящий хуй. И у меня не осталось выбора.

Отъебал я ее прямо на столе в коммунальной кухне. Задрал халат, повернул спиной, и дождавшись пока ее пальцы вставят в пизду мой член - стал то вгонять этот член еще глубже, то возвращать его обратно. Женщина стала постанывать. Я не думал, что она будет это делать так громко. "Потише"!-- попросил я. "Да пошли они все на хуй",-- в порыве страсти воскликнула женщина. Я стал ебать ее быстрее. Вожделение настолько захватило меня, что мозг уже отказывался думать о чем-то другом. Передо мной была спина женщины, одна моя рука задрала за волосы ее голову, другой я то прихлопывал ее по ляжке, то поддерживал равновесие, схватываясь за эту ляжку. Упасть я не хотел. Чтобы мой разгоряченный член выскочил из ее вагины - не хотел тоже. И мне и ей, то что мы делали, нравилось.

Когда я кончил, она слизала с моего сникшего пениса остатки семени, и попросила закурить. Я достал из кармана пачку, и бросил на стол. Что-то видимо она увидела в моих глазах, потому что усмехнулась. "Не ожидал такого знакомства"!-- спросила она, закуривая. Сигарета смотрелась в ее губах эротично.

"Почему"!-- пожал я плечами. Я мог ей сказать, что как только вселялся в квартиру и увидел ее с ее мужем, уже понял, что должен отъебать ее. Это я заметил по ее взгляду. И по виду мужа, который действительно оказался немного пришибленным. Сейчас он был "на сутках". Федор (муж Веры) работал охранником, сутки через двое. Те сутки когда он был на работе, теперь я трахал его

жену. Такой порядок установился как бы сам собой. Он на работу - она ко мне в постель. (Еще одни соседи - всего было четыре комнаты, они занимали из них две - весну, лето и начало осени жили на даче. Сейчас было начало лета).

Поговорив еще какое-то время, мы разошлись по комнатам. Мне почему-то казалось, что муж Вероники догадывался, что я поебываю его женушку. Но реальных доказательств у него не было. Да и почему-то я был уверен, что он считал что лучше пусть это буду я, чем кто другой. Чем-то я понравился бывшему прапорщику. А мне, если честно, нравилось его простое деревенское лицо. Честное и открытое. Я даже иногда выслушивал его глупейшие комментарии по поводу событий происходящих в России. Геополитический анализ Федора ничего кроме усмешки вызвать не мог. Но я не только сдерживался, но и, бывало, поддакивал ему.

"Нет, ну посмотри,-- возмутился Федор, держа в руках газету, а другой наливая себе стакан (мы встречались обычно на кухне).-- Эти суки совсем оборзели"!

"Что там случилось"?-- спрашивал я, взглядываясь в текст газеты. В квартире я обычно ходил без очков. Поэтому естественно ничего разглядеть в дрожащих руках Федора не мог. Поэтому смотрел в газету просто из приличия. И чтобы лишний раз не видеть его лицо. Иногда оно меня раздражало.

"Нет ну не суки"!-- искренне возмутился он. Федор мог одинаково возмущаться если в какой-нибудь стране произошел переворот, если сообщались доходы какого-нибудь олигарха, если где-то публиковали фото-хронику ДТП, и вообще возмущаться от чего угодно. Любая новость задевала Федора за живое. Я был его

добровольным слушателем. Когда хочется есть, а Федор иной раз мог сидеть на кухне часами, невольно станешь слушателем.

Заодно я как бы узнавал новости.

"Нет, ну вот ведь сука"!-- в очередной раз выругался Федор.

Я решил, что журналисты в очередной раз напечатали доходы олигархов.

"Смотри какая рожа,-- показал мне Федор фотография известного олигарха.-- Яйца купил... На хуя ему яйца"?-- задумчиво произнес полупьяный сосед.

"Не переживай ты так,-- попытался я его успокоить.-- Напиши письмо в газету. Мол, так и так, как давний читатель вашей газеты хочу знать, откуда у гражданина такие деньги, чтобы свободно покупать на аукционах яйца".

"Не, Серега, я ведь серьезно",-- искренне посмотрел на меня Федор.

Мне стало неловко. "Ну купил и купил,-- отмахнулся я.-- Выпей лучше. Водка стынет",-- кивнул я на бутылку, в которой еще оставалась белая жидкость.

"Выпьешь со мной"?-- спросил Федор, пытаясь протереть рукавом еще один стакан, стоящий на столе.

"Да я уже выпил",-- пошел на обман я. Пить в восемь утра (сосед только пришел с работы) не хотелось. К тому же я толком не выспался. Веронике в этот раз все было мало и мало. И я слез с жены Федора только часа два назад. Хотелось спать. Но еще больше хотелось есть. Я собирался отрезать кусок колбасы, хлеба, и пойти в комнату. Включить телевизор, и перекусив, завалиться спать. Длительные разговоры с соседом в мои планы не

входили. Но и совсем проигнорировать его я не мог. Все-таки у меня была совесть. Если я спал с его женой, то считал себя обязанным хоть изредка уделять внимание и ему.

Я поставил чайник, подумав, что вполне могу выпить чай в компании с соседом. К тому же я замечал, что Федор как-то тянулся ко мне. Может уважал за то, что у меня к тому времени вышел сборник стихотворений. Может за то, что я работал корреспондентом (внештатным) в газете и учился в университете. Черт его знает. "Гадать -- себя не уважать",-- вспомнил я поговорку Буркова, ответственного секретаря газеты где работал.

Продолжения разговора с Федором не состоялось. Я только отлучился в комнату за сигаретами, а когда пришел, Федор был уже пьян. В дупель. Опьянев как-то сразу, и положив голову на стол, похрапывал. У меня появилась глупейшая идея заглянуть к его жене. И представив ее в теплой постели, я почувствовал, что мой член начал принимать положенные ему размеры. Положенные для проникновения в женщину.

"Почему бы и нет"-- решил я. До этого я занимался любовью с Вероникой только в отсутствие ее мужа. Но сейчас был настроен попробовать и тогда, когда тот был дома. Хотя бы даже и не трахнуть ее. Был достаточен сам факт возможности подобного. Например я бы успокоился, если бы только всунул член в ее пизду. Или, например, она бы обхватила его губами. Программа минимум на этом могла быть выполнена.

Я еще раз посмотрел на спящего Федора. Судя по храпу, он действительно спал. Сутки на работе да алкоголь вполне к тому располагали.

Я осторожно подкрался к его комнате. Потянул дверь. Дверь оказалась не заперта.

В комнате пахло пиздой. Быть может это был какой-то другой запах, но мне почему-то показалось, что этот запах пизды Вероники. Я подошел к постели. Вероника спала на боку. Одна нога была закинута за другую. Ночная сорочка оголилась, явив моему взору темный край половой щели жены соседа. Я осторожно, стараясь не дышать, вытащил свой член (все еще стоящий), и осторожно вставил его во влагалище женщины. Скользя мимо половых губ, он оказался внутри.

Вероника даже не проснулась. "Или действительно крепко спала или делала вид что спит",-- подумал я.

Излив остатки спермы в спящую женщину, я осторожно слез с нее, запихнул свой пенис обратно в брюки, повернулся, собравшись выходить, и бросив взгляд на дверь, увидел... глаза Федора.

"То ли он только сейчас вошел в комнату, то ли все это время стоял, наблюдая за процессом трахания его супруги и по-своему охуевая",-- подумал я. Мне показалось, что Федор должен был дико закричать и броситься на меня. Я внутренне сжался, решив, что если он на меня броситься, я пробью правый прямой в его подбородок и свяжу ремнем, когда он потеряет сознание. А потом мне, наверное, придется съехать. Сосед мне жизни не даст.

Весь этот сценарий пронесся передо мной в доли секунды. Я, опустив голову, ждал нападения. Пауза затянулась. Я решил посмотреть что с соседом. Мой взгляд уперся в немигающие глаза Федора. Федор смотрел на меня и ни о чем не думал. Смотрел она меня с огромной фотографии, приколотой к

обратной стороне двери. Я медленно вышел и прошел в свою комнату. В коридоре был слышан храп реального Федора. Он по-прежнему спал на кухне.

2

Другие наши соседи (бабка с дедом) вернулись с дачи раньше времени. Причина тому - приезд к ним внучки. Внучке было семнадцать. Она решила поступать с институт. Пока не устроится в общежитие, жить она должна была с ними. Я нравился старикам. К себе я никого не водил. Сам целыми днями сидел дома (сочинял). Почти не пил. Бросал курить. Так что во всех отношениях хороший сосед. "Лучше чем Зойка", -- доверительно сообщила мне бабка, имея в виду еще одну их соседку, которая сдала мне комнату, перебравшись жить к очередному мужу.

Внучка стариков мне не понравилась. Она походила на монашку и гримзу. Да и лишний человек в квартире радости не приносил. После отдельной квартиры коммуналка меня иногда раздражала.

Лена (внучка) не пришлась по душе и Воронике. Они уже даже успели поругаться. Вернее, Вероника обругала ее, прицепившись к какой-то хуйне.

В бабские споры я не встревал. В них можно было погрязнуть. Да еще и оказаться в чем-нибудь виновным. К тому же отношения с Вероникой портить я не хотел. Я вообще старался, чтобы меня все любили. Так было проще жить. Знать, что на тебя кто-то "точит зуб" я не мог. С моими нервами это было невозможно. Психика была расшатана долгими выступлениями на

ринге. Успокаивался я марихуаной. "Поэтому и почти не пил",-- вспомнил я слова бабки-соседки.

Экзамены в институт Лена провалила. Бабка с дедом отбыли на дачу, решив не мешать ей готовиться к поступлению, и о новости еще не знали. Вероника с мужем уехали на выходные к матери Федора на дачу. Утешать Лену пришлось мне. Я не заметил, как она оказалась у меня в постели.

--Что теперь будет"-- стала всхлипывать девушка на следующее утро. (Для лучшего успокоения я дал ей покурить травы, после которой она "завелась" и согрешила).

--Ты о чем?-- спросил я, подумав что она вероятно о проваленных экзаменах.

--А ты не заметил?-- удивленно посмотрела на меня Лена.

И только тут я вспомнил, что когда входил в нее, поначалу мне что-то мешало. Потом случился прорыв, и член очутился в привычной обстановке. До меня Лена была девочкой. Сейчас она имела в виду это.

У меня был повод серьезно задуматься. Вернее, следовало убедить Лену, что ничего страшного не произошло. У всех что-то когда-то происходит в первый раз. Ну, еще быть может намекнуть, что лучше, чтобы это произошло со мной, чем с каким-нибудь придурком в которого она влюбится после этого, а он станет только пользоваться ее телом. Что-то подобное (как мог вежливо и аккуратно) я ей сказал. Для лучшего восприятия выдумав даже какую-то историю, якобы рассказанную мне... Ну, в общем, она поверила, что кто-то мне ее рассказал. И как вроде бы успокоилась. А я подумал, что теперь делать уже мне. Было как

минимум три того, чего бы мне не хотелось. Мне бы не хотелось, чтобы бабка с дедом узнали, что я трахнул их внучку. Мне бы не хотелось, чтобы меня стала ревновать Вероника. Мне бы не хотелось, чтобы в меня влюбилась Лена. Самым лучшим было на какое-то время мне уехать. Но вот только куда?

Я стал перебирать разные варианты. Остановился на море. "Почему бы мне и действительно не поехать на море"?-- подумал я. Официально я нигде не работал. Сотрудничая с несколькими газетами и журналами, деньги в их кассах я получал как внештатный корреспондент. В штат обещали зачислить, но если честно я этого не хотел и сам. Мне больше нравилось быть свободным художником.

В общем, по большому счету меня ничто не держало. Сняв с книжки необходимую сумму, я купил билет, и через два дня уже купался в черном море. На юге я намеревался провести две-три недели. "За это время в Санкт-Петербурге что-то должно было устаканиться",-- решил я. А к моменту моего возвращения должно быть уже все спокойно. Вернется в свой город (кажется, она была из города Череповца) Лена. Воспылет еще большей страстью ко мне Вероника. "Ну а дед с бабкой еще будут на даче",-- радостно подумал я. И все будет хорошо.

.....

Когда я приехал в Питер...

В Питер я смог вернуться только через два месяца. Почти месяц пробыл на море, месяц у родителей. Когда я приехал в Питер, там действительно все изменилось. Но таких изменений я предусмотреть не мог. Вероника ушла от мужа к любовнику. Федор начал пить и его выгнали с работы. Бабка лежала в

больнице, сломав, прыгая с электрички, ногу. Дед вернулся с дачи и пил вместе с Федором. А Лена... Лена оказалась беременна. Не от меня (я помнил, что кончал ей в рот). И собиралась замуж за будущего отца своего ребенка.

А я понял, что мне надо искать другую комнату. Питер был большой город. И это-то как раз было не проблема.

6 октября 2006 год.

рассказ

Секс-маньяк

Илья Петрович носил простое русское имя. На вид было ему слегка за пятьдесят. Высокий, густые темно-русые волосы зачесаны назад, Илья Петрович приходил на работу в сером костюме и начищенных до блеска коричневых ботинках. Смотрелись они на нем по-идиотски. Но шли в удивительное дополнение к его улыбочке. Такой же идиотской.

Обычно Илья Петрович всегда был поддат. Причем несколько раз я случайно встречал его вне стен ночного клуба где я тогда работал администратором, а Илья Петрович исполнял обязанности директора. И всякий раз когда я видел его, Илья Петрович был полупьян. Из чего я мог сделать вывод, что таким он был всегда. И можно даже предположить, что маленький Илюша уже появился на свет пьяненьким.

В хлам он никогда не напивался. Я подозревал, что он делал это не из-за того, что не хотел. Мне почему-то казалось, что Илья Петрович боялся. Боялся не хозяина, или, тем более, посетителей. И на него и на них ему было откровенно наплевать. Скорее всего Илья Петрович опасался что если переберет

лишнего, то будет вести себя неадекватно. По крайней мере я решил, что это действительно так. А решив -- стал искать удобного случая чтобы напоить его. И понаблюдать, что будет дальше.

.....

Долгое время мне это не удавалось. Илья Петрович знал меру. И всякий раз выпивал ровно столько, сколько чувствовал что дальше будет лишним. А мне так хотелось увидеть Илью Петровича когда начнется это лишнее.

Со временем я понял, что мое маниакальное желание напоить Илью Петровича должно было или претвориться в действительность, или же заглохнуть. И мне это уже станет неинтересно.

Я знал за собой такую особенность. Иной раз я мог сутки напролет носиться с какой-то идеей, но если она по каким-то причинам не реализовывалась - забывал о ней. И продолжал жить, словно бы ее и не было.

Однако видимо мне все же очень хотелось увидеть Илью Петровича в его настоящем состоянии. Ходили слухи (публика в клубе была общительная, и некоторые из постоянных посетителей охотно делились своими предположениями - выдавая, впрочем, их не за предположения, а за самую настоящую правду) о сексуальных безумствах, к которым якобы предрасположен Илья Петрович в пьяном виде.

Я мог этому и верить и не верить. "Бесполезно мучиться догадками, надо самому проверить",-- в который уж раз решил я, и стал подумывать как же мне напоить Илью Петровича.

Наконец повод подвернулся сам. Как я говорил, работал я в ночном клубе. И знал (многих достаточно близко) путан, которые облюбовали наше заведение в надежде снять богатых клиентов. Приходили и откровенные бляди. Которым нужно было просто поебаться. Бесплатно.

Двух таких ко мне и подвел как-то парень стоящий на воротах (клиентов он пропускал, собирая деньги за вход).

--Девочки хотят потусоваться,-- представил он девушек стоявших неподалеку.-- Но у них, как я понял, нет денег.

--Даже на вход?-- недовольно поморщился я.

Парень неопределенно пожал плечами.

Я закурил и посмотрел на двух, жмущихся друг к дружке девочек. На вид им было не больше восемнадцати. Невысокие, худенькие, похожие на мальчиков-подростков. "И при этом такие блядские глаза",-- подумал я, встретившись взглядом с одной из них.

Могу сказать, что практика иногда пропускать девушек без платы за вход у нас была. Они могли, например, расплатиться позже, "сняв" в клубе клиента. Или же сделать минет бармену, охраннику, или ди-джею. Смотря кто за них поручится. Поэтому я уже знал, что их пропущу. Но у меня внезапно созрел иной план.

Я махнул девушкам рукой, приглашая их подойти.

Вблизи я рассмотрел их получше, и обнаружил что девочки являли собой тип блядской скромности (то есть одновременно им бы подошла одежда и католических монашек и проституток с французского квартала красных фонарей). Я еще больше укрепился в мысли, что не ошибся. И мой план будет реализован.

С девочками я договорился. Причем одна, в качестве благодарности, готова была мне сделать минет тут же, предложив отойти лишь на несколько метров в темноту.

Была ночь, лето, и фонарь освещал только вход в ночной клуб со стороны улицы Моховая, где, кажется под номером то ли пятнадцать то ли восемнадцать располагался "Союз театральных деятелей". Там наш хозяин арендовал подвал и сделал ресторан, позже переоборудовав его под ночной клуб. "Закрытый" ночной клуб. Большею частью для геев и лесбиянок.

От минета я отказался. "Вам еще предстоит поработать", - предупредил я. И мы еще раз проговорили детали плана. Потом они одобрительно закивали головками, заулыбавшись.

План состоял в следующем. Зная любовь Ильи Петровича к женщинам легкого поведения (причем, чем меньше был возраст женщин, тем больше Илья Петрович возбуждался), я решил сыграть на этой его слабости. В роли соблазнительниц должны были выступить мои девочки. Причем не сразу, а часика через полтора - два, когда Илья Петрович придет в легкую степень опьянения от нескольких рюмок водки (которые традиционно подносил ему бармен), от музыки, и от стриптиза, который нет-нет, да и устраивал кто-нибудь из наших посетительниц.

По моему сигналу (я всегда чувствовал в Илье Петровиче такое состояние) девочки должны были приступать к действиям. А я... я должен был выступать в роли посредника между ими и Ильей Петровичем.

.....
.....

--Илья Петрович,-- отозвал я в сторону директора, когда почувствовал что тот уже в своей привычной норме, после чего начнет только трезветь.

--Да, дорогой,-- бережно взял меня под руку директор, промокая платком лоб, и поглядывая в сторону моих девочек, которые оставшись в одних мини-юбочках, терлись обнаженными грудками друг об дружку.

--Девочки исполняют танец для тебя,-- заговорщески подмигнул я ему.

--Да ну тебя,-- отмахнулся, заулыбавшись, Илья Петрович. Он ценил юмор, и я часто с ним шутил.

--На этот раз серьезно,-- закивал я, посмотрев в сторону девушек, одна из которых села на пол, разведя ноги, а другая - в ритме танца - имитировала половой акт, как будто если бы она была мужчиной.

Илья Петрович готов был кончить уже от этого.

--Они сами подошли ко мне,-- доверительно произнес я, склонившись к уху Ильи Петровича, словно доверял ему какую-то тайну.

По учащенному дыханию и взгляду Ильи Петровича я понял что он не только внимательно слушает, но и готов поверить всему о чем я скажу.

Я и сказал. Сказал, что девочки видимо перебрав коктейля или накурившись анаши, признались мне что устали от тонких и коротких хуев своих сверстников. И хотят быть отъебанными настоящим мужиком.

В представлении Ильи Петровича он был настоящим мужиком. Он сам мне о том говорил не раз, поддав, и как обычно

после этого разоткровенничавшись. И при этом с удовольствием демонстрировал насадку для члена, удлиняющего тот. "Хотя у меня и так он большой",-- улыбался директор.

Я кивнул.

--Хочешь посмотреть,-- руки Ильи Петровича потянулись к пуговицам ширинки.

--Нет, нет,-- закивал я.-- Я вам верю.

Илья Петрович улыбнулся произведенным эффектом. Быть может член у него и на самом деле был большой. По крайней мере сейчас у девочек (а они, закончив танец, и накинув на плечи растянутые блузки, стояли неподалеку и широко раскрытыми глазами смотрели на Илью Петровича) появлялась возможность это проверить. Илья Петрович с легкостью купился на фуфлю, которое я ему втюхивал. И мне показалось, что от предвкушения того что он будет сейчас вытворять с нимфетками, у него уже встал член. По крайней мере проследив за взглядом одной из девочек, я заметил что ткань на штанах Ильи Петровича действительно вздымалась.

Я "сдал" Илью Петровича в руки подпорхнувших девушек. Теперь была их часть задуманного мной спектакля.

Дальше события происходили стремительно. Илья Петрович зашел с девушками в кабинет. Словно проверяя зал, через несколько минут я прошел мимо кабинета (кабинет - такие же столики как и в зале, но только за занавеской), услышав раздающиеся оттуда женские и мужские стоны (причем я знал, что полового акта быть не должно; по плану могла быть только прелюдия; хотя допускал, что девочки могли и увлечься), я подошел к ди-джею, мы обменялись улыбками, я попросил

поставить группу "Чингисхан", и прошел в другой зал, где была барная стойка, и стал разговаривать с барменом. Мне нравилось наблюдать за реакцией людей. И всматриваясь в лицо что-то отвечающего мне бармена Бори, я ждал.

Ждать пришлось недолго. Сначала раздались выстрелы. Потом смолкла музыка, начали валить из танцзала посетители, и одновременно с этим помещение стало наполняться газом. Слезоточивым.

А еще через мгновение показался и пьяный в хлам Илья Петрович, который одной рукой поддерживал свой все еще эрегированный член (девочки знали свое дело), а в другой держал пистолет. Газовый.

Илья Петрович был абсолютно голый.

--Ты что, охуел?-- набросился на него бармен Боря, который был примерно одного с ним возраста, и стал барменом в 90-годы, пришедши туда с должности зам. директора разорившегося завода.

Судя по идиотской улыбочке Ильи Петровича, я понял, что он не только пьян, но и мало что понимает.

Раздался еще один выстрел. Вверх. После чего Илью Петровича скрутили охранники.

Закрыв носы платочками, мимо прошествовали мои девочки, стрельнув в меня глазками и улыбнувшись.

Я тоже улыбнулся. И им, и бармену, и Илье Петровичу, и, наверное, сам себе. Мой план удался. А давнишнее желание (с Ильей Петровичем я проработал к тому времени уже несколько недель) воплотилось в действительность.

.....

Илью Петровича уволили на следующий день. Мне предложили занять его должность. Я отказался. "Вдруг придет интересный пассажир, который захочет почувствовать себя в роли директора,-- подумал я.--И тогда мы повеселимся".

24 сентября 2006 год

рассказ

Трах

1

Мне хотелось ебаться. Помнится, я так ей и сказал. И она, усмехнувшись, раздвинула ноги, словно приглашая: входи.

Расстегнув молнию, я лег на нее, извлекая рукой набухший от желания член и вставляя в ее горячую пизду. Пизда Ирки была действительно горячая. И прочно обхватила мой хуй, только лишь я вошел в нее.

Через минуту все было закончено.

--Быстро ты,-- чуть сожалея, произнесла Ирина.

--Надо было сразу не соглашаться,-- парировал я.

--Ну ты же знаешь, если касается секса, я выебываться не люблю,-- призналась Ира.

Я кивнул. Любое время мне сейчас было на руку. Я планировал отъебать Ирку еще. И уже гораздо дольше. Как обычно, когда наш секс-марафон мог длиться часами, после чего и она и я все равно хотели еще.

--Как думаешь, я поступлю в этом году в институт?-- спросила Ира. Я понял, что она догадалась о моем желании

выждать какое-то время, прежде чем мои яйца вновь заполнятся спермой, и я смогу ее ебать.

--Поступишь,-- улыбнулся я.

Ира поступала уже в третий раз. Первые два раза были не только провальными, но и она забирала документы после первого экзамена. Решив, что и на второй идти не следует.

--Ты смеешься надо мной?-- посмотрела на меня девушка. Мы оставались на кровати, где до этого сидела Ирина, читая какую-то книжку. Теперь я сидел с ней рядом. Вернее - лежал. Я уже лег. И начал осторожно гладить ей грудь. Готовясь в любую секунду перейти и к более решительным действиям, как только почувствую, что мой член готов подняться.

--Нисколько,-- утешил я девушку.

Ирке было девятнадцать. Была она небольшого роста, рыжая, слегка полноватая, и очень-очень сексапильная. С такими хорошо было в постели. Но не очень хочется показывать их своим знакомым. Знакомым я обычно показывал Люду. Она была высокая, стройная, красивая, и фактически фригидная. Но об этом мало кто догадывался. Потому что я пока был первый и последний мужчина Люды.

--Ну конечно, ты уже выучился, вполне найдешь себе какую-нибудь дуру, которая будет заглядывать тебе в рот, и я тебе буду не нужна.

Иногда на Ирку находило. "Это были издержки сексуальности",-- как я это называл. И обычно если она начинала, то остановить ее можно было только одним способом: отъебав ее. Вернее - принявшись ебать. Тогда она успокаивалась, и ее внимание переключалось на что-то более существенное и важное

для нее в тот момент. Притом если она кончала (а обычно она всегда кончала, я уж старался), то какое-то время можно быть уверенным, что скандалить Ира не начнет. Пока какая-нибудь очередная хуйня не придет ей в голову, и она снова не начнет выебываться.

Я почувствовал, что мой член готов подняться. Для надежности я положил на него руку Ириши. Пальцы девушки принялись шебуршить, прохаживаясь по все набухающему стволу моего полового органа, пока он наконец-то действительно не встал, и я понял, что смогу наконец-то всунуть его в девушку.

Девушка поняла тоже самое. И быстро наклонившись, обхватила мой пенис губами. Как же она сосала! Можно было кончить уже от этого! Но сейчас я решил сдержаться.

С некоторым трудом высвободив член из рта девушки, я перевернул ее на живот, раздвинул ягодицы (девушка расслабила их и еще шире развела ноги), и вошел ей в зад.

Ира застонала. Она всегда стонала, когда я ебал ее. Это была ее визитная карточка. И могу сказать, что от ее стонов я всегда заводился. Настолько, что меня трудно было остановить. Да практически и невозможно. Прежде всего потому, что я не хотел сам. Да и как я мог остановиться? Лежа на девушке?

2

Ира была моя не первая женщина. Да и почему она должна быть первая? Хотя все дело в том, что вполне и могла. Но случайно вмешались какие-то нелепые обстоятельства, помешавшие мне стать ее первым мужчиной. А ей - моей первой женщиной. Познакомившись по телефону и назначив друг другу

свидание, мы разминулись. Кто-то из нас перепутал парк, в котором мы договорились встретиться. И я очень подозревал что она. (Неподалеку друг от друга находилось два парка. В назначенный час мы стояли в разных).

Нравилась ли мне она? Очень. На тот момент наших отношений я ее любил так, что готов был убить любого, кто бы стал на моем пути. И так получилось, что именно это и сыграло свою роль в том, что я в итоге порвал с ней. Я вырвался от нее. Не сбежал, а именно уничтожил ее в себе. Ее любовь. Я проклял и ее и ее любовь. А заодно и свою. И теперь я ее ненавижу. Время лечит. Поэтому видимо лет через десять я скажу, что мне она уже безразлична. А еще лет через десять уже после этого - может быть признаюсь, что я ее и люблю. Как знать. Судьба действительно обманчива. И иной раз выписывает такие коленца, что никак и ничто не возможно предугадать. Вот так вот.

.....

--Ты уже меня не хочешь?-- ошарашила меня вопросом Люда, когда мы разделись, легли в постель, и как обычно повернулись друг от друга. Вернее - повернулся я. Люда смотрела на меня, и судя по ее вопросу, ждала на этот раз от меня нечто большего.

У меня даже не было времени удивиться. Моя член оказался настолько глубоко погруженным в ее рот, что уже какие-то эмоции были и вовсе не нужны. О своих намерениях Люда говорила своими действиями. Правда, пенис мой только сейчас начал вставать. Но и девушка изменила тактику. Теперь она, положив меня на спину, водрузилась на него сверху.

Какой же это был трах! И это еще более было удивительно от того, что трахала меня Люда. Девушка, которую я уже списал со счетов в своей сексуальной жизни, считая ее фригидной.

Как бы не так! Она ебала меня, испытывая такое удовольствие, что я был загипнотизирован энергией, исходившей от нее. С каким удовольствием она это делала!

Причем от меня ничего не требовалось. Только лежать, да иногда поддерживать свой член рукой, чтобы он не отклонялся от цели. Причем поддерживал я только вначале. А потом понял, что его настолько плотно поглотила "цель", что от меня уже и действительно ничего не требовалось. Разве что не кончить раньше срока. Люде бы это не понравилось.

Вообще меня удивляла эта девушка. С внешностью топ-модели она работала в библиотеке, выдавая книг, большинство которых уже прочитала. Уже позже я узнал, что у Люды была даже степень по филологии. И до того как она стала библиотекарем, Люда работала в институте. Преподавателем.

Это уже действительно была для меня новость. Получалось, Люда специально изменила судьбу. И наверняка я был уверен, что девушка, раз изменив судьбу, будет готова сделать это еще.

И я ошибся только в одном. Работа преподавателем мировой литературы это уже были последствия такого поворота. Потому как еще раньше Люда успела провести год в колонии для несовершеннолетних. Правда за что была осуждена, я не знал. Но факт остается фактом. Причем самое удивительное было то, что ей

удалось скрыть судимость. И оказалось, что в этом ей помог...
прокурор. Любовницей которого она была с шестнадцати лет.

Да... был повод серьезно задуматься, когда эта девушка на самом деле говорит правду. Тем более что являясь любовницей районного прокурора она еще и вовсе, как оказалось, трахалась с байкерами. И вообще была в их тусовке. Участвуя в оргиях, которые те устраивали, накурившись марихуаны.

.....

Когда я познакомился с Людой, ей было двадцать семь. И я думал, что она фригидна. И что уж точно - целомудренна. Но верьте мне - я стал счастлив, узнав что это не так. Ибо сейчас Люда вытворяла со мной такое, что я понял, что, несмотря на мой опыт с тремя десятками женщин, с которыми я переспал к тому времени - я абсолютно ничто в сравнении с Людой. И многому из того, что знаю теперь я - научила меня именно Люда. Девушка, которую я даже не любил. Вот так вот.

.....

С Людой я тоже расстался. Вообще я со временем понял, что видимо расставание со своими сексуальными партнершами в моем случае это уже привычка. Быть может я боялся в них влюбиться? А почувствовав что готов влюбиться - спешил от них избавиться. Остаться один.

Лишь на время один. Потому как природа требовала свое. И я уже находил (находил я всегда с легкостью) новую подружку. Вернее - новый объект своих сексуальных желаний. И

приложения сексуальной энергии. И вообще - траха. Траха...
Неужели мне так действительно нравилось трахаться?..

Могу признаться, что со временем я задумался и над этим вопросом. И даже стал искать девушку, с которой можно было бы просто жить. Жить обычной жизнью, без тех сексуальных экзекуций, без которых я уже не мог. Но был готов отказаться от них, если действительно встречу такую девушку.

Я еще ищу...

25 сентября 2006 год.

рассказ

Прораб

--Сучий потрох!-- орал на меня прораб.-- На хуя ты вылил краску?!

--Случайно перевернул,-- в который уж раз настойчиво повторял я, согласно этикету в той ситуации опустив глаза, и не чувствуя никакой опасности.

Я на самом деле не чувствовал опасности. Да и почему я должен чего-то бояться? Свою работу на стройке я считал чем-то навроде эксперимента. Зная что там не задержусь. И как только закончится школьная практика, тот час же уйду.

--Нет, ну посмотрите на него!-- не унималась эта свинья. Прораб действительно чем-то походил на свинью. Лицом был схож.-- Перевернул краску, и говорит что "случайно".

Я понял, что все доводы по поводу того, почему я перевернул краску, у прораба иссякли. И скоро у него должны были остаться одни эмоции. И словно подтверждение этому, человек похожий на свинью размахивал руками, рот его

открывался, лицо содрогалось в судорогах, но он ничего не говорил. По крайней мере, я не слышал. Может, я думал о чем-то другом?

--Возместишь ущерб,-- видимо и сам устав от своих словоблудий, сухо произнес прораб.

--Сколько я должен?-- как можно вежливее спросил я.

Прораб готов был разразиться новыми проклятиями, но только затоптался на месте, засопел, и сдержался.

Я внимательно посмотрел на этого человека. Мне показалось что в душе он добрый. И вынужден был прикрывать свою доброту всякой хуйней, которая срывается с его языка.

--На хуй тебе приносить деньги,-- подтвердил мои слова прораб.-- Спизди на соседнем участке эту ебанную краску. Они все равно у нас все пиздят.

Я кивнул, не решаясь спросить как спиздить и где, собственно, этот участок.

--Все понял?-- с какой-то даже отеческой добротой посмотрел на меня прораб.

Я еще раз кивнул.

Все. Необходимый минимум слов который должен был мне сказать прораб, был им исчерпан. Поэтому он повернулся, и еще раз строго взглянув на меня, ушел. А я подумал, что теперь наверняка он про меня забудет. И можно вообще не искать никакой участок, а тем более не пиздить краску. Зачем?

Я оказался прав. Хотя и справедливости ради могу сказать, что первое время старался на глаза прорабу не попадаться. А потом я уволился. Получив расчет за месяц, который проработал на стройке.

История имела неожиданное продолжение. После окончания института (я закончил сельскохозяйственный институт), в должности агронома меня направили в близлежащий колхоз. Союз к тому времени уже был на грани распада (как и все после прихода Горбачева), поэтому только приняв дела, я понял что здесь была как раз та работа которая мне и нужна. Ну, то есть никакая. Хозяйство разваливалось. Председатели колхоза менялись каждый год. Колхозники потихоньку разворовывали хозяйство. И вообще начинался хаос.

Меня это устраивало. Работать по специальности не было никакого желания. Да я бы и вовсе с удовольствием послал бы всех на хуй, но я учился от колхоза, получал повышенную стипендию, и поэтому просто обязан был после учебы приехать в колхоз отрабатывать потраченные на меня деньги.

То что хозяйство скоро совсем развалится, я понял по тому, что мне предложили стать председателем колхоза. На тот момент я был самым молодым. Главному зоотехнику, главному агроному и прочим "руководящим работникам" было за пятьдесят. И они были тихими пьяницами. Колхозники были просто пьяницами. Хозяйство еще кое-как выезжало на доярках и скотницах. Усталых женщинах предпенсионного возраста, которые работали только потому, что просто не могли не работать. Вся молодежь с деревни сбежала. В город. За лучшей долей. Готов был сбежать и я. И собирался это сделать в ближайшее время. А пока готовился.

.....
....

В один из дней я прохаживался по вверенному мне хозяйству. Посевную мы провалили. Из обкома должны были нагрянуть на днях, разбираться с этим "вопиющим фактом",-- кто-то из районного начальства позвонил, и из всех им высказанных печатных слов это было самое приличное словосочетание. Особенно меня удивило, что районный начальник любил слово "хуй". Когда он говорил "хуй" -- чувствовалась что человек светится от счастья. Да и вообще испытывает к нему симпатию. Может он был ему чем-то дорог.

--Хуй два!-- отчетливо услышал я слова партийного чиновника, когда предложил, чтобы он меня уволил за срыв посевной.-- Хуй два!-- повторил он.-- Будешь работать как работал. Один хуй у нас все в стране разваливается,-- вздохнув, неожиданно поделился со мной он своими мыслями.

--Так может уйдем вместе,-- хотел предложить я. Да подумал, что скажу при встрече.

--До моего приезда никаких мер не предпринимать!-- четко, по военному, распорядился второй секретарь обкома, и я подумал что у меня есть еще целый день (он должен был приехать завтра) в должности председателя колхоза. А завтра он меня или уволит или повысит в должности. Смотря по тому как понравлюсь.

Я пошел на стройку. Мой заместитель, пожилой степенный дядька, но такой же тихий пьяница как и остальные, нанял шабашников. К осени они должны были построить новый амбар для хранения урожая. И хоть урожая не намечалось, стройка была в самом разгаре. Я собирался встретиться с бригадиром, и честно признаться, что в колхозе нет денег.

Чтобы бригадир меня не побил, с собой я взял тракториста, Николая. Лет Николаю было столько же, сколько и мне. Знали мы друг друга еще с детства. Меня с братом родители привозили в деревню на лето. В деревне жили родители отца. К тому времени как я приехал устраиваться на работу в колхоз - бабка с дедом уже умерли. И я жил в их доме. А Колька жил напротив.

С решимостью поскорее закрыть вопрос со стройкой, я распахнул дверь сторожки, где мне сказали, сейчас находился бригадир.

На меня уставились глаза... прораба с которым я когда-то работал на стройке. Он ничуть не изменился. Все та же свиная рожа.

--Ни хуя себе!-- присвистнул он.-- Прислали отбывать практику?

Вопрос предназначался мне. Мне даже не нужно было оглядываться. В сторожке никого кроме меня, Николая, и прораба никого не было.

--Я председатель колхоза,-- как можно строже произнес я.

Раздался гомерический хохот. Смеялся прораб. Он мне не поверил.

В последний момент мне удалось схватить за рукав Николая. Коля отчего-то не любил прораба. И когда я предложил ему пойти со мной, решил что мы идем того бить.

Сейчас Коля видимо подумал что час настал, и решить проломить прорабу башку. Своим огромным кулачищем. Коля мог оторвать от земли трактор.

--Извините,-- оценив ситуацию, быстро произнес прораб.-- Это нервное.

--Стройку придется остановить,-- выпалил я.-- Колхозу нечем платить. Извините.

Прораб готов был расхохотаться вновь, но бросив взгляд на Николая, решил что не стоит. Вместо этого он достал из сумки, стоявшей под столом, две бутылки водки.

--Закусь я сейчас достану,-- первым среагировал Николай.

Через час мы уже были в хлам пьяные. Сказалось... Да мало ли что сказалось. Скорее даже не что-то конкретное. А как бы все навалилось в кучу. И срыв посевной, и разбазаривание народного хозяйства (колхозники действительно пиздили все что плохо лежало), и общий развал колхоза. Да и, наверное, то, что строители работали уже месяц, а платить им было нечем.

Я посмотрел на прораба. Сейчас я чувствовал какую-то близость к нему. Он стал мне родным. Тем более это в какой-то мере был человек из прошлого. А прошлое я любил.

--Про бабки не беспокойся,-- утешил меня прораб.-- Своё мы получим и на других объектах. Главное что сказал. А так бы проебались до осени, и получили бы прогорклый хуй.

--Так вы и так его получили,-- хотел было сказать я. Да передумал.

--Кстати,-- загадочно посмотрел на меня прораб.-- А ведь ту краску ты так и не принес?.. Съебал по-тихому.

Я неопределенно пожал плечами, мол, что тут говорить.

--Да ладно, не парься,-- по-своему оценив мой жест, произнес прораб.-- Нас все равно сразу как ты ушел, перебросили на другой объект. Да и не ты один разливаешь краску. Проехали.

Я благодарно посмотрел на него. И подумал что завтра во что бы то ни стало найду деньги. Стройка будет продолжена. А сегодня я решил продолжить пить. Тем более в такой душевной компании...

25 сентября 2006 год

рассказ

Черная девушка

Меня вдруг резко прижало. Захотелось выпить. Причем не просто захотелось: я уже не мог терпеть.

--Эрик,-- позвонил я парню, бывшему соотечественнику, который уже лет десять жил в Штатах, и который вызвался помогать мне.-- Эрик, трубы горят.

--Извини?-- не понял Эрик.-- Что-то случилось?

--Эрик, я уже не могу терпеть... Мне нужно срочно выпить.

--А, ты об этом,-- повеселел, догадавшись, Эрик.-- Сколько ты еще выдержишься?-- в вопросе Эрика ни чувствовалось ни тени юмора.

--Ну, если я буду знать, что сегодня удастся выпить - мне уже будет легче.

--Хорошо,-- сказал Эрик, видимо что-то про себя подсчитывая.-- Я заеду за тобой через час. Дотянешь?

--ОК,-- сказал я.

Я был в Америке уже две недели. Всякий раз покупая продукты в супермаркетах я удивлялся что мне не попадался на глаза алкоголь. А выпить хотелось. Хотя бы пива. Тогда я и решил

спросить у Эрика, где и как пьют американцы. Ведь в магазинах ничего не найти.

--Алкогольные супермаркеты у долбанных американцев вынесены на окраины,-- поделился со мной Эрик имеющейся у него информацией.-- Сам поначалу заебывался. Заедешь в какой-нибудь маркет - и ни хуя. Даже пива не купить. Потом приспособился.

--Действительно пидарасы,-- поддержал его я.

--Но ты не переживай,-- посмотрел на меня Эрик.-- Как захочешь выпить - звони. Я отвезу.

--ОК,-- сказал тогда я.

--ОК,-- кивнул мне Эрик.

Теперь настал такой момент.

Вообще-то Америка мне нравилась. Свободная и независимая, она сразу покорила тем, что на тебя по сути никто не обращает внимания. Здесь уважают личную жизнь. И рядовым американцам наплевать, что ты будешь делать в следующий миг. Им вообще на тебя наплевать. Словно тебя и нет. Меня это устраивало.

Правда, вот как-то курить было неудобно на улице. Сколько не приглядывался к янкам, курящих не замечал. Притом что знал, что эти суки курили.

"Может у них есть закон запрещающий курение в общественных местах",-- подумал я. И курил в номере гостиницы. И туда же ко мне приходила знакомая американка.

Сара была черная. И с ней я познакомился на дискотеке. Как я попал на американскую дискотеку? Все очень просто. Отоварившись благодаря Эрику в алкогольном супермаркете, я

как-то быстро выпил пиво которое набрал. Захотел еще. Эрик на несколько дней уехал в Нью-Йорк (я остановился в Балтиморе). Вечерело. Я вышел на улицу, вспомнив, что когда мы с Эриком проезжали по соседней улице, я заметил вывеску бара.

Бар я вскоре нашел. Типичное заведение, какое часто до того видел в американских фильмах. Ветвящаяся стойка, бармен (на этот раз их было два), и рассевишиеся по краям рядовые американцы. Ну или не рядовые. Хуй их знает.

Уже несколько минут как я вошел - я выдерживал взгляды посетителей. "Что уставились, гондоны",-- хотел закричать их. Решив, в крайнем случае, всех отпиздить, если начнется заварушка. И вдруг стал догадываться о причинах их любопытства. При росте чуть больше метра восьмидесяти - мой вес в то время подходил к ста тридцати кило. Несмотря на то что пил и курил - я еще регулярно тренировался. Я вообще никогда не любил загонять себя в какие-то рамки. И всегда сам знал что хочу. Так вот, жирные американцы просто смотрели на меня с восхищением. Ну или с одобрением. Одобрением того, что я к ним пришел я (хотя я был уверен - меня никто не знал). А может постоянные обитатели того питейного заведения просто вглядывались в меня, пытаясь узнать во мне своего знакомого. Черт их знает.

Я подошел к стойке. Поискав глазами бутылку с коньяком - я последовательно показал на нее и на стакан (языка я не знал и вынужден был изъясняться жестами), отмерив пальцами половину.

Бармен удивленно посмотрел на меня.

--Я хочу выпить,-- раздраженно сказал я по-русски.--

Налей мне коньяк.

--Ноу, ноу,-- замахал головой бармен. Видимо эта сука меня не понимала.

--Послушай, ты, хуила,-- обратился я снова к нему.-- Я тебя прошу по хорошему: налей мне выпить.

Тот развел руками, мол, не понимаю, периодически пытаюсь всматриваться в зал. "Может там есть кто-то, кто говорит по-русски",-- подумал я, проследив за движением его рыжей головы.

--Виски!-- вспомнил я американский аналог коньяка, решив что коньяк по-американски переводится иначе.

--Виски?-- посмотрел на меня американец.

--Виски, виски,-- кивнул я, прищелкнув для надежности пальцами по шее. В России это жест алкоголиков. В Штатах наверное означало что-то иное. Потому что рука бармена уже было потянувшаяся к бутылке с "Виски" -- застыла в воздухе.

--Не, ну я тут с ними окончательно охуюю,--подумал я.-- Без этого ебанного английского даже не выпьешь.

К бармену неожиданно подошел один из посетителей, задал ему несколько наводящих вопросов, поглядывая на меня, улыбнулся, и показал, что берет всю бутылку "Виски". "Айс"-- произнес он еще слово, и судя по тому что бармен тотчас же поставил на столик лед, я предположил что "айс" и есть лед.

.....

--Моя бабка была из России,-- поделился со мной Роберт. Роберт оказался переводчиком и журналистом CNN. Знал он пять языков. Из которых один - был русский. Вообще могу сказать, что

даже не зная языка (в школе и институте я учил немецкий), особых трудностей с общением я не испытывал. Нет, конечно же было бы намного легче если бы я его знал. Но так уж вышло, что испытывая к этому языку неприязнь - я всячески и отодвигал повод начать изучение его. В стране, где я жил -- он мне был не нужен. Сейчас я пожалел об этом.

"Дринк, дринк",-- вторил я американцам, чокаясь с теми из них, кто облепил меня в баре. Человек семь-восемь действительно выказали желание выпить с русским. И поговорить. Если бы я знал язык - разговор бы получился более предметным.

После бара мы с Робертом пошли на дискотеку. Правда я до последнего не был уверен куда мы идем. Показав на барменшу, я спросил его, как мне сказать по-английски "я хочу тебя".

--Ай войнт тью,-- примерно следующее сказал американец. Но тут же покачал головой.

-- Что?-- не понял я.

--Не даст,-- признался Роберт.-- Лесбиянка.

--Так пусть приведет подругу,-- хотел сказать я, но только с сожалением посмотрел на первую представительницу Америки с которой я захотел переспать, и получил облом.

--Сука,-- выругался я.

--Сука?-- внимательно посмотрел на меня Роберт.-- А, сука,-- вспомнил он значение русского слова.-- Скорее всего "блядь".

Я зауважал американца.

Роберт предложил проводить меня туда, где, по его словам, были девушки которые могли переспать.

Так мы оказались на американской дискотеке. Причем внешне заведение походило скорей на какой-то офис в заправочной станции (рядом располагалась заправка). На деле оказался вполне сносный ночной клуб.

Вскоре Роберт подвел ко мне негритянскую девушку, которая, по его словам, с удовольствием проведет ночь.

--Бабки платить ей надо?-- спросил я у Роберта.

Он неопределенно мотнул головой.

--Пойму по ситуации,-- решил я, увлеченно начав рассказывать девушке какую-то хуйню, в последний момент догадавшись, что она ничего не понимает.

--Придется ебать без слов,-- подумал я, и предложил Саре пойти со мной. Моя гостиница была метрах в трехстах.

Сара на удивление согласилась. Не веря что она действительно понимала что я ей предлагал, я повторил предложение заученное в баре. "Ай войнт тью",-- сказал я.

Девушка кивнула головой и улыбнулась. Говорила она мало. Видимо полагая, что я все равно ни хуя не понимаю.

В постели Сара повела себя странно. Минет она порывалась сделать когда мы только поднимались по лестнице. Поэтому я решил, что проблем с сексом в этот вечер (уже начиналась ночь) у меня не будет.

Когда мы зашли в номер, Сара повалилась на постель, вознамерившись видимо просто уснуть.

--Ноу, ноу,-- запротестовал я.-- Будем ебаться,-- я начал снимать джинсы.

Девушка непонимающе посмотрела на меня и кивнула, отворачиваясь от меня.

--Наверное хочет чтобы я ее отъебал в зад,-- расценил я ее движения и сняв штаны, трусы, и поддерживая член руками (член не дожидаясь давно уже стоял) начал пристраиваться сзади. Но для этого мне надо было стащить с нее джинсы.

Девушка запротестовала. Ее тело напряглось. Она не хотела, чтобы я с нее снимал джинсы.

--Подсунул "пизду",-- подумал я о Роберте, который сейчас наверняка трахал какую-нибудь белую американку, совсем не зная, что эта черная блядь мне не дает.

--Будем ебаться или нет?-- развернув девушку к себе лицом, спросил я.

Девушка улыбнулась.

Я усиленно пытался догадаться, что же все это на самом деле должно означать.

Неожиданно девушка стала раздеваться сама. Причем снимаемая ей одежда разбрасывалась в разные стороны. Прослеживалась закономерность. Каждая последующая часть туалета не должна была лететь туда, куда секундой-другой раньше полетела предыдущая.

--Может она сумасшедшая?-- подумал я. Но негритянская девушка уже потянула меня за руку на себя. Лежала она на спине с широко разведенными ногами. Я на миг засмотрелся на ее черную пизду.

Она что-то сказала по-своему. Я лег на нее, и помогая себе рукой вставил член в ее влагалище. Начался трах.

.....

...Кончил я ей в рот. Причем ее губы расплывались от счастья. У меня промелькнуло подозрение, что как только она высосет с меня всю сперму, то меня съест. Мало ли как это было принято у черных. Ну или в комнату ворвутся черные парни, и примутся ебать уже меня. Или заставят отьебать их. В их черные задницы.

Хорошо что я успел кончить. Потому что мой член неожиданно стал съезживаться от подобной перспективы.

Взглянув на девушку, я подумал что она видимо хочет еще. Быть может ее черные бой-френды ебут ее по много раз в день. А может подряд она пропускает через себя десяток хуев, и только потом успокаивается. Во мне жил стереотип о невероятной ебучести негров.

Бросив взгляд на мой пенис, девушка выразительно посмотрела мне в глаза.

--Я больше не могу,-- признался я.-- Нужно время чтобы он снова встал.

Как мог я показал это жестами. Девушка кивнула, улыбнувшись.

--Хуй его знает, что у нее на уме,-- подумал я.-- Может заготовила какую-то подлянку и теперь радуется.

Я пошел в ванную. Когда вернулся в комнату, девушка уже спала.

--Как бы еще не заразиться СПИДом,-- совсем некстати подумал я.

Я решил выпить. Не потому что думал, что это сможет меня уберечь от СПИДа. Просто решил выпить. Просто так.

.....

...Когда я проснулся, девушки уже не было. На улице вовсю светило солнце. Было часов десять или одиннадцать. Время второго завтрака у американцев. Я натянул джинсы, футболку, кроссовки, проверил деньги (деньги все были в сохранности), и пошел в ближайшую пиццерию. Там работали итальянцы, которые всегда с удовольствием меня обслуживали. Правда этому предшествовало мое долгое объяснение в любви к итальянской кухне. Но это было в первый раз. Теперь мне даже ничего не надо было говорить. Только увидев меня, они тотчас же начинали готовить ту пиццу, на которой мы сошлись в первый раз. Я брал пару банок "пепси", и показывая им жест испанских революционеров ("камрад, товарищ") спешил в номер.

У меня была виза на полтора месяца. Несколько раз я продлевал ее, так что в итоге пробыл в Америке почти четыре месяца. Все это время я трахал только одну девушку. Ту самую негритянку, с которой познакомился на дискотеке. Ничем не заразившись от нее, я подумал что нет смысла экспериментировать, чтобы привезти домой какую-нибудь экзотическую болезнь. Правда несколько раз моя черная девушка приводила с собой подруг. Всегда одну. Но разных. И таких же черных как она. А мне было все равно. Я честно ебал их всех. Хотя иногда создавалось впечатление, что ебут меня. Но мне и это нравилось.

Боялся я только одного. Вдруг в конце моего пребывания в Америке эта черная блядь выставит мне счет.

И хотя я был уверен, что такого не произойдет, иной раз нет-нет да думал об этом.

.....

Когда я уезжал -- мне стало стыдно. Все черные девушки, которые побывали у меня в постели пришли провожать меня в аэропорт. Причем аэропорт находился в другом городе, в Нью-Йорке. А это много часов от Балтимора. Эрик, который вез меня, гнал, например, со скоростью заметно больше ста (иногда планка поднималась до ста семидесяти). И то мы добирались часа четыре. Сколько же добирались они?

И уже совсем покорили меня последние слова черной американской девушки, сказанные перед тем, как я должен был проходить регистрацию посадки.

--Я... тэбя... лублу... -- сказала она и отвернулась, спрятав от меня слезу.

Я обнял мою черную герлз. Что я мог ей сказать? Что тоже люблю и приеду к ней? Или что буду ждать, когда она приедет ко мне? Наша любовь не имела перспектив, и она это понимала также как и я.

.....

И весь перелет, и первое время после возвращения, я испытывал чувство вины. Мне казалось, что я в чем-то виноват.

Вина ушла, когда я переспал с негритянской девушкой в Санкт-Петербурге. Другой. Это была не Сара. Но моя новая герлз очень походила на нее. И бессознательно мне удалось снять с себя это чертово чувство вины. Благодаря негритянке. Хотя и больше я с ней не встречался. Хватало русских девушек.

27 сентября 2006 год.

рассказ

Луис Альберто

Я шел по Нью-Йорку. Американцы надоели мне уже за неделю. Точнее - не американцы. Этот народ мне нравился. Достали меня все эти люди непонятных национальностей, которыми кишел Нью-Йорк. Латиноамериканцы, китайцы, арабы... Они задевали меня, когда я шел по улице; спешащие куда-то - матерились. Ну или мне казалось, что они матерятся. Английского я не знал. И по большому счету я презирал их всех. За что? Наверное за то броуновское движение, участником которого я становился благодаря им.

Через четверть часа я должен был встретиться с Луис Альберто. Парня звали иначе. Это я назвал его так из-за схожести с героем мексиканского сериала. Луис Альберто знал, где продается марихуана. Ну или сам должен был принести ее. Мы так неопределенно договорились, что я понял только одно: мы должны встретиться. А там..

Луис Альберто мне нравился. Нравился прежде всего своей уверенностью. Казалось, он всегда знал, что нужно вам. И мог это достать. И несмотря на то что я догадывался что это не так, бессознательно я симпатизировал ему. Да и какая разница? Что-то ведь он мог.

Луис Альберто на встречу не пришел.

--Ебанный мексиканец,-- ругался я, уже в течении получаса после обусловленного времени свидания расхаживающий взад-вперед по улице, на которой мы должны были встретиться словно "случайно".

На случайности настоял Луис Альберто. Сейчас я его проклинал за эту непонятную мне конспирацию. Какая к черту конспирация, если я уже полчаса расхаживаю по одной улице. Улица была метров в двадцать длину. И понятно, что я уже успел засветиться.

--Серджо? -- тронул меня кто-то за локоть, когда я уже собрался уходить, мысленно послав к ебаням собачим и Луис Альберто и знакомого переводчика, который свел меня с ним.

--Серджо,-- повторил голос. Всмотревшись, я узнал в говорившем Луис Альберто.

--На хуя ты так вырядился?-- непроизвольно вырвалось у меня. Вместо костюма и дипломата (его повседневная одежда и дополнение к одежде) на моем мексиканском приятеле сейчас была одежда негров США - длинные до колен шорты, бесформенная бейсболка, кепка.-- Ничего себе маскарад!-- присвистнул я, не дождавшись от Луи Альберто ответа.-- За тобой наверное следили,-- пытался я догадаться почему он так вырядился.-- И уходя от погони, ты решил замести следы? Или...

--Все намного прозаичнее,-- перебил меня Луис Альберто. Луис Альберто говорил по-русски. Когда-то он был студентом московского института дружбы народов.-- У меня спиздили одежду (ругаться его научили русские студенты),-- вздохнул он.-- Оставили этот маскарад,-- он попытался окинуть себя взглядом со стороны. У него получилось. Он тотчас же попытался снять одежду.

--Ты ебанулся,-- уберег я его от позора.-- Зачем же раздеваться?.. Кстати, кроме этого одеть было нечего?

--Я же говорю, что все украли,-- вздохнул Луис Альберто.

--Так давай зайдем в магазин и подберем что-нибудь,-- я был преисполнен решимости доделать запланированные на сегодня дела. Если мой мексиканский товарищ не способен идти за марихуаной в таком одеянии - я готов был купить ему другую. Вечером ко мне должны были придти две подружки из Сербии. Я уже раз трахнулся с ними. По очереди и в разное время. Сейчас мы договорились переспать втроем. Чтобы лучше стоял, мне нужна была марихуана. Ну и заодно марихуана нужна была чтобы раскрепостить подружек. И хоть они в этом не нуждались, я решил подстраховаться. На случай если кто-то начнет испытывать смущение. Ну и самое главное - втельмяшив что-то себе в голову, я мог стоять на своем до последнего. Поэтому сейчас я во что бы то ни стало должен был достать траву. О чем и сказал Луис Альберто.

--Трава у меня с собой,-- вздохнул Луис Альберто.-- Но...

Я не дал ему договорить. Я схватил товарища и поволок его к фасаду ближайшего здания. "Давай, давай поскорее передай мне то, что ты принес",-- попросил я, как только его спина уткнулась в здание.

Луис Альберто видимо хотел что-то добавить, но я вырвал пакет из его рук.

--Трава очень хорошая,-- сказал Луис Альберто. К нему вернулась его уверенность.-- Совсем без семян.

--Так мне же наоборот нужно с семенами?-- посмотрел я на Луис Альберто.-- А ладно, какая разница,-- тут же махнул я

рукой, про себя подсчитывая, на сколько порций хватит пакета. Выходило, что нам троим хватало обкуриться.

--Можно я приду к вам,-- поверг меня в шок своим вопросом Луис Альберто, когда я, закурив сигарету, стал прогуливаться с приятелем по улице.

--Куда ты хочешь придти?-- поинтересовался я, вспоминая, когда я ему говорил, что намечается сегодня вечером.

--Ну как же,-- остановился, посмотрев на меня Луис Альберто.-- Ты разве не встречаешься сегодня с русскими товарищами?

--Зачем мне встречаться с русскими това... -- начал было я, да вдруг вспомнил, что Луис Альберто поначалу ни за что не хотел продавать мне анашу. И согласился только тогда, когда я намекнул о том, что - как я подозревал - он хотел бы услышать: что я специально приехал в Нью-Йорк из Москвы, чтобы встретиться с членами подполья. И хоть приехал я из Санкт-Петербурга, и совсем по другому поводу, я почему-то подумал, что Луису Альберто будет приятно услышать именно это. Переводчик, который меня свел с ним, намекнул, что мексиканец сбрендил на революции и верит в победу мирового коммунизма еще с обучения в Союзе. То что он до сих пор не знал что Советского Союза уже нет - я понял сам, когда разговорившись с Луис Альберто, он доверительно сообщил мне, что, по его мнению, КПСС грозит скорый распад. И у вас в стране,-- доверительно сообщил он,-- могут появиться другие партии.

--Да партий уже до хуя,-- произвольно вырвалось у меня. Но Луис Альберто не поверил.

--Я не могу тебя взять на встречу,-- как можно вежливее сказал я.-- Тебя в нашем подполье (я решил играть по его правилам) не знают. Могут посчитать, что твой приход это провокация - и убить нас обоих. Надо выждать время,-- улыбнулся я, пытаясь по глазам Луи Альберто понять, поверил ли он во всю эту лабуду.

Он поверил. И даже сам предложил разойтись немедленно, чтобы лишний раз не компрометировать меня.

--Это лишнее,-- удержал его я.-- Члены подполья засекречены. И никто из них в Нью-Йорке не живет. Приезжают из других мест четко к назначенному времени. Сейчас был полдень. Встреча с девушками (подпольем) была назначена на восемь вечера. Так что у меня еще вполне было время пообщаться и с Луис Альберто. Я предложил ему пойти в бар.

--А это не помешает конспирации?--- спросил он, но я так отчаянно замотал головой, что мексиканский товарищ сразу успокоился. Луис Альберто мне всегда верил.

В баре Луис Альберто напился. Причем, то ли виски легло на старые дрожжи (у меня почему-то было подозрение, что Луис Альберто любил выпить), то ли не нужно было нам мешать виски, водку и пиво, но сейчас передо мной был результат: Луис Альберто был пьян. В хлам.

--Ебанный рот,-- выругался я, не представляя куда я потащу мексиканца. Я совсем не знал где он живет. А везти его в номер, который снимал я, по понятным причинам не мог. Все же другие номера в гостинице - как я знал - были заняты. Я сам хотел перебраться в другой, более большой. Но нагрянули китайцы,

участники какого-то симпозиума, которые непременно решили остановиться в той же гостинице где и жил я.

--Может оставить его в баре?-- подумал я.-- Вот так вот взять и уйти. А его оставить сидеть за столиком, аккуратно притулив к стеночке. До закрытия наверняка протрезвеет. И уйдет домой сам. К себе домой. Ведь я же не знал где его дом...

Погрузив Луис Альберто в такси, я повез его в гостиницу. "Брошу спать в ванну",-- решил я. Но тут же подумал, что девочкам наверняка захочется принять душ (до или после). И что тогда делать с мексиканцем?

Рассчитавшись с таксистом, я обхватил Луис Альберто за талию, и с трудом потащил его в гостиницу. Он был тяжелый, этот мексиканец. Я, в джинсах, сандалиях, и рубашке на выпуск и мой спутник в одежде негров, с поникшей головой и волочащимися за его телом ногами - явно производили странное зрелище. Можно было решить, что я снял негра, напоил его, и теперь волок в свой номер. Ебать... Именно этим я объяснял себе все те взгляды, которые сопровождали нас еще с улицы, перед входом в гостиницу, и закончились только когда я открыл свой номер, опустив Луис Альберта в ванну.

--Ебаный мексиканец,-- выругался я.-- Проклятый пидарас.

Я понимал что до прихода сербок должен куда-то вывезти Луис Альберто. Заниматься любовью с девушками я хотел без посторонних. Да и пьяная рожа мексиканца помешала бы настроиться на нужный лад.

Время шло, а я так ничего путного и не придумал, как оставить Луис Альберто в ванной.

--Хуй с ним,-- подумал я.-- Девкам скажу что ванны у меня вообще нет. Буду ебать их грязных. Да и после анаши мне уже будет все равно. А после - пусть подмываются в тазике. Я решил уже было набрать женщинам тазик, как меня остановил рев в ванной. Луис Альберто пел песню.

--Вот же пиздюк,-- сказал я и поспешил в ванную комнату. Если этот черт проснулся, его необходимо было побыстрее выпроводить. Скоро должны были придти герлз.

Когда я распахнул дверь, Луис Альберто спал. Я принялся его будить. "Вставай, скотина",-- гневно закричал я, когда сонный Луис Альберто по-русски послал меня на хуй. "Ну, вставай немедленно,-- приказал я.-- Ты сорвешь встречу".

На удивление, мексиканец не только тотчас же открыл глаза, но и выглядел так будто совсем не пил. Он пробурчал что-то нечленораздельное.

--Что?-- посмотрел на него я.

--И тогда меня убьют,-- расслышал я слова мексиканского коммуниста и любителя подполья.

--Да,-- честно сказал я.-- Тогда тебя убьют. Я. Я убью тебя. За то, что ты сорвал встречу.

Луис Альберто вылез из ванной. Он был одет. Я даже не снял с него кроссовок. Поэтому, подав ему руку, помог дойти до входной двери.

--Как приедешь домой - обязательно позвони,-- сказал я.-
- Я должен быть спокоен, что с тобой все в порядке.

Луис Альберто неопределенно кивнул, мол, что со мной может случиться? - и ушел. Я посмотрел на часы. До встречи оставалось десять минут. "Вовремя",-- подумал я.

Сербки не пришли. Наверное передумали. Я сам выкурил почти всю анашу. И в ту же ночь ебал одну из соседок, китайку. По-моему она была переводчицей. Но мне тогда было все равно.

27 сентября 2006 год

рассказ

Любовь из прошлого

1

Я смотрел на нее и думал: "когда-то я эту женщину любил..."

Мне нравилось ебать ее.

Именно ебать, а не заниматься любовью. В занятиях любовью было что-то приличное, даже может быть эстетическое. Я занимался любовью со своей первой женщиной. Занимался любовью с девушкой, которую больше всего любил. Занимался любовью с женщиной, любви которой долго добивался. Марину же я просто ебал. Ебал там, где находило ее мое внезапно вспыхнувшее желание. Между нами не было любви. У нас был животный секс. Секс без прикрас и без условностей. Я мог запустить руку под юбку ей на улице, делая вид что просто прижимаю ее к себе, целуясь. Мог взять ее за руку, завести в ближайший подъезд, наклонить к стене и отъебать.

Я мог кончить быстро. Мог растянуть удовольствие на всю ночь. Мне было без разницы. Я мог и так и так. В зависимости от ситуации и от настроения Марины. В душе Марина была стерва. Она могла неожиданно начать выебываться. Ни с того ни с сего. "Стать в позу",-- как она усмехалась. В любой позе я ее предпочитал ебать. Когда она ощущала в себе хуй который

насиловал ее - она успокаивалась. Она всегда успокаивалась, когда вы занимались с ней любовью. Иногда я действительно занимался с ней любовью. Но ей больше нравилось когда я внезапно набрасывался на нее, срывал одежду или задираю платье, разрывал трусики, и вонзал в нее свой эрегированный член.

Она любила мой член. Иногда она использовала его в качестве средства психотерапии. В минуты грусти она просила: "дай пососать".

Я не отказывал. Отказать Марине я был не в силах. Она была странной женщиной. Тридцать лет. До меня уже побывала замужем. Вдова (мужа убили менты на допросе; муж был вор-рецидивист). Небольшого роста. Сорок килограммов веса. Женщина-подросток. Этакий зло ебучий "подросток". Марина могла не слезать с вашего хуя сутками. Все время умоляя: "еще, еще...". Я был на семь лет ее младше. Мне казалось наоборот. Для меня она так и осталась маленькой девочкой, которая постоянно хочет ебаться.

.....

С возрастом я понял, что желание Марины ощущать в себе эрегированный член партнера - есть ни что иное, как стремление защититься, укрыться от страха жизни. От той неуверенности, которая внушила ей жизнь. От тех опасностей, которые подстерегали ее. Она так считала. Подсознательно считала. И это ее подсознательное желание я каким-то (наверное тоже бессознательным) образом угадывал. И давал ей то, что дать был способен. Свой член, находящийся в вечной готовности. Свое внимание. Свою защиту.

.....

Я никогда не говорил ей, но Марина понимала, что если ее будет ожидать опасность - я убью всех кто встанет у нас на пути. Всех кто захочет ее отобрать у меня. Всех кто захочет обидеть ее.

Так это было на самом деле. В двадцать три года моя голова мне уже не принадлежала. Впервые у меня появилась женщина, с которой я мог заниматься любовью всегда когда хотел. Всегда. И не просто заниматься любовью, а ебать ее. Ебать даже быть может со всей жестокостью. Я не обращал внимания на установленные какими-то ханжами правила и условности. Интеллигентный мальчик из профессорской семьи, худенький, в очках, я вдруг принялся сокрушать устои общества. Те устои, которые существовали до меня. Я мог катить ногами свою связанную женщину, а потом остановить ее движение когда она оказывалась на животе, разорвать на ней трусики, и раздвинув ягодицы - вставить в анус свой член. И приняться ебать.

Марина кончала независимо от того, куда вы ее ебали. Если она сосала ваш член -- ее пизда смачивалась от испытываемого удовольствия. Если вы трахали ее в попу, вам необязательно было тереть ей клитор. Она кончала и так.

Вы могли посадить ее на свой хуй, а другой, искусственный, вставить девушке в зад. Марина кончала уже от одного осознания в себе сразу двух хуев. От ощущений она кончала еще. От воспоминаний - Марина кончала тоже. Она всегда кончала.

Марина была удивительная женщина. Могу сказать что после нее (мы встречались четыре года) я подспудно подбирал партнерш с такими же вседозволенностями, к которым приучила меня она. Каких-то условностей Марина не признавала. "Ебать так ебать",-- считала она. И я был в восторге от подобного настроения к жизни.

Живя с Мариной (она жила у меня) я не отказывался от других женщин. Марина догадывалась об этом. Но никогда не противилась. Я считал -- из-за того что любит. И от этого любил ее еще сильнее.

Можно сказать, у нас была семейная идиллия. Расстались мы от того, что Марина стала исчезать из дома. Сначала она отсутствовала сутки. Потом стала пропадать на неделю. Самый большой срок который ее не было - месяц. Я думал она уже не вернется. Взял жить другую женщину. Марина вернулась как-то утром, пьяная и измученная. Я принял ее такой как она есть. И вынужден был прогнать ту девушку, которая уже осваивалась в роли хозяйки. Я видимо слишком потребительски относился к женщинам. Но у меня всегда их было любое количество. Я мог позволить себе быть негодяем.

Как только я прогнал девушку -- узнал что Марина была не против чтобы мы попробовали втроем. Она меня любила. И всегда возвращалась.

Вы думаете у нее не было где жить? У нее было три квартиры. Одну купил ей папа; вторую оставил муж, третью приобрел любовник, который был компаньоном ее папы, и с которым она встречалась в подаренной им квартире. Я подозревал,

что когда Марина исчезала из дома, она жила в той квартире. С тем мужчиной.

.....

Оказалось, она обманывала и его. Я с ним недавно познакомился. Пожилой степенный дядя, отец семейства. Жена не подозревала, что у него молодая любовница. Он не подозревал, что у его любовницы был кто-то, кроме него.

"Понимаешь,-- вздыхал он, гася в пепельницу очередную сигарету,-- она ведь отдавалась всегда с такой страстью. Я старался встречаться с ней каждую неделю. Бизнес, семья,-- оправдывался он.-- Я видел как она голодала по сексу. Ждала меня. Но чаще с ней встречаться я не мог..."

Мне было неудобно ему признаться, что эта шлюха трахалась со мной по несколько раз на день, и все равно хотела. Марина была рождена для секса. "Для мужчин",-- мысленно поправил я себя. Ничего кроме мужчин и их хуя ей в этой жизни было не нужно.

"Я выяснил к кому она ушла,-- в очередной раз вздохнул и опустил глаза когда я посмотрел на него бывший любовник моей бывшей женщины.-- Если хочешь - возьми адрес".

.....

"Накажи его,-- скулил мужчина, опьянев (мы пили у меня дома как бывшие любовники единственной на двоих женщины).-- Убей. Ты должен убить его".

Я взглянул в остекленевшие глаза несчастного. Подумал, что если бы сейчас Марина вернулась - я бы ее уступил ему. Я мог себе это позволить. Женщины меня любили. Он же по всей

видимости не мог ни с кем трахаться кроме жены. Марина была для него добрым исключением. С ней у него всегда вставал хуй. И стоял столько, сколько желала Марина.

"Все дело в ее униженности и артистизме",-- считал я. Вы могли делать с ней все что угодно. Она все принимала как должное. Ничем никогда мужчину не упрекала. Ни разу не инсценировала скандал. Если была чем-то недовольна - вы истолковывали это как повод к сексу. Она не противилась, когда вы ее насиловали. Она любила, когда ее насиловали. Никаких вступлений и прелюдий было не нужно. Голый секс. Без условностей и ограничений.

Я подозревал, что Марина не только для меня или уснувшего за столом мужчины была пределом желаний и идеалом женщины. Наверняка был еще мужчина, к кому она ушла, бросив нас.

Мне захотелось встретиться с ним. Нет, бить его я не собирался. Мне хотелось только увидеть. Посмотреть, как он выглядит. Я даже мог не разговаривать с ним. Мне достаточно было посмотреть на него. На его лицо. По лицу я мог сделать более-менее правильный вывод и о нем самом. За моими плечами был законченный с отличием факультет психологии. Через год я планировал защитить диссертацию. Мне достаточно было только увидеть его.

Я его увидел. И все понял. Понял, что я на самом деле ничего не понимаю. А потом подумал, что так в итоге все и должно было быть. К этому все шло. Зерно легло в специально приготовленную для него почву.

Марина жила... с женщиной. С женщиной-лесбиянкой. Я даже знал ее. Я сам когда-то познакомил их. Представив ту женщину как знакомую. И как жену товарища. Товарищ был гей. Его жена лесбиянка. У них был брак по расчету. Живя вместе, каждый занимался сексом на стороне. От людских пересудов их защищал штамп в паспорте.

Сейчас эта женщина оставила мужа и стала жить с Мариной. Им обоим было наплевать на общественное мнение. Это было в их духе. Зерно легло в свою почву. Все было закономерно.

4 октября 2006 год

рассказ

Дед Вася

Дед Вася был охуительный вор. В молодости. Если бы не началась война - воровал бы по-прежнему. А к своим семидесяти двум годам (когда он мне рассказывал об этом, ему было семьдесят два) наверняка бы стал вором в законе. Скорее всего, даже раньше.

Дед Вася давно завязал. Что не помешало ему, впрочем, пиздить магазины стран, по которым проходил его танковый батальон во время войны. Или украсть вагон спирта. Все возвращались на родину из поверженной Германии с орденами и медалями, а дед Вася прихватил еще и вагон спирта. На границе патруль хотел спирт изъять. Дед Вася перестрелял патруль. И получил двенадцать лет лагерей (дали бы больше, если бы не заступился Жуков, которого танкист Василий Зарубко спас, направив свой танк на вылезшую из засады немецкую артиллерийскую пушку).

Из лагеря дед Вася ушел по активровке, отсидев пять лет и оставшись на всю жизнь инвалидом (на лесоповале ему отдалило ногу). Однако, несмотря на то что завязал, в душе дед Вася остался все таким же разбойником. И при первой опасности лез в карман за финкой. Или же просто бил по голове тростью с железным набалдашником. В поселке деда Васю боялись. Он жил в небольшом поселке недалеко от Краснодара. Когда был молодым - держал поселок. Вместе с Колькой Стаханом. Колька Стахан умер от туберкулеза, когда отбывал свой девятый срок. Было ему к тому времени шестьдесят семь. Авторитетным вором он так и не стал. Но воровал и сидел до самой смерти. И дед Вася вполне мог бы повторить судьбу своего кореша. Но вовремя одумался. По его словам - вовремя одумался. Хотя мне показалось, что если бы была возможность - дед Вася воровал бы и сейчас. "Если бы не нога,-- согласился он на мое предположение.-- Удирать-то не могу..."

Дед Вася был женат дважды. Первый раз неудачно. Жена его наебывала по-черному. Десятков пять чемоданов, набитых пиджаками, сорочками, и прочими шмотками, которые дед Вася набирал в магазинах поверженного противника, он переслал ей с фронта. Когда вернулся - у него не было костюма пойти на встречу с однополчанами. Жена все продала. Да еще, подозревал дед Вася, и ебалась с покупателями. Эту блядь дед Вася выгнал.

Женился он во второй раз. Удачно. Жили в согласии. Когда жена лежала в роддоме, дед Вася, оказавшись без денег, принялся за старое. И в месяц у него выходило по несколько тысяч

рублей. Средняя зарплата в стране тогда была сто двадцать. Рублей. У деда Васи были тысячи. Чем не работа?

Дед Вася стал жить на широкую ногу. Но когда жену выписали из роддома, вынуждено завязал. В любой момент он мог спалиться, а сидеть, когда у него подрастала дочь - не хотел.

Дед Вася пошел на завод. На сталелитейный завод. Впрочем, с первого завода его уволили. Не удержавшись, дед Вася (тогда сорокалетний рабочий) сломал челюсть бригадиру. За то, что тот обозвал его сукой. Ругаться дед Вася не любил. И не терпел, когда ругали его. Бригадир побежал жаловаться парторгу. Вмешавшийся парторг дело замял. За это дед Вася помог купить ему новенький "Москвич". А бригадира, изловив недалеко от проходной, отпиздил. Выбив два зуба и поставив фингалы под обоими глазами. Хотя с какого-то времени дед Вася прекратил драться. Вообще. Может это ему настоебало. А может, стал старым.

Когда я видел проходившего мимо деда Васю, я всегда невольно засматривался на него. Роста он был небольшого. Веса среднего. Лысоват, и совсем не красавец. Но во внешности деда Васи было что-то подкупающее. У него было типично русское лицо. Открытый взгляд. И уверенность человека, который не пропадет в жизни, даже если эта сучья жизнь будет всякий раз расставлять какие-нибудь подлянки.

--Вот послушай, что я тебе скажу,-- сказал мне как-то дед Вася, встретив меня проходящим мимо калитки его дома, возле которой он стоял, куря сигарету.

--Да, дядя Вася,-- вежливо посмотрел на него я. Я тогда, женившись на девушке которую в тот момент любил, стал соседом

деда Василия по поселку. Прожил я в поселке недолго. Расставшись с женой, я переехал сначала в краевой центр, а потом и перебрался в Ленинград. Из которого уже не выезжал, став Петербурженцем.

--Да, дядя Вася,-- повторно спросил я, заметив, что дед Вася как-то изучающее на меня уставился. Ходили слухи, что после контузии в голову деда Васи иногда закрадывалась абсолютная хуйня. В такие моменты было лучше держаться от него подальше. Но я не боялся. Проработав два года санитаром в дурдоме, я знал как вести себя с сумасшедшими. К тому же в детстве я занимался боксом. И при случае непредвиденных обстоятельств мог дать в челюсть.

--Хочешь водки?-- улыбнувшись, спросил меня дед Вася.

--Водки?-- переспросил я, и только тут вспомнил, что мне давно уже говорили, что дед Вася гонит спирт. И делает из него очень даже неплохую водку.-- Хочу,-- честно признался я.

Мы выпили. Для этого мне нужно было только зайти во двор к деду Васи. Там все было уже приготовлено.

--Что-то отмечаете?-- вежливо поинтересовался я, намекая на мини-стол, накрытый во дворе. На импровизированном столе (табурет, с положенной поверх фанерой) было аккуратно нарезано сало, лежало несколько малосольных огурцов, стояла кружка с водой (из колодца; колодец был во дворе деда Васи), ломоть черного хлеба, и стакан. В стакан наливалась водка из бутылки 0,7. Кажется из-под водки.

--Скучно просто,-- честно признался дед Вася.

--А Любовь Павловна?-- спросил я про его жену.

--Уехала к сестре, в Пятигорск,-- ответил дед Вася, наливая полный стакан водки, и пододвигая его ко мне.

--Будем,-- кивнул я, и махом осушил стакан. Пить я любил. Иногда пил целыми днями. Потом останавливался, и мог не пить месяц. Или два. Пока не подозревал, что становлюсь трезвенником.

В тот день у деда Васи был день рождения. Узнал я об этом, когда уже собрался уходить. Узнав,-- решил остаться. Правда для того мне нужно было присесть. Или еще лучше - притечь. Я уже с трудом стоял на ногах.

--Вот колодец,-- кивнул дед Вася на участок.-- Набери ведро и окуни голову. А лучше облей себя. Поможет.

Я воспользовался советом. Неудачно. В колодец я провалился.

--Да ты что, охуел?! Охуел? Я спрашиваю, ты охуел?-- бегал по участку и кричал дед Вася. Потом он видимо подумал, что меня надо вытаскивать. И я увидел его лысую голову, загордившую свет. Дед Вася наклонился, вглядываясь в темноту.

--Я здесь,-- я подумал, что мне нужно откликнуться.

--Да я вижу что здесь,-- недовольно произнес дед Вася. Мне показалось, что он был бы более счастлив, если бы я утонул. Но утонуть я не мог. Во-первых, колодец был неглубокий. А во вторых, я зацепился за какую-то хуйню. Кирпичные стены колодца раскрылись от времени. Кирпичи зияли осколками зубов. И растопырив руки-ноги я вполне надежно застрял, пролетев вниз не больше двух метров. Внизу была вода. До воды было метров пять. Может три. Вниз я смотреть боялся.

Дед Вася сбросил мне веревку. Я вцепился в нее, а он меня вытащил. Силы в нем еще было много.

--На хуя ты полез в колодец?-- открытыми голубыми глазами посмотрел на меня дед Вася.-- Хотел утопиться?

--Да нет, что вы,-- смутился я. К тому времени я протрезвел. И стоял перед стариком навтыжку. Словно он какой генерал, а я распиздьяй солдат.

--Даже в колодец броситься не могут... -- услышал я слова деда Васи. Обдумывать значение их не было времени. Дед Вася с криком "а ебитесь вы все"! - бросился в колодец.

...Его я вытащил с трудом. Прыгнул дед Вася мастерски, поэтому сразу ушел под воду. И если бы не предварительно выпитые полкило водки, дед Вася бы умер от обморожения. Стакан водки, влитый в него по возвращению эффекта не дал. Пришлось наливать еще.

Откачав деда Васю, я поспешил уйти. Я был не готов к чудачествам своего соседа. Да и вообще мы потом виделись мало. А через какое-то время я и вовсе уехал. Но при этом напился с дедом Васей вновь. Причем пить я его пригласил уже к себе. На моем участке колодца не было. Да и вообще это был не мой участок. Мы с женой снимали полдома. Другие полдома дед Вася и поджег. Хозяева были в городе, торговали на рынке продуктами животноводства, главным образом яйцами. Дед Вася спалил дом и выпустил кур из сарая. Частную собственность он не любил. Из оставшегося дома (потушили пожарники) я перебрался к деду Васи. Через неделю я сбежал от него. Мне показалось, что он меня хотел убить. Ночью, внезапно проснувшись, я заметил его лицо рядом со своим. В руках дед Вася держал какой-то предмет.

Все оказалось намного прозаичнее. В той комнате, которую мне предоставил дед Вася, он хранил баллон с деньгами, вырубенными за водку. И вспомнив об этом, пришел ночью, чтобы забрать свои сбережения. Вслушиваясь в мой храп, задел стул и разбудил меня. Обо всем этом он мне рассказал утром. Но я уже принял решение сваливать. Моя нервная система и так была расшатана неумеренными дозами алкоголя и легкими дозами наркотиков. Поэтому я решил не экспериментировать.

...О смерти деда Васи я узнал уже в Ленинграде. Позвонила бывшая жена, и сказала что умер дед Вася. Перед смертью он искал меня. Спрашивал мой адрес. Хотел сообщить что-то важное. "Но что? - думал я.-- Знать бы только что"?

После смерти деда Васи прошло уже десять лет. А я нет-нет да задумываюсь: о чем же мне хотел сообщить дед Вася? О чем?.. О чем...

30 сентября 2006 год

рассказ

Психопаты

Мне предложили поехать на рыбалку. Кроме меня были еще мой брат, Дима, и друг брата - Вовчик.

--Куда поедем?-- посмотрел я на друзей.

Они переглянулись. И мне показалось немного засмутились.

--Рыба-то там хоть есть?-- спросил я.

--Рыбы до хуя,-- ответил Вовчик.

--Ну, тогда заебись,-- кивнул я и стал собираться.

Я собрал вещи и еду. Заполнил десятилитровую пластиковую канистру водой (была жара, мы ехали с ночевкой, а купаться в озере, как мне сказали, нежелательно). Положил в сумку на всякий случай книгу.

--Зачем книгу-то берешь?-- недоуменно посмотрел на меня брат.

Я сделал неопределенное выражение лица.

Брат махнул рукой. Он давно уже махнул на меня рукой. На мои причуды. Но думаю, он и уважал меня за эту нестандартность. Я никогда не делал то, что делают все.

Часа полтора мы ехали до озера. Брат, казалось, выжимал со своей "девяносто девятой" все что мог. Вовчик, на такой же машине только другого цвета, не отставал.

В машине я напился. В хлам. А потому, когда мы приехали, только успел застелить траву покрывалом и завалился спать.

Когда я проснулся, рыбы уже было до хуя. Она была и в пластиковых ведрах, наполненных водой, и барахталась в садке, предусмотрительно опущенном в озеро. Брат с Вовчиком были настоящие рыбаки. Но и я не хотел казаться распиздяем. Поэтому, попросив удочку, взял червей, и пошел искать место. Я любил побыть один. А рыбалка по моему мнению как нельзя к этому располагала. Тем более озеро примыкало к лесу (через тропинку), и вполне свободно можно было потеряться.

Ловил я час. Ну, может, и чуть больше. Выкурил пачку сигарет, выпил несколько бутылок пива, даже книгу начал читать (взял я Воннегута), но рыбы не было. Точнее - не было у меня. Не клевала. (По шумным возгласам, периодически раздававшимся в

полтора десятках метров от меня - брат с Вовчиком ловили рядом - я понял, что не клевала только у меня).

--Наверное, надо подкормить,-- вспомнил я слова Вовчика в машине, когда на слова брата что надо быть готовым к тому, что в этот раз мы может ничего и не поймаем, он сказал что если будет нормальная прикормка - клев будет.

Прикормку они купили на трасе. Когда я пошел отлить в лесополосу. Из-за кустов тогда вышли какие-то люди. Я думал грабители. Оказалось продавцы червей и прикормки. Сейчас я вспомнил.

--Димон, дай прикормку,-- подошел я к брату.

--Что, не клюет,-- улыбнулся он.

Я развел руками.

--Надо делать шашлык,-- посмотрел на меня Вовчик.-- Сейчас стемнеет и ничего не увидим.

Я понял, что на сегодня моя рыбалка закончилась.

Сухие ветки для костра собирали мы втроем. Но больше всех собрал брат. Я в это время придумал какую-то хуйню про то, что видел неподалеку (когда искал место для клева) сухое дерево. И если, мол, мы его притащим - костер будет гореть всю ночь.

За деревом пошли я и Вовчик.

Дерева мы не нашли. (К слову сказать, желая как-то спасти положение, я все же нашел сломанное дерево. Но мы поняли, что доволочь его не сможем. Слишком тяжелое). Но зато я к тому времени находился в полубессознательном состоянии. Когда еще не пьян, но уже и не трезв. Этакое состояние подвешенности. И в этом состоянии я становился необычайно разговорчив.

Сейчас я рассказывал Вовчику про психопатов.

--Неужели такие есть?-- доверчиво посмотрел на меня парень. Вовчику было тридцать пять. Он был чуть выше среднего роста, килограммов девяносто весом, с открытым честным взглядом и полудетской улыбкой. Мне он нравился. Он был добрый и доверчивый.

--Есть,-- заверил его я.-- Причем они не только существуют, если ты об этом спрашиваешь, но и я думаю, что должны быть здесь.

--Где?-- испуганно спросил Вовчик, став озираться по сторонам.

Рыбу мы ловили недалеко от Краснодара, где жил мой брат, и куда я на лето приехал из Санкт-Петербурга, где жил я. Я был чуть младше Вовчика. Брат был на три года младше меня.

--Я думаю, они следят за нами из-за кустов,-- чуть понизив голос, доверительно посмотрел я на Вовчика.-- Но нападут ночью. Когда поймут, что мы уже напились, и готовимся спать. Вернее - как только уснем.

--Я спать не буду!-- быстро произнес Вовчик, и его рука чуть крепче обхватила маленький топорик, который был у него в руках.

--Да сейчас можешь не беспокоиться,-- попытался успокоить его я. Однако и не настолько, чтобы он подумал что все это лажа и перестал бояться.

--Ха-ха-ха-ха,-- закатывался смехом брат, выслушав рассказ Вовчика.-- Братуха тебе парит мозги, а ты веришь,-- говорил он в перерывах между смехом.-- Ты разве не знаешь, что

все что он говорит надо делить на два а то и на три,-- усмехался он.

--Деревня,-- произнес я.-- Вы не понимаете, что информация в регионах намерено скрывается. В наших газетах, например (в наших - значит Санкт-Петербургских и Московских - это я уже пояснял им ранее), подобная информация иногда проскакивает. Но ее не пропускают спецслужбы, чтобы не пугать народ.

--Ты что же хочешь сказать, что по стране разгуливают маньяки...

--Которые убивают и насилюют народ,-- закончил я за него.

Брат смеяться перестал.

--А как же милиция?-- спросил Вовчик, рассматривая глазами то на меня то брата и не зная на ком остановиться.

--Кого-то ментам удастся отлавливать,-- признался я.-- Но не всех.

--Так-то уж не всех?-- посмотрел на меня брат.

--Да что вы как дети,-- строго сказал я.-- Перед отъездом я встречался со знакомым профессором-психологом.

Криминальным психологом. Он еще преподает в Академии МВД. Да что там он. Еще есть люди, которые знают предмет.

--И в чем же суть?-- уже серьезно посмотрел на меня брат.

--А все дело в том, что официальная информация отличается от реальной,-- выпалил я.

--Ну, это мы знаем,-- несколько разочаровано сказал Вовчик.

--Хорошо. А знаете ли вы, что самоубийством сейчас заканчивает жизнь намного больше людей, чем погибло в локальных конфликтах. В тех же Афганской или Чеченской войнах.

Друзья внимательно слушали меня.

--Мой преподаватель в институте,-- продолжил я, недавно закончивший еще один вуз,-- писал диссертацию по маньякам. Беседовал, разумеется, со многими из них. В том числе и с известным маньяком Чикатило.

Друзья ждали от меня сенсации.

--И вот он рассказал мне, что сейчас на юге России появились первые случаи необычного злодейства. Охотятся за рыбаками. Послушно сидят в засаде. Дожидаются пока те наловят рыбы, покушают, напьются и уснут (я знал что брат с Вовчиком обычно спали у костра, в палатках). А потом набрасываются и отрубают руку или ноги. Хрясь - и готово,-- я сделал характерный жест топором, как будто бы сам был маньяк.

Вовчика передернуло. Брат осторожно огляделся по сторонам.

--И что... что потом...-- посмотрел на меня Вовчик.

--Ничего,-- буднично произнес я.-- Уходят...

--Пидарасы...-- протянул Вовчик. Было заметно, что он поверил. И был обеспокоен услышанным.-- Может, поедем по домам,-- посмотрел он на брата.-- Все равно в этот раз рыбы наловили до хуя, можем обойтись и без утренней рыбалки.

--Утром самый лучший клев,-- напомнил я слова Вовчика ему же.

--Да уже не до клева,-- испуганно произнес он.-- Отрубят руки к ебням...

--Или ноги,-- задумчиво произнес брат.

--Обычно они рубят до колена,-- живо произнес я.-- А если руки - то до локтя. Берут и раз-з-з,-- я показал на Вовчике как это происходит. Он был в таком состоянии, что если бы в руках у него был пистолет - то принялся бы палить во все стороны. По кустам.

--Ебанные маньяки,-- прошипел он.

--Психопаты,-- поправил его я.

--Психопаты?-- переспросил брат.-- Почему психопаты?

--Да,-- посмотрел на меня Вовчик.-- Твой профессор не говорил откуда они взялись.

--Все очень просто,-- я закурил сигарету.-- Развал Союза и начавшийся в стране хаос породил множество нищих. Люди, которые раньше жили вполне сносно - оказались без средств к существованию. С заводов или фабрик их уволили. На пенсию прожить стало невозможно. Продажные риэлторы и разные там черные маклеры наебали их с квартирами. Многие оказались выброшенными на улицы. И вполне логично, что у некоторых из таких людей просто поехала крыша. Они стали ненавидеть тех, кто богаче. Например вы,-- я посмотрел на Вовчика и брата.-- У вас есть машины. Есть работа. Вы приезжаете в свободное время (а ведь сегодня даже не выходные!) на отдых. Жрете, пьете, поете песни. А они голодают... И от ненависти к вам что-то защелкивается в их мозгах, и они хотят вам отомстить. В вашем лице они мстят демократам и продажным политикам, которые развалили страну.

--Но ведь мы простые люди,-- чуть громче обычного, видимо бессознательно решив обратиться к слушающим сейчас из кустов психопатам, произнес Вовчик.-- Мы простые строители (брат с Вовчиком зарабатывали деньги занимаясь отделкой помещений. Работали они "на себя"). Слышишь, ты, маньяк, мы строители!-- неожиданно закричал Вовчик, шаря глазами по кустам.

--Психопату все равно,-- сказал я.-- Ведь вы приехали на машинах...

--У нас старые машины!-- принялся кричать Вовчик.-- Слышишь, ты пидарас, нас не надо убивать!.. У нас старые машины!

--А ты отдай ему машину,-- предложил брат.

Вовчик внимательно посмотрел на него, задумавшись.

--Тогда он меня не убьет?-- повернулся он ко мне с вопросом.

--Да он и так тебя не убьет,-- сказал я.-- Просто отрубит руку или ногу и все. Отрубит и унесет с собой.

--Зачем?-- неосознанно поинтересовался Вовчик.-- А-а-а, сука-а-а!-- закричало он вновь.-- Где, где, где ты психопат ебаный,-- кричал Вовчик, бегая по кустам.

--Перестань орать,-- распорядился брат. Вовчик замолчал и остановился.-- Что ты веришь во всякую хуйню... Серега и не такого напридумает.

В на миг установившейся тишине послышался хруст ветки.

По телу пробежали мурашки даже у меня. А ведь я действительно все выдумал. Решив разыграть друзей. Но теперь

была ночь. И видимо эффект от моих слов был куда другой, нежели чем если бы это было при свете, да еще в городе. Сейчас мы были в лесу. И кругом стояла тишина. И кто-то затаился в кустах.

--Психопаты,-- прошептал Вовчик.

--Да нет, вам показалось,-- пытался держаться брат.

--Раздался шелест сдвигаемых листьев и чих.

--Слышишь?-- посмотрел на Димона Вовчик.

Тот кивнул головой.

-А ты говоришь...

.....

Мы не спали всю ночь. И толком не пили. Психопаты сидели в засаде и ждали. В этом мы были уверены. Поэтому мы пели песни. Революционные. Заряжаясь их энергией, и показывая всем видом, что нам не страшно.

На самом деле не страшно было только мне. Ведь я знал, что от начала до конца все выдуманно. И мне пришлось войти в роль, чтобы говорить искренне. Мне поверили.

Под утро пошел к машине брат (машины мы оставили метрах в ста от места рыбалки). Взять куртку, потому что продрог. И пропал.

Через пять минут я пошел вслед за братом. Он спал в машине.

Я вернулся, сказав Вовчику что пойду покемарю тоже. Часок. Потом мы с братом придем, а ты пойдешь поспишь. Час продержишься?-- спросил я.

Вовчик кивнул головой. Уже рассвело. И начинался клев.
В нем проснулся азарт рыбака.

--Можете поспать два часа,-- услышал я, когда уже
ступил на тропинку.

--Хорошо,-- сказал я.-- Ровно через два часа ты нас
разбудишь.-- ОК.

--ОК,-- улыбнулся Вовчик.

.....

Проснулся я от храпа брата. Вовчик спал в соседней
машине. Было десять утра. Начиналась жара.

Я прошел на место рыбалки. На выжженной солнцем
траве валялось все что угодно, но только не было ни рыбы, ни
продуктов, которые мы так и не съели, оставив на утро. Не было и
бутылки водки, которую мы так и не начали пить.

Я набрал номер мобильного Вовчика.

--Алло,-- сонно протянул он.

--Рыбу спиздили,-- выпалил я.-- Или ты ее забирал?

--Я ничего не забирал,-- протянул Вовчик, просыпаясь.--
Как украли!-- закричал он, окончательно проснувшись.

.....

--Нас обокрали,-- разбудил я брата.

--Кто?-- не понял тот с просоня.

--Психопаты,-- торжественно произнес Вовчик, и
рассмеялся. Это был нервный смех.

--Е - бан - ны - е пси - хо - па - ты,-- медленно произнес
брат.-- Наебали рыбаков...

--А знаете что я подумал?-- посмотрел на нас Вовчик.

Мы посмотрели на него.

--А ведь могли и убить!
--Могли,-- сказали мы с братом в один голос.
--Так значит ничего страшного,-- обнадеживающе спросил Вовчик.

Брат пожал плечами. Я улыбнулся.
--Да вроде как и ничего,-- сказал я.
--Ну тогда и хуй с ней, с этой рыбой,-- произнес Вовчик.
--И с этими ебанными психопатами,-- сказал брат.
--Вот только жрать хочется,-- вздохнул Вовчик.
--Это верно,-- сказал я, и рассмеялся
Посмотрев на меня, начал смеяться брат. Его поддержал Вовчик.

--Я думаю, психопаты очень удивились бы, если бы услышали сейчас что мы смеемся,-- предположил, сквозь смех, Вовчик.

--Они сейчас жрут нашу хавку и пьют водку,-- сказал брат.

--Вот пидарасы,-- в сердцах вырвалось у Вовчика.
--Не пидарасы, а психопаты,-- поправил его я.
--Ебанные психопаты,-- в один голос произнесли Вовчик и Димон.

--Ебанные психопаты,-- повторил за ними я.

25 сентября 2006 год

рассказ

Стремление к гармонии

Мне тогда было двадцать два. Работал я в ночном клубе. Частном ночном клубе. "Закрытым" для ненужных людей ночном клубе. Администратором.

По договоренности с хозяином у меня было два дня выходных (получалось две ночи). Любые.

Свободные от работы ночи я проводил во все том же клубе. Мне там нравилось. Нравился контингент (юноши неформального склада,-- в народе именуемые пидарасами; мужчины, которые в душе все еще были юношами,-- все те же пидарасы; уставшие от работы проститутки,-- в основном лесбиянки; ну и прочая нечисть). Забредали иногда и нормальные мужики, желающие в свободной, независимой, и ни к чему не обязывающей обстановке потратить деньги, да подцепить какую-нибудь блядь. С которой можно было переспать за то что поили и кормили ее, а потом забыть о ней. И на следующую ночь найти новую. Кем они работали? Да кем угодно. Богема, аферисты, карманники, мошенники, любой другой криминальный элемент, которых подкупала "закрытость" заведения, а значит возможность просто отдохнуть так, как им этого хотелось.

По правилам заведения свобод было много. Или почти не существовало никаких общепринятых правил. Некоторые девушки ходили с открытыми грудями; кто-то мог заняться любовью в туалете или во дворике; исполнялись эротико-порнографические танцы; ну и вообще почти все было свободно и разрешено. Это был принцип заведения возникшего в самом начале 90-х в только что переименованном из Ленинграда -- Санкт-Петербурге.

.....

Как я туда попал на работу? По недоразумению. Проработав какое-то время телохранителем у одного подпольного миллионера, я получил от него неожиданное предложение стать администратором в его только что открытом заведении. На вопрос... Он заранее отмахнулся от всех моих вопросов. Сказав, что работа значительно легче, чем я вообще думаю.

Не последнюю роль сыграла зарплата, которую он мне положил. Заговорщески шепнув, что совсем не заметит если я еще столько же или даже больше заработаю самостоятельно. На вопрос "как"? - улыбнулся, заверив, что когда я начну работать, то сам все пойму.

Понял я достаточно быстро. И к тысяче долларов, которые выдавал мне он (по двести пятьдесят каждую неделю), я имел еще две-три тысячи. Иногда больше. Курс помню тогда был...

Я не помню, какой был курс. Но помню что за смену мог заработать столько, сколько официально платили водителю автобуса за полгода. Бардак тогда был в стране, что там говорить. Период накопления капитала. Возможность с ни хуя заработать легкие деньги. Я их и зарабатывал. Причем поначалу даже особо ни на что и не тратил. Питался в клубе (питание у меня было не ограниченное, сколько наем столько и наем; все списывалось). Пил тоже бесплатно (пил я тогда много и все за счет заведения). Проститутками пользовался тоже бесплатно (я им давал возможность работать, они мне свое тело). Приходило много блядей. Некоторые из них не могли собрать необходимую сумму на входной билет. Я их пропускал. Они делали мне минет. Хороший бартер. Владельцы магазинов задабривали меня новой

шмоткой. Им это ничего не стоило (костюм, рубашка, джинсы из большой партии это даже незаметно). Мне было приятно. За это я выделял охрану и машину на сопровождение их, пьяных, домой. Сводил их с девушками легкого поведения. Чистыми девушками. Можно было переспать с любой и заработать сифилис или спид. Можно было получить девушку от меня, и только испытать удовольствие. Вообще безопасность и конфиденциальность была кредо нашего клуба. Клуб на то и был "закрытый", что и рекламу мы не давали, и пускали не всех. Все было только для "своих". "Свои" передавали информацию друг другу сами. Поначалу я удивлялся, как они обо всем знают. Но совсем скоро убедился, что действительно знают. Создавалось впечатление, что это была одна большая дружная семья. За месяц мимо меня проходило сотни человек. И почти каждый друг друга знал. Невероятно!

.....

Мне нравились девушки-танцовщицы. У них были красивые тела и симпатичные личики. Они с удовольствием отдавались в постели, и были вообще непритязательны. Хлеб им доставался тяжело. Иногда они выходили на работу голодными. Я заботился о том, чтобы после работы их всегда хорошо кормили, поили, и по желанию (они, впрочем, почти всегда этого желали) девушки уезжали с более-менее богатыми клиентами. Хотя если клиенты были от меня - то они всегда были богатыми. И за секс девушки получали приличные деньги. Если же по глупости кто-то из них уезжал по любви...

Впрочем я старался, чтобы таковых не было. "Какая может быть любовь?-- говорил я какой-нибудь танцовщице,

собиравшейся уехать с незнакомым мне человеком.-- Он отъебет тебя и все. Он же нищ. Не получишь кроме хуя ни хуя!". Девушки верили мне. И хотя не понравившихся мне парней я распорядился в заведение больше не пускать, случилось, кто-то из них все же просачивался. И подпив, стремился договориться переспать с девушкой, рассчитывая на халяву. "Халява не пройдет",-- говорил я. И охранники по моей команде выпроваживали из заведения подобных личностей.

.....

Мне многие не нравились. Но на работе я руководствовался принципом полезности клиентов для заведения. Если парень просто пришел потусоваться, был не красив, у него не было денег - к чему он заведению? Если же он не красив, но его уже облюбовал кто-то из постоянных клиентов-гомосексуалистов (геев, как они себя называли) -- я был не против чтобы он остался. Если же к концу ночи (работало заведение до шести утра) он не соглашался уехать с облюбовавшим его клиентом -- больше я этого парня не пускал. Зачем? Я стремился, чтобы в заведении было красиво. Красивые мальчики и девочки. Красивые танцы. Свободная, раскрепощенная обстановка. Чтобы пахло духами, алкоголем и сексом. И создавалось впечатление, что любой любого может, по желанию, трахнуть. Хамов и негодяев я тоже распорядился выпроваживать. Если кто-то перебирал и начинал борзеть - охрана успокаивала. Если они все равно продолжали - их попросту избивали. Как собак. Охрану я сам отбирал. Работали там только мастера спорта в полутяжелом и тяжелом весе по боксу и борьбе. Два охранника на смену. Они справлялись.

Как правило работники заведения стремились со мной дружить. Неудобных мне я выставлял в нехорошем свете перед хозяином. И он их выгонял. Если кого-то выгнать было трудно - я подставлял его. Пусть для этого иной раз приходилось придумывать хитровыебанные комбинации, но я всегда добивался своего. Те, кто мне не нравился -- со мной не работали. Я также, как и большинство клиентов, стремился к гармонии. И считал что я вполне способен ее обеспечить.

Хозяин мне верил. Я никогда не обманывал его и был ему предан. Мне было двадцать, ему шестьдесят. Я только начинал жить, он уже жизнь прожил. Я полгода был без работы -- он дал мне работу. А потом предложил еще лучшую. Я не мог его обмануть. Это было правда.

.....

Помимо девушек-танцовщиц мне нравились простые русские девушки. Девушки современной России. То есть те девушки, которые любили ночную жизнь, особо не обременяли себя работой, и желали переспать со мной.

К сексу я вообще предпочитал относиться легко. "Если есть пизда, почему бы не всунуть в нее хуй"-- считал я. Если есть красивая девочка, почему же не переспать с ней? Я и спал. Уводил домой то одну, то другую. Каждое утро разных. Иногда мог по второму кругу. Но обычно в том ночном заведении где я работал, в девушках недостатка не было. К утру большинство из них становились пьяными или полупьяными. Пьяных я мог оттрахать там же. Тех, кто находился в легком состоянии опьянения, вез к себе домой. Благо что водитель хозяина, Илья, по распоряжению шефа заезжал за мной. Если же он не мог, я ловил такси.

.....

Маша и Лена были подругами. Жили они в одном доме (где-то недалеко от Литейного). Наше заведение находилось на Моховой. От них было в принципе недалеко.

Девушек заметил я сразу. Одна высокая, длинноногая, с черными длинными волосами и небольшой грудью (лифчик она не носила и ее грудки с набухшими сосочками по озорному торчали в разные стороны); другая среднего роста, с каре из красно рыжих волос, с объемной грудью, жопастая и коротконогая. Первую звали Лена. Вторую Маша. Лене было девятнадцать. Маше двадцать один. Обе влюбились в меня одновременно. Когда я целовал одну (в засос), другая гладила мой член, спрятанный под брюками. В зале всегда был полумрак. Громко орала музыка. Клубился сигаретный дым. Цветомузыка вносила общий хаос, царивший в заведении. Все было возможно. Все было разрешено. За все было уплачено.

.....

За девушек всегда платил я. Мне это было нетрудно. Я даже этого не замечал. Притом что бармен, стремясь угодить мне, всегда передавал через официанта на наш столик ту или иную бутылку с шампанским или вином. "За счет заведения",-- говорила его улыбка и поднятая в приветствии испанских коммунистов рука. Водку мы почти не пили. Хотелось продлить веселье.

"Если хочешь, можешь их отъебать тут же,-- доверительно сообщал мне бармен Боря, когда я проходил мимо стойки (иногда я выходил проветриваться).-- Кабинет всегда в твоём распоряжении".

"Спасибо, Боря,-- обычно говорил я.-- Но этих я повезу ебать домой. Хочется трахнуть обоих основательно".

Одобрением мне была понимающая улыбка Бориса. Борису Михайловичу было под пятьдесят. Всю жизнь он проработал чиновником. Под старость решил оторваться. Иногда я договаривался с какой-нибудь девушкой, чтобы она "порадовала старика". Боря обычно трахал ее прямо на кухне. Официант стоял на шухере (чтобы кто-то случайно не вошел), другой официант подменял Борю за стойкой. Я стремился, чтобы была гармония и идиллия.

.....

Лена и Маша любили меня вдвоем. Я любил положить их рядышком, и гладить их обнаженные тела, немного останавливаясь на выпуклостях и расщелинах. Им это нравилось. "Ну чем не идиллия"-- вопрошал я.

Иногда они связывали меня, и доводили до оргазма. От меня требовалось только лежать, и получать удовольствие. "А тут уже и идиллия и гармония",-- соглашался с собой я.

Любил я и когда девушки становились на четвереньки, выставляя для меня свои попки. Я гладил эти попки. У меня был выбор в какую их них войти первую. Если бы у меня было два члена - я выебал бы их одновременно. В моем случае приходилось чередовать.

"Чем мне понравились эти девушки"-- иной раз думал я. Ответов обычно было несколько. Варьировались они в зависимости от моего настроения на момент рассуждений. Обычно я склонялся к сочетанию нескольких факторов, среди

которых была и какая-то изюминка в них, и любовь их ко мне, и изначальное приятие любых форм сексуальных отношений, предлагаемых мной. Ну и, конечно же, их зависимость от меня. "Кто заказывает музыку тот и танцует девочку",-- шутил шеф, когда видел как под утро я ухожу сразу с двумя (иногда хозяин заведения отрывался в нем всю ночь).

.....

В клубе я проработал несколько лет. Несколько лет праздников и удовольствий. Сейчас понимаю, что надо было мне и не уходить. Вполне свободно я бы мог работать еще три года, а то и все десять. Но ко мне пришло навязчивое решение стать бизнесменом. Насмотревшись на то, какие суммы тратят некоторые клиенты каждую ночь, я отчего-то решил что непременно должен открыть свой бизнес. Денег которые получал я - стало не хватать. Я вырос из них.

Я попрощался с хозяином и ушел на вольные хлеба. Скажу сразу, что с бизнесом у меня не вышло. Это было одной из тех ошибок, которые в жизни мне еще предстояло совершить. За иные из ошибок я расплачиваюсь до сих пор. В мои годы о многом приходится жалеть. Если было бы возможным повернуть время, я бы прожил жизнь иначе. Судьба сама иной раз мне давала тот шанс (и не раз!), которым я упорно не хотел воспользоваться. Удивляясь, она этот шанс предоставляла другому. Вокруг меня люди удачно богатели, женились, добивались в жизни того, чему я не завидовал только потому, что понимал: все это могло быть и у меня. Но...

Вот в том-то и дело что "но". Я до сих пор пытаюсь что-то изменить, стараясь предугадать ожидавшую меня ситуацию.

Обычно я ошибаюсь.

P. S. Да, чуть не забыл. Ночной клуб мой бывший шеф вскоре закрыл. Он придумал какой-то другой проект. У него было два-три десятка различных предприятий. Почти все проекты были удачными. Быть может так получалось еще и потому, что он вовремя улавливал момент. И тасовал карты. Умный человек.

8 октября 2006 год.

рассказ

Мой друг Серега

--Ну, это ебануться!-- воскликнул мой друг Серега.-- Посмотри, а?-- старался привлечь он мое внимание.-- Нет, ну посмотри, а? Заебцом!-- Серега готов был захлопать в ладоши.

Я посмотрел в направлении его взгляда. Официантка (мы зашли в бар выпить кофе), стояла возле стойки и внимательно слушала какого-то лысого хуя, который ей что-то уверенно доказывал. Мужчина (а "хуй" был без сомнения мужчина) внешне походил на типичного придурка. В некоторые рестораны и ночные клубы с такой внешностью не пускали. В баре (я даже поводил взглядом в поиске) охранников не было. Поэтому каждый мудака вполне мог сесть на уши кому угодно. В данном случае, например, в его сети попалась молоденькая официантка.

Я невольно засмотрелся на девушку. В белом передничке, короткой юбке и с ярко накрашенными губами девушка походила на блядь. "Вполне может быть,-- подумал я,-- она такой и была". Но это не давало никому права отвлекать ее от работы. Об этом подумал и Серега. Серега в прошлом был борец - вольник, мастер спорта. Теперь он работал в прокуратуре. Хотя

замашки у него остались борцовские. Он вскочил с места, и что-то шепнул на ухо мужчине. Тот засуетился, стал пятиться назад, откланиваясь, и вскоре исчез за стеклянной дверью. Серега с видом победителя вернулся за столик.

--Что ты ему сказал?-- поинтересовался я, хотя и без того уже догадывался.

--Сказал, что если он через три секунды не уебет на хуй, я его вышвырну сам,-- скромно улыбнулся Серега. Мне нравился этот парень. Скромный, обаятельный, по-мужски привлекательный, когда на него находило - он становился агрессивным до неузнаваемости. В такие минуты его раздражало все. Он мог ни с того ни с сего потребовать документы у парня, который на улице попросил у Сереги закурить (Серега, кстати, не курил). Мог послать на хуй ментов, обвешанных бронежилетами, дубинками, автоматами и прущих на улице прямо на него. Да и еще много чего мог. Я давно уже не сомневался: если бы не "корочка" работника прокуратуры - Серегу давно бы могли закрыть. В ментовском "обезьяннике" хотя бы. А так только извинялись да оправдывались (в свои тридцать пять Серега был подполковник).

--А девочка ничего, а?!-- Серега восторженно всматривался в официантку.-- Грудь, попка, ротик... Скажи,-- повернулся он ко мне.-- Ты не хотел бы...

--Хотел,-- кивнул я, не дожидаясь, пока он закончит фразу.-- Да и мог бы. Но после того как ты ее спас, она сначала должна отдастся тебе.

--Ты думаешь?-- Серега переводил задумчиво-заинтересованный взгляд с официантки на меня.

--Ну а почему нет?-- искренне произнес я.-- Если тебе не в падлу переспать с этой соской - выеби ее,-- посмотрел я на друга открытым взглядом.

--Опять прикалываешься,-- среагировал Серега.

--Ты так считаешь?-- ответил я вопросом на вопрос.

Серега задумался. Я понимал, что люди в общении со мной иногда теряются где я шучу а где говорю правду. Но я не шутил с каждым. Если подобное происходило, значит в людях я был уверен. Уверен, что они правильно поймут. Мне не хотелось выглядеть дураком, или клоуном-идиотом. Придурков вокруг хватало. Серегу я относил к понимающим. Поэтому мог в присутствии его и пошутить. Точнее, мог смело шутить в его присутствии. Кое с кем, как я уже заметил, подобное я не позволял.

--Хочешь я подойду и обо всем с ней договорюсь,-- предложил я, держа в поле зрения официантку, которая сейчас обслуживала столик с какими-то бандитами.-- Вон, с отморозками закончит, и можно договариваться. Когда тебе удобно, чтобы она к тебе пришла?-- посмотрел я на Серегу.-- Если конечно ты не боишься бандитов, которые кажется тоже положили на нее глаз.

Мой взгляд Серегу смутил. Вернее, так было только пока до него доходил смысл моих слов. И я уже знал, что последует в следующую минуту. Это, собственно, и произошло. Серега стал подпрыгивать на месте, жестикулировать, и ругаться матом. Ругаться он любил. Когда Серега заводился, перекричать его было невозможно. Он готов был послать на хуй всех и вся, только бы доказать свою правоту.

"Ебанные пидарасы,-- долетал до меня смысл его слов.-- Да я их сейчас перестреляю!.. Наебать меня!.. Убью! Гандоны, подонки! Убью!.."

Сергеа часто в своих мыслях опережал события. Сейчас ему видимо казалось, что бандиты уже увели официантку и ебут ее хором. Тогда как на самом деле эти милые короткостриженные ребята просто хлебали свой суп, доброжелательно периодически посматривая на окружающих. И что уж точно, официантка была им не нужна.

Мне стало неудобно. Я понимал, что еще мгновение и Сергеа броситься на них отвоевывать свою любовь. Он уже стоял, ругаясь, размахивая руками, и недружелюбно периодически посматривая то в сторону бандитов, то на официантку. "В любом случае виновата она,-- услышал я.-- И эту блядь надо наказать!"

Что порой рождалось в голове Сергеа, не знал даже я. Хотя знаком был с ним давно, и обычно мне всегда удавалось остановить его ровно за мгновение до того, как он начинал крушить все вокруг, или готов был с кем-нибудь сцепиться.

Когда он рванулся в сторону бандитов, я набросился на него, обхватив его корпус под руками. Сергеа был здоровый. И он бы вполне мог сбросить и меня и кого-нибудь, кто бы оказался на моем месте. И если бы вместо меня был кто другой, Сергеа так бы и сделал (не задумываясь!). В случае же со мной, мой друг, посопротивлявшись для видимости, дал себя успокоить.

--На хуя тебе это нужно?-- строго спросил я.-- Взрослый человек, подполковник милиции, и все продолжаешь вести себя как пацан.

Сергеа пробурчал что-то нечленораздельное.

--Бандиты здесь ни при чем,-- на всякий случай сказал я.-
- Да и вообще это может быть обычные охранники, пришли перекусить после трудовых будней, а ты им хотел бить морды.

--Но у них ведь действительно морды!-- усмехнулся Серега. Он уже успокоился. Когда он успокаивался -- обычно шутил и смеялся.

Его настроение подхватил и я. Какое-то время мы обменивались разными шутками-предположениями по поводу женщин, бандитов, и придурков, населявших наш мир в целом и город в частности. Город Санкт-Петербург. Здесь Серега жил, здесь он родился. Я сюда приехал пятнадцать лет назад. Меня тоже звали Серега. И это было первое, на чем мы сошлись десять лет назад (Серега тогда был лейтенантом). Подружились. И с тех пор дружили.

--Послушай,-- посмотрел я на него.-- А как быть с девушкой?

--С девушкой?-- непонимающе посмотрел на меня мой друг.-- С какой девушкой?

Я показал глазами в сторону проходившей мимо официантки.

--Ах, вот ты о чем?-- догадался Серега.-- Ну, что девушка... Девушка как девушка...

--Нет, ты мне зубы не заговаривай,-- остановил я его словоблудие.-- Спать с девушкой... будешь?-- серьезно спросил его я.

--Ну, можно и поспать,-- внимательно посмотрев на девушку (его взгляд зацепился на ее попе, обтянутой тканью мини-юбкой), согласился Серега.

--Ну, тогда надо с ней договариваться,-- предположил я.

--А может ты?-- посмотрел мой друг на меня.

--Нет-нет,-- замотал я головой.-- Ты ее спас, тебе ее и трахать. Тем более девушка давно уже недоумевает, почему ты к ней не подходишь. Тебе надо было вообще с ней договориться сразу, как ты выгнал того лося.

--Ну, я пошел,-- стал вставать Серега. Мою шутку он воспринял серьезно. Я, в принципе, был не против. Всегда интересно было понаблюдать, что получится в результате. Конечно, я вполне мог остановить его. Но во мне победило писательское любопытство.

Серега пошел к девушке.

Девушка ему отказала. Она стала отчаянно мотать головой, в ответ на слова Сереги, склонившегося над ней (он был среднего роста, но девушка еще меньше), и принявшего что-то ей доказывать. По опыту я знал, что Серега мог начать доказывать и какой у него прекрасный и большой хуй. Мой друг был без комплексов. И за это я его любил.

Девушка действительно отказала. Серега пришел немного взволнованный и раздосадованный ее отказом.

--Вот же шлюха,-- сказал он, сделав глоток остывшего кофе.-- Пойдем отсюда,-- предложил Серега, посмотрев на меня.

--Пойдем,-- согласился я. Нам там делать уже было действительно нечего. Разве что отпиздить бандитов. Но ведь они были не при чем...

11. 10. 06 г.

рассказ

Поворот судьбы

Эта сука меня достала. Я познакомился с ней в баре. Меня поразила ее красивое лицо с отвлеченным взглядом. Девушка не вписывалась в стандарты питейного заведения. Музыка ее не волновала. Толпа вокруг - раздражала. Может она не допила? Не вошла в свою привычную кондицию, когда внутренне успокаивалась, взирая на окружающих.

Я стал приглядываться к девушке. На вид ей было двадцать три - двадцать пять. Наверняка не больше двадцати семи. Чуть выше среднего роста. Худенькая. Ее большие красивые глаза излучали усталость и доброту. Губы были почти не накрашены. Глаза не подведены. Девушка вообще, судя по всему, не особо жаловала косметику. Она мне нравилась. Я любил таких девушек. За внешней строгостью внутри них таилась страсть. И в постели с ними вы могли получить настоящее удовольствие. Нужно лишь было надавить на нужные рецепторы в их мозгах. Зацепить их чем-нибудь. Хотя и изначально такие девушки мужчин ненавидят. Вокруг них вьется слишком много мужчин, желающих их тела. Тело у таких девушек всегда прекрасное. Ничего лишнего. Только то, что дала природа. Небольшая упругая грудь, бедра, худые длинные ноги, плоский живот, упругая и хорошо очерченная попа. Такая попа хорошо смотрится в джинсах. Она словно сама говорит за себя: "посмотри, какая я аппетитная".

Я любил таких девушек. Любил уложить их на живот, и поддерживая рукой член, осторожно вводить его в их попу. Или в вагину.

Причем если уж и туда, то девушка не обязательно должна была лежать на животе. Можно было и наклониться. Мне

важно было видеть ее половые губы. От них я получал дополнительное возбуждение (что-то на вроде легкого возбуждения сопровождало меня всегда при виде женщины, которая готова была мне отдаться). Их я любил целовать. В них я любил вводить пенис. Причем даже если он еще не успел встать, при попадании в логово женской страсти он тот час же набирал нужные объемы. Поэтому ни одна насунутая на него пизда не могла пожаловаться, что ее плохо отъебали. Я вообще считал, что если девушка решила переспать с вами, то вы должны были ее хорошенько выебать. Чтобы у нее не появилось разочарование в мужчинах. И она не захотела перейти на женщин.

То, что женщина может занимается любовью с женщинами, мне нравилось. С еще большим удовольствием я оказывался между ними. И всаживая член в растопыренный зад какой-нибудь мадам, я с удовольствием наблюдал, как другая дама извивается от языка вылизывающего ее пизду женщины, которую ебал я.

Я любил, когда моим пенисом занимаются сразу две женщины. И наблюдая невольное женское соперничество происходившее при этом, я всегда с трудом сдерживался, чтобы не обхватить за голову какую-нибудь одну из них, и всадив до самых яиц член им в рот, излить туда семя.

Обычно я сдерживался. Две девушки в постели это и дополнительная обязанность. Вы должны были тщательно их отъебать. Разочарования от секса с вами появиться у них было не должно. К тому же они должны быть готовыми при случае всегда переспать с вами. Или по быстрому сделать вам минет. Когда у вас

было совсем мало времени, и вы предпочитали излить семя не в пустоту, а в чей-нибудь миленький ротик.

.....

--Вы скучаете?-- подсел я к той девушке в баре.

На фоне промелькнувшего на ее лице недовольства, появилась улыбка.

--Почти,-- ответила она.

--Если вам здесь скучно, поехали ко мне домой,-- предложил я.

--И что мы будем там делать?-- ухмыльнувшись, с вызовом посмотрела на меня девушка.

"Ебаться, милая, ебаться",-- говорил я уже в своей квартире, когда девушка неожиданно решала воспользоваться моим предложением.

В постели мне пришлось с девушкой поработать. По всей видимости, у нее была нарушена психика. Потому что в течении получаса она то с жадностью набрасывалась на мой хуй, всасывая его в себя, то становилась на четвереньки, чуть ли не умоляя чтобы я непременно отъебал ее в такой позе; а то и тихо всхлипывала, забравшись с ногами на мой всегда разложенный для секса диван, обхватив руками свои согнутые длинные ноги и уткнувшись в колени лицом.

Через минуту она вновь готова была ебаться. Но уже расхотел я.

"Может у нее заканчивается действие наркотиков"?-- предположил я, подумав что девушка вполне могла использовать кокаин или какую-нибудь барбитуру. И употребить это, когда

пошла в туалет после того как вошла со мной в квартиру. "Черт его знает, какую она приняла дозу",-- подумал я.

--Мне действительно нужна доза,-- призналась Оксана, когда я поделился с ней своими предположениями.-- Но не кокаин и не барбитура... Героин. Мне нужна доза героина. И тогда я снова буду веселой,-- попробовала улыбнуться она. Улыбка вышла вымученная. Видимо у девушки уже начиналась ломка.

--Ты знаешь где достать героин?-- становиться свидетелем ее мучений я не хотел.

Девушка кивнула, опустив голову, и из-под лобья подарив мне один из тех взглядов, от которых мой член подскочил, в предвкушении интересной работы.

--Сколько нам добираться до места?-- по-деловому спросил я, всматриваясь в наручные часы.

--Если на такси, минут сорок - сорок пять,-- быстро ответила девушка.

--Ну, тогда несколько минут погоды не сделают,-- сказал я, и повалив несопротивляющееся тело на диван ("тело было одето в юбку и пуловер") лег на девушку, отодвинув в сторону мешающую моему члену ткань ее трусиков. Иногда на меня накатывало сиюминутное желание. Труссы с девушек в таких случаях я не снимал. Просто отодвигал в сторону ткань и беспрепятственно проникал в их пизду. Они не сопротивлялись, а иные из них даже радовались.

Через минуту я разрядился в девушку оргазмом. "Ей кончать было не обязательно,-- подумал я.-- Слишком мало времени. Да и все равно наркоманка...".

Удивительно, но то, что девушка употребляла наркотики, невероятно раскрепостило меня. И я и без этого любил то свое состояние, когда могу говорить все о чем думаю. Если вижу сексапильную девушку - признаюсь ей, что хотел бы переспать с ней. Если какая-то мужская харя не отрываясь смотрит на меня - спрашиваю почему он так смотрит? Готовый в любую минуту к бою.

Но иногда на меня накатывала совсем другая хуйня. Неожиданно я становился вежливым, мягким, и бесхарактерным. Если меня задевали плечом в метро - я извинялся. Если кто-то нагло пер на меня - я уступал дорогу. Я не любил такое состояние. В соответствии с ним я был "жертва". А мне хотелось стать "охотником".

.....

Девушка вылезла из-под меня. Поправила юбку. Промокнула свою пизду полотенцем, которым я до этого затыкал ей рот, чтобы она не кричала. Хотя она умудрялась стонать и сквозь него. А от женских стонов мне трудно сдерживаться. И хочется не просто кончить, а заполнить сосуды стонущих передо мной баб до краев. Чтобы даже выливалось.

.....

...Мы видимо заблудились. Девушка уверенно назвала таксисту адрес. Надавливала на кнопку звонка в ту квартиру, где раньше, как ей казалось, уже несколько раз покупала наркотики. Но дверь никто не открывал.

--Может мусора спалили хату?-- предположил я.

--Да нет, эта блядь дома,-- простонала девушка. У нее был озноб. На лбу выступили крупные капли. Лицо осунулось, глаза сделались злыми, улыбка с мученической сменялась на саркастическую. Ей нужна была доза. Срочно. Иначе...

--Ты выйди, погуляй около подъезда,-- посмотрела сквозь меня Оксана.-- Боится,-- выдавила она из себя, кивнув на дверь.

--Я жду тебя на улице,-- нарочито громко сказал я.-- Пока поймаю тачку.

.....

--Хочу ебаться!-- потупив взор призналась девушка, когда мы переступили через порог мой квартиры. Минет она попыталась сделать еще в машине. Но я позволил ей только запустить руку в штаны, и поглаживать член, который тут же встал. Водитель пожелал нам удачи, когда помимо оговоренных пятисот я дал ему еще столик "на чай".

Оксана видимо успела шырнуться в квартире наркодилерши. И с собой купила еще две дозы. Что ей было не радоваться!

"Только не сделай передозировки",-- попросил я, когда отдыхая после многочасового траха, заметил что Оксана потянулась к сумочке. Ей нужна была еще доза.

Ответом мне была ее извиняющееся улыбка. Мол, извини, такая вот я. Но зато ты меня можешь ебать сколько хочешь. Я на все согласна.

И я снова ебал ее. С девушкой-наркоманкой не может быть будущего. Но пока она под кайфом и с вами в постели - вам больше ничего не хотелось.

.....

Когда через несколько дней кончились наркотики, подошли к концу и мои деньги. Я не горел большим желанием идти и снимать их с карточки. Она колола себе героин, я вливал в себя водку. И вообще я подумал, что устал и от водки и от секса. И знал, что если сейчас усну - проплюю несколько суток.

--Ты один?-- позвонила знакомая бортпроводница. Подходили праздники. Ее рейс только что прибыл в аэропорт.

У нее было несколько дней, которые она хотела провести со мной. В ближайшем будущем мы планировали пожениться. Хотя по поводу бортпроводниц у меня всегда был один и тот же стереотип: их ебут члены экипажа. Но в отношении моей бортпроводницы, на удивление это меня только возбуждало.

Я ни разу не сказал ей о своих предположениях. Сейчас мне нужно было выпроваживать Оксану, чтобы встретить Ксюшу. Я поймал себя на мысли, что у двух моих девушек схожие имена. Притом что у меня вообще есть гражданская жена. Олеся.

Олеся жила на Украине. Неделю каждого месяца я проводил с ней. Когда бывал в командировке. Одно из украинских издательств издавало мои книги. И я приезжал то ли контролировать процесс, то ли трахать Олеся. Олеся, Ксюша, Оксана - суть одно и тоже имя. Каким-то бессознательным образом я влюбил в себя девушек, которых мог бы назвать каким-нибудь одним именем. Любым из трех.

.....

Оксана уходить не хотела, и, перевернувшись на живот, уснула. Я посмотрел на нее, сонную. Во мне проснулось желание.

Пришлось отъебать девушку. А потом ее выгнать. Через час (уже позвонила) должна была приехать Ксюша.

.....

Оксана позвонила через два дня. "Я обиделась,-- призналась она.-- Но я очень хочу тебя". Вечером был рейс у Ксюши. Я условился с Оксаной забрать ее из того бара, где мы когда-то познакомились. "Я могу приехать сама. Сейчас",-- предложила Оксана. "Сейчас не надо",-- сказал я, заметив щелкнувшую задвижку двери в ванной комнате. Ксюша закончила принимать душ. И в наших планах был ужин в ресторане.

.....

Уже год я живу с тремя женщинами. Это была альтернатива одиночеству для каждой из них. Это была возможность для меня иметь в постели трех женщин сразу. Книги мои стали издавать на Западе. Олеся переехала ко мне из Украины. Ксюша уволилась из "Аэрофлота". Оксана перешла с героина на крэк. В перспективе я хотел бы чтобы она курила только траву. Траву я курил сам. Траву я научил курить Ксюшу и Олесю. По сравнению с другими наркотиками трава была безвредна. Если не увлекаться. Мы жили втроем и в свое удовольствие.

Пока ничего другого я желать не хотел.
30 сентября 06 год.

рассказ

Игорь

--Я ебал их в рот,-- признался мой друг, когда мы вышли из рекламного агентства, где он устраивался на работу. Я ходил за компанию.

--Но они ведь тебя приняли?-- удивился я.

--Приняли... -- согласился друг.-- Но перед этим ты слышал как долго ебали?

--Нет,-- признался я.-- Я стоял за дверью.

--В том то и дело,-- многозначительно посмотрел на меня Игорь (друга звали Игорь). В том то и дело. И этого я им не прощу.

--Значит, ты отказываешься работать?-- уточнил я.

--Я такого не говорил,-- остановился от подобного предположения Игорь.

--Ну, не говорил так не говорил,-- посмотрел я на него. На его лице я заметил беспокойство.

--Нет, ну хочешь, мы сейчас вместе пойдем к ним, и они мне скажут, что я у них работаю,-- не унимался Игорь.

--Верю,-- согласился я.-- Я тебе верю.

--Еще бы!-- кивнул Игорь.

Я был знаком с Игорем три года. За эти три года он сменил восемь работ. Самое долгое -- продержался три месяца. Потом его выгоняли. Его всегда выгоняли. Как только лучше узнавали - тотчас же предлагали написать заявление об уходе. "Ну не суки"-- вопрошал удивленный Игорь. Я всегда соглашался с ним, что они "суки". Ну а почему нет? С Игорем я дружил. А тех людей не знал. Их может даже не существовало. По крайней мере в то что они были я не очень верил. Почему же они не могут быть "суками"? Ну, хотя бы теоретически? Могут. Вот и я так считаю.

Удивительно, но устраивался на работу Игорь всегда с первого раза. У него поразительно красивая внешность. Высокий, спортивного телосложения, Игорь походил на стриптизера. Девушки оборачивались ему вслед. Такое же впечатление он производил на девушек работавших менеджерами по персоналу? Они брали его на работу. Он улыбался и благодарил. От этого девушки хотели с ним переспать. Он не отказывался.

Проблемы начинались потом. Когда оказывалось, что Игорь успел перессорить между собой всех более-менее привлекательных дам коллектива. Он переспал с ними со всеми. И постепенно они об этом узнали. Все. Причем разом или это происходило постепенно, уже не имело значение. Игоря стали ненавидеть. Он получал расчет. И с легкостью устраивался на работу в другую фирму. В любую где был большой женский коллектив. Если в коллективе не было женщин - работать Игорь не мог. Если было женщин мало - обычно тоже не работал. Женщины его вдохновляли. Ему нравилось представлять, как он будет заниматься любовью с той или иной сотрудницей. И вскоре действительно занимался с ней любовью. Игоря совсем не интересовало, была ли женщина замужем, был ли у нее бой-френд, для него подобное было безразлично. И у него была такая внешность, что некоторые мужчины вполне не отказались бы отдать ему на ночь своих жен. С одним условием: они будут подглядывать.

Извращенцев-мужчин Игорь не любил. Иногда он с ними занимался любовью. Занятия любовью было единственным что ему нравилось. По крайней мере подходил он к этому с гораздо

большим воодушевлением, чем к какому-либо другому занятию. Уж так выходило.

На вид Игорь было не больше сорока. Вероятней всего ему было тридцать семь. Даже если бы ему было больше или меньше - все равно он был похож на мужчину, которому тридцать семь. Красив. Игорь был очень красив. Видимо именно это решало его судьбу. Пуская Игоря в вечные странствия по агентствам Питера. Игорь искал работу только в сфере услуг. Любых. Будь-то туристические (по одной из профессий он был гид-экскурсовод), или рекламные (было у Игоря и рекламное образование). Но все это, впрочем, не имело значения. Где-нибудь постоянно работать Игорь не мог. Ему нравилась жизнь свободного художника. Тем более он в какой-то мере мог это позволить. Папа Игоря занимался строительным бизнесом в Москве. На "мелкие расходы" он еженедельно ссужал сыну тысячу долларов. У папы Игоря было много денег. И в душе он переживал, что вынужден был давать сыну так мало.

--Пойдем в ресторан,-- предложил Игорь.

--Будем отмечать устройство на работу?-- догадался я.

Игорь кивнул, улыбнувшись. У него была очень красивая улыбка. Официантки наш столик обслуживали в первую очередь. В парикмахерскую Игоря пропускали без очереди. Даже чиновники выдавали ему любую справку. Сразу. Спорить с Игорем было не о чем. У человека с такой располагающей внешностью не было причин беспокоиться. По его лицу нельзя было заметить, что Игорь любил выпить, не спал по ночам, и вообще вел беспутную жизнь. Наоборот, на вас смотрел умный и красивый мальчик. То, что этому мальчику было далеко за

тридцать - значения не имело. В отношении Игоря вообще переворачивались с ног на голову любые представления. То, за что других могли уволить или как минимум накричать на них, в отношении Игоря не замечалось. Как-то бессознательно вы гордились, что просто находитесь рядом с ним. Если он вам улыбался, вы расцветали. Если сердился -- стремились искупить вину. Притом что на самом деле и вы и кто-то другой Игорю были безразличны. Но эффект от его слов или взгляда - всегда был противоположный. И вы начинали чувствовать, что вы этому шикарному мужику не безразличны. И можете даже попытаться заполучить его. Если сделаете все, что он захочет.

Обычно Игорь хотел секса. Иногда за день он успевал переспать с несколькими женщинами. Никто из них не догадывался о партнерше. Каждая считала, что она та единственная, которая ему нужна. Притом что Игорь ни о чем таком ей не говорил. Он старался вообще меньше разговаривать. С его хриловатым баритоном на фоне внешности он сводил с ума и так. Если бы он надумал поставить цель, мне кажется он привязал бы к себе многих женщин. Но Игорь как раз этого и боялся. Ему было не нужно чтобы в него влюблялись. Ему достаточно было просто секса на один-два раза. Редко когда три. Больше было излишним. Она - могла привыкнуть. Он... Его уже ждала новая партнерша.

Я знал что у Игоря есть две подруги, с которыми он не спит, и которые зная о существовании друг друга, не конфликтуют между собой. И не имеют на Игоря никаких претензий. Когда я в первые увидел их, подумал что готов влюбиться. Но вовремя остановился. Девушки были лесбиянками. Игорь общался с ними

на равных. Они обменивались подругами. Причем я знал, что не используя подруг в качестве сексуальных партнерш, Игорь тем не менее иногда находился с ними в одной постели. И они вместе занимались любовью с девушками.

Девушки Игоря необязательно должны быть красивыми. Это его основной принцип. Для него было главным чтобы девушка желала переспать с ним. Чем она была некрасивее - тем жарче, он знал, будет отдаваться ему. В стремлении компенсировать свою некрасивость. Да и вообще, по мнению Игоря, некрасивых женщин не бывает. Бывают дуры и фригидные суки. Игорю больше нравились бляды. Он им тоже нравился. Видимо что-то срабатывало в мозгах у девушек когда они видели его. С Игоря даже не брали денег проститутки. И всегда готовы были обслужить его еще.

Хуй его знает, какая в нем скрывалась загадка. Женщинам видимо виднее. С Игорем я просто дружил. А еще вернее - он почему-то тянулся ко мне. И хоть я всегда общался с ним охотно, -- знал, что если Игорь перестанет общаться со мной - контакта с ним я искать не буду. Я вообще первым никогда не искал общения. Для меня намного ближе было одиночество. И так случилось, что со временем я словно бы случайно заразил этим и Игоря. Он вдруг признался, что устал от людей. И даже... начинает их бояться. По крайней мере, старается избегать.

Я предложил Игорю пройти курс психотерапии. У меня был на примете хороший психотерапевт. Правда, сам он был немного чокнутый. Но это не имело значения. Как врач он был настоящий специалист. Выпустил даже книгу, то ли по

депрессиям, то ли по неврозам. Страдая, как я знал, и тем и другим.

Но Игорь отказался. Он не считал что с ним происходит что-то опасное. И даже, я подозревал, наслаждался своим состоянием.

.....
Игорь ко мне прибежал, когда с ним случилась действительно проблема. У него не встал хуй.

Я дал ему телефонный номер знакомого сексолога. Сексолог была женщина. Очень обаятельная и абсолютно безразличная к мужчинам. Она любила женщин.

После общения с Игорем женщина-сексолог готова была сменить ориентацию. Еще через месяц они подали заявление в ЗАГС. Через полгода развелись. Потом зарегистрировали брак вновь. Для надежности еще и обвенчавшись в церкви.

А еще через полгода - неожиданно уехали в Нью-Йорк. Один из клиентов жены Игоря основал клинику. Женщине предложил стать главврачом. Игорь... Я не знал, чем занимался Игорь в Америке. Я не знал даже, занимается ли он сексом с кем-то, кроме своей супруги-сексолога? Или она выматывала его так, что ему уже больше не хотелось? Я действительно не знал. Да и меня это не очень интересовало. Я стал замечать, что мне вдруг становится скучно общаться два раза с одними и теми же женщинами. Мне необходимо было уложить их в постель с первого раза. Это была настоящая игра, требующая ума и сноровки. И какое-то время я заигрался. Пока сам не заметил, как женился. Причем видимо это оказалось неожиданностью и для моей супруги. Несколько месяцев мы честно прожили в браке. А

потом вернулся из Америки Игорь. И я стал жить с ним. Признавшись, что именно этого мне все время и не хватало. Игорь считал так же...

02 октября 2006 год

рассказ

Одно из воспоминаний

Мне хотелось выпить. В хлам. Так чтобы после уже ничего не понимать. Но при этом зацепить ту фазу, когда алкоголь, растекаясь по телу, только начинает вызывать алкогольное опьянение; и в следствии обострения мозговой деятельности вам становятся понятны сложные механизмы взаимодействия индивидов. Вы ощущаете, что перед вами на миг приоткрываются тайны вселенной.

"Ну и пусть на миг,-- подумал я.-- Мне бы хватило..."

Кто-то скажет, что серьезно я никогда не пил.

Ошибаетесь. Я не только пил, но и напивался в хлам, вдрызг, в драбадам, до чертиков. Причем в отличие от тех, кто считал употребление алкоголя трагедией - я был уверен что мне это приносит пользу. В России вообще тяжело жить тому кто никогда не напивался, не пил в компаниях, не пил один, вообще не пил. Алкоголь - некая архетипическая составляющая жизни индивида на постсоветском пространстве. И отказаться от употребления алкоголя можно лишь по причине или болезни, или малодушия, или внутренней какой-то придурковатости.

Придурком я считать себя не хотел. Да и пил-то может потому, что начал подозревать что начинаю им становиться. Но сейчас я не хочу петь оды пьянству. Алкоголь для меня интимная

тема. И мне легче говорить о сексе, чем объяснять что-то об употреблении алкоголесодержащих напитков. Объяснить необходимость вряд ли удастся, а заниматься демагогией?.. Да я сейчас и не об этом.

Мне хотелось напиться. Я уже неделю не пил. К концу подходила вторая. Во мне стала развиваться тревожность. Могли вообще наступить какие-нибудь фобийные зависимости.

Я этого не хотел. Поэтому понял, что просто обязан выпить. Хотя бы пива (литров этак пять-шесть).

--Ну что, бухнуть хочешь? - понял меня без слов продавец. Когда он открывал ларек я стоял рядом.

--Угу,-- кивнул я.

--Ну, надеюсь, тебе уже есть восемнадцать? - зачем-то спросил он. Раньше я всегда брал и пиво и водку и меня никто не спрашивал о возрасте. В семь мне давали девять. В шестнадцать я выглядел на двадцать. Тогда когда он задал вопрос -- мне было двадцать четыре. Вопрос как вроде бы неуместный.

Я с некоторым вызовом посмотрел на него: мол, объясни, что имел в виду. Раннее утро. Настроение поганое. Хотелось выпить. Потом я знал, мне захочется познакомиться с какой-нибудь девушкой и отьебать ее. Но эту будет потом. Сейчас мне хотелось выпить.

Продавец ушел от ответа. Да и на хуя я ему был нужен. В тот утренний час.

Вообще-то, наверное, таким уж алкоголиком я не был. Хотя пил каждый день. Курил тоже много. Курить я начал лет с четырнадцати. Потом несколько раз бросал. Начинал опять. Пока

не понял, что, собственно, хватит выебываться. Ну, куришь ты --и кури. Пьешь -- и пей. Занимайся своим делом, в общем.

Подобная философия мне понравилась. С тех пор я не обращаю внимания на всякую хуйню типа оправданности собственных желаний.

После того как я выпил, мне захотелось общения. Причем вроде как было без разницы кто будет собеседником. Еще через время я понял, что мне хочется женщину. Но где же ее найдешь? Я взглянул на часы. Десять утра. Все нормальные люди уже на работе. Ненормальные занимаются своими ненормальными делами. Спят, например. Или любят друг друга в теплых постелях.

Мне тоже захотелось любви. Но знакомиться на улице было неудобно. Если... если только какая-нибудь девушка сама не шла на явный контакт.

Я вышел на тротуар, и стал всматриваться в прохожих. То ли настроение было поганым, то ли мимо проходили не те прохожие, но мне стало грустно. От рож, которые я наблюдал, - захотелось куда-нибудь спрятаться.

Я стал перебирать в памяти телефонные номера знакомых девушек. Ничего путного на ум не приходило. Да у меня было и не так много девушек, номера которых я бы помнил. Десяток номеров, как я знал, записаны в записной книжке. Книжка дома. Я решил идти домой.

Взяв еще бутылку пива, я закурил, и неспешно пошел по направлению к дому, лениво всматриваясь в лица прохожих. Среди прохожих не было никого, кто бы мог мне помочь в моей ситуации. Мне хотелось половых отношений с женщиной. Подходящих женщин не было.

В подъезде я столкнулся с некоторыми соседями, с которыми всегда здоровался. Были и те, которые делали вид, что не замечали меня. Наплевать.

Лифт не работал. Я стал подниматься на десятый этаж.

Где-то на четвертом этаже я заметил писающую девушку. Я, было, смутился (природная интеллигентность; смутится по всему должна была она), но что-то пересилило мое желание побыстрее пройти лестничный проем, и чуть замедлив движение, я посмотрел на девушку. Она уже доделала свое дело, встала, поправила юбку, и тут заметила меня.

Скажу сразу, что девушка была пьяна. Она с трудом стояла на ногах. На вид ей было около двадцати. Черные стриженные волосы. Кожаная короткая куртка. Черная мини-юбка. Девушка была симпатичная. Но пьяная. Я хотел подниматься дальше.

"Извините, у вас не будет сигареты"?-- спросила она. Судя по всему ей было абсолютно безразлично за каким занятием я ее застал.

Я дал девушке сигарету. Она наклонилась и взяла ее из моих рук губами. Это меня заинтриговало. Девушка явно хотела большего. Я все понял. И предложил ей подняться ко мне. Выпить.

"Да я уже как будто готова",-- предположила она, но стала подниматься. Зайдя в квартиру, я предложил девушке принять душ. Мне как-то подсознательно хотелось чтобы она пошла в душ после того занятия, за которым я ее застал. Хотя, что она, грязная что ли? Так, пописала только.

Вопрос только что писала она в подъезде. И я это видел. В моей голове проносилась подобная цепочка размышлений, когда

девушка стала раздеваться прямо в прихожей. Стянула свитер. Из под него вывалились достаточно внушительные груди. Ни лифчик, ни футболку, блузку, рубашку или что там девушки еще носят под свитером, эта девушка не носила. Грудь колыхались в такт телодвижениям: девушка освобождалась от юбки.

Я еще раз взглянул на груди. Они действительно были большие и слегка провисали от веса. Я почувствовал, что мой член уже, в общем-то, готов. Это решило исход дела. Я готов был выебать стоявшую передо мной девушку даже грязную. Для меня уже не имело значения какая она.

Девушка видимо заметила исходившее от меня возбуждение. "Мне надо в душ",-- чуть оправдываясь, сказала она.

"Хорошо,-- быстро ответил я.-- Я тебя сам вымою".

Девушка пыталась возразить что-то типа того, что она привыкла мыться сама, ну или еще что-нибудь навроде этого, только я ей договорить не дал. Я прижал ее к себе, повернул спиной, наклонил, и вытащив давно уже набухший пенис, стал вставлять его в ее щель.

Пенис вошел как по маслу.

Девушка, оперевшись руками в стену между ванной комнатой и туалетом, сдерживала мой натиск. Я, обхватив руками ее бока, вколачивал в ее пизду свое орудие любви. Орудие было большое и разгоряченное. Вот-вот ожидался салют по случаю нашего знакомства. Девушка изготовилась, выгнула спину, еще больше выпятила попку,-- смотреть на нее было удовольствие. Еще большее удовольствие получал я, трахая ее. Иногда одна из моих рук скользила по ее телу, останавливаясь на груди, которая как гроздь винограда заключалась в мою ладошку. Иногда один из

моих пальцев гладил ей клитор и створки полового органа. По всему девушка испытывала удовольствие.

Я кончил прямо в нее. Сначала я подумал было все же вытащить член и излить семя, например, в ее рот. В целях безопасности, так сказать. Но все как-то произошло очень быстро. Да и мозг мой был к тому же ослеплен алкоголем. И девушка до конца распалила меня своими стонами. Да и, если честно, моему члену было так уютно, что желание испытать сиюминутный оргазм перевесило здравый смысл. Я кончил в нее, а она, почувствовав изливавшуюся в нее горячую жидкость, издала протяжный стон, и сжав мой член сокращающимися мышцами влагалища, тоже кончила.

Так мы познакомились.

Илоне (у нее было красивое имя Илона) было двадцать три года. Жила она в Петербурге с родителями. Хотя родители видимо давно уже махнули на дочь рукой, потому что жила Илона какой-то своей, немного непонятной для меня жизнью. Ночью девушка тусовалась в каких-то клубах, на дискотеках, еще черт знает где. Днем, немного поспав, тоже исчезала. Звонить ей было бесполезно. Она сама звонила когда хотела меня, или когда - я подозреваю - ей надо было выспаться.

Впрочем, так просто выспаться я ей не давал. И перед тем как она засыпала ебал ее. Иногда не мог удержаться и ебал ее часами. Но потом все же входил в ее "положение" (обычно она начинала умолять меня остановиться, побыстрее кончить, и дать ей все же поспать), и излив в девушку накопившиеся потоки спермы, уходил заниматься своими делами. Читать, например. Или продумывать дальше концепцию журнала (тогда я занимался

проектом журнала, собираясь после найти под него деньги, и стать главным редактором). Быть может я писал какие-то статьи в газеты (я работал внешкорром - внештатным корреспондентом -- в ряде изданий Санкт-Петербурга).

Таким образом мы прожили с Илоной почти год. Иногда я шел с ней на ночные тусовки. Но обычно уходил с них раньше нее. У нее было много знакомых парней. Пусть, как она говорила, они и были "друзьями", но вела она себя с ним слишком фривольно, и я уходил, чтобы от ревности не начать бить все эти слащавые придурковатые рожи. Илону не ревновал я только к пидарасам. На удивление у нее оказалось очень много знакомых парней нетрадиционной ориентации. Когда она уходила к ним или с ними (например говорила что идет в Катькин сад, а оттуда в клуб "69"), я был спокоен. Голубым женщины были не нужны. Они сами были женщины.

.....
.....

Как-то Илона вернулась с клуба с одним из своих знакомых. Худенький мальчик, по виду ее одноклассник, скромно переступив порог, жался к входной двери, пока мы обменивались с Илоной традиционными приветствиями. Мальчик мне показался действительно слишком скромным. Когда ночью я проснулся, ощутив что мой пенис массируют губы "мальчика" (мы с Илоной положили его в другой комнате, но он видимо прокрался к нам), я сделал вид что сплю. "Пусть порадуетя",-- подумал я. Но когда "мальчик" попросил остаться еще на одну ночь - я запротестовал. "Это было уже слишком,-- подумал я.-- Так можно стать пидарасом".

Илона, которая в ту ночь спала пьяная и ничего не заметила, готова была обвинить меня в дискриминации.

"Ну, у нас же не проходной двор",-- пробовал я успокоить готовую биться в истерике девушку (ночной образ жизни и употребление алкоголя способствовали развитию истерии). "Но он же просто спит",-- отстаивала свою точку зрения Илона. У меня промелькнула мысль, что она была бы не против сделать из меня бисексуала.

Но настояв на своем тогда, я пребывал в замешательстве, когда как-то открыл дверь, и заметил Илону с необычайно красивым юношей. Я люблю красоту. Мне совсем безразлично женская это красота или мужская. Я не гей. Я поэт. Я могу себе позволить восхищаться красотой без опасения быть обвиненным в голубизне. Голубые мне безразличны. Но от этого мальчика я не мог отвести глаз. Лет ему было не больше двадцати. Чуть выше среднего роста, худощавый, или очень гладко выбрит или какая-то мужская растительность еще не росла на его лице.

Пока мальчик курил на балконе, Илона призналась, что решила взять над юношей шефство. Отвадить его от голубизны. И для этого, по ее мнению, она должна была показать ему преимущества любви между мужчиной и женщиной.

Илона предложила взять мальчика к нам в постель. Мол, пусть полежит, посмотрит.

На удивление я согласился. Мне было любопытно что из этого произойдет.

Что предшествовало тому, после чего мы легли в постель сейчас уже толком не помню. Скорей всего как обычно выпили, закусили, посмотрели телевизор, может быть послушали музыку,

приняли душ и легли. Вернее, когда я пришел из душа, они уже лежали. Я лег слева от Илоны. Справа от нее лежал Петя (так звали мальчика). Чуть скосив глаза, я заметил что Илона держит в руке эрегированный член Пети. Петя лежал неподвижно, на спине, выпрямив руки и ноги. Илона пыталась положить его руку себе то на грудь, то на бедра, Петя руку убирал и стеснялся.

Тогда девушка предложила мне войти в нее, и стала на четвереньки. Я пристроился сзади. Когда мой член вошел в девушку я встретился глазами с Петей. Мне показалось, что в его взгляде промелькнуло удовлетворение. Но может быть я ошибался.

Обхватив девушку за бедра, я стал насаживать ее на член, стараясь полностью загонять его в ее вагину. Голова девушки сотрясалась в такт движениям. Перед ее лицом маячил эрегированный хуй Пети. Илона о чем-то попросила Петю. Он отрицательно покачал головой. Через время она попросила еще. Я прислушался. Илона хотела, чтобы он вставил свой член ей в рот. Я встретился глазами с Петей и кивнул. Губы Илоны обхватили набухший от желания пенис мальчика. Чтобы и ему и ей было легче, я подсказал Пете слегка поддерживать свой хуй рукой. Илона в благодарность засосала чуть быстрее. Ну а может это я ускорил движения от увиденной картины. Высунув член из влагалища, я вставил его девушке в анус. Судя по тому что он вошел туда сразу и без заминки, я понял что Илона давно уже возбудилась от всего происходящего. А может она всегда мечтала, чтобы я оттрахал ее на пару с кем-нибудь. Причем тут видимо добавилось и то, что она сосала (Илона вообще любила пососать мужской член, лелея и подолгу облизывая-обсасывая его). К тому

же голубой мальчик на ее глазах (и при ее непосредственном участии) становился как минимум бисексуалом. Правда, наблюдая за тем как онтащился когда ему сосали член, я мог и засомневаться в его такой уж голубизне. "Может он еще не определился и делал выбор, решив попробовать и то и другое", -- подумал я. Хотя вполне может быть эти двое просто развели меня. Поспорив, например, что она отсосет у него в присутствии своего бой-френда, то есть в присутствии меня.

Думать о том что меня откровенно наебывают, не хотелось. Да я вообще-то всегда доверял людям. "Но даже если и стал участником инсинуации, -- подумал я, -- да и хуй с ним"! То что я испытывал сейчас -- мне нравилось. И это было главное.

Кончили мы почти одновременно с Петей. Вернее, кто-то из нас заметил что кончает другой (это было еще и заметно по стонам девушки; когда в нее разряжались оргазмом она включала уж очень протяжную сирену) и кончил тоже. Получилось почти одновременно.

Илона забилась в оргазмоистическом припадке. Она способна была кончить если сосала ваш член, если вы ебали ее в пизду, если ваш хуй оказывался в ее попе, да и вообще я думаю только при одном виде вашего члена она способна была кончить. Очень сексуальная девушка. Только что она ощущала в себе сразу два члена. Поэтому и оргазм испытала как минимум двойной. Хотя я насчитал пять-шесть микрооргазмов, испытываемых девушкой. Она получала удовольствие. Все ей очень и очень нравилось.

Понравилось и Пете. Петя вообще готов был остаться у нас жить. Но к тому времени я встретил другую девушку. Тихую,

милую, и спокойную. С Илоной у нас было что-то навроде прощальной ночи. Я устал. Мне хотелось тишины и покоя. Я подумал, что долгожданный покой мне обеспечит Лида. И наутро обо всем признался Илоне. Мне показалось, она не поняла. Она подумала что это из-за Пети. Она ошибалась. Но что-то доказывать у меня уже не было сил. Я действительно хотел спокойной жизни. Лида работала библиотекарем, и сама профессия ее обязывала к тишине и покою. Илона фыркнула, обозвала меня каким-то нехорошим словом, и ушла. Следом за ней ушел Петя. После их ухода мне стало грустно. Но грустил я недолго. Вспомнив, что меня ждет Лида (у нее была отдельная двухкомнатная квартира, и она предложила мне жить у нее), я забросил какие-то, необходимые мне на первое время, вещи в спортивную сумку, перекинул ту через плечо, и пошел ловить такси. Судя по времени Лида уже действительно ждала меня. А опаздывать я не любил.

7 октября 2006 год.

рассказ

Содержанки

Нет, конечно, я мог спросить их: "а на хуя вы мне нужны? Такие вот, ебанные-переебанные"! Но с другой стороны, вроде как и неудобно. Все-таки жили мы несколько месяцев душа в душу. Девушки ни разу не ответили отказом ни на одно мое желание (к слову сказать, уж я не зверствовал). Да и вообще, как они меня сейчас заверили, и дальше не готовы останавливаться. Не останавливаться в своем стремлении максимального удовлетворения моих извращенных желаний.

"Вот же суки! Кто интересно первый из них признался в извращенности моих желаний? Сандра? Или Роза? Сандра?.. Роза?..",-- я повторил их имена, словно пробуя на вкус. Сандра и Роза...

Имена были вымышленные. На самом деле девушек звали Вера и Надя. Но после того как они вставили себе силиконовые груди, им захотелось изменить имена. А с ними и жизнь. Кто они были до этого? Так... Менеджеры салона связи... "Не желаете ли подключиться?.. О, у нас есть большой выбор телефонных трубок... Какую компанию вы желаете выбрать?.." А кто они теперь? Порно-дивы. И всего-то что было нужно - изменить грудь со второго размера на четвертую у Сандры и с третьего на пятую у Розы. Девушки хотели отличаться друг от друга. Хотя по мне они были одинаковы. Я их даже путал. Выходя из положения просто тем, что не называл их по именам. Два месяца я ебал их каждый день, не называя при этом по имени. Да и зачем? Хуй ведь мой вставал на их сиськи, рот, попу. К чему имена? Справлялся и так.

"Мы больше не будем",-- попросили девушки. И встали на колени. Эти стервы знали, чем можно было меня разжалобить. Из одежды на них остался пеньюар. Прозрачный. В руках каждая держала ремень. Поймав мой взгляд, они повернулись ко мне своими попками.

Пришлось наказывать.

Нет. Садистом я не был. Я даже наоборот - был идейным борцом за нравственность. Но девушки неделю назад сбежали с одним новым русским. Прямо с ночного клуба, куда я повел их. Вернее - почти каждую ночь мы втроем где-нибудь проводили; в

тот раз были в ночном клубе. В прошлый - в другом ночном клубе. В позапрошлом... впрочем, в позапрошлый я водил девочек в ресторан. Но в целом тенденция прослеживалась. Бары, рестораны, казино. Ночные клубы вот... Развлекались в общем. Но в отличие от них, которые развлекались постоянно, я все же еще и работал. Ну или почти работал.

Лет десять назад вложив деньги в один, как тогда считалось, убыточный проект, я теперь жил на проценты от прибыли. Проект оказался очень даже удачным. И как только пошли деньги, я ушел со своей последней официальной работы, и стал просто жить. Жить, наслаждаясь жизнью. А почему бы и нет?

.....

Неделю назад мои девочки сбежали с новым русским. Чем зацепила их эта гнида, не знаю. Деньгами? Так я ведь в деньгах им особо не отказывал. Две-три-четыре тысячи давал в месяц на каждую. Долларов. Красотой? Так с его рожей только мыть сортиры. Да и то работать по ночам, чтобы не пугать клиентов. Ну так чем же?

Мое подсознание подсказывало мне, что он мог взять их хуем.

Но я с ним не соглашался. "Как и когда они могли разглядеть его хуй"-- приводил я свой единственный довод. Подсознание ничего не отвечало. Да и что оно могло сказать? Что он им показал свой хуй, пока танцевал медленный танец? Или когда подловил девочек возле туалета? Но тогда (в случае с туалетом) он должен был быть не новым русским, а каким-нибудь извращенцем. И хотя одно другому не мешало, я все-таки был

уверен что у извращенцев мысли больше заняты иным, чем накоплением капитала. Чем? "Да извращениями, черт возьми",-- выругался я. Хотя я мог и ошибаться. А потому, подумав какое-то время о том "чем же эта гнида оказалась лучше меня", согласился лишь с одним: девочкам захотелось новых ощущений. Я понимал, что это не единственная версия. Но мне было удобно считать так. Да и какая разница? Они ведь вернулись.

Сандра и Роза все еще стояли на четвереньках в ожидании экзекуции. Бить я их расхотел. В последнее время я почувствовал, что становлюсь каким-то задумчивым. Излишне задумчивым. Многое из того что меня радовало, уже надоело. То, что когда-то любил - стало вызывать неприязнь. А что ненавидел - неожиданно понравилось.

Такое состояние мне не нравилось. В таком состоянии я становился очень мрачным и напивался. По мере того как становился мрачным - напивался. И, в конце концов, перед тем как уже был готов послать всех на хуй - засыпал.

"Ебанная жизнь"! - воскликнул я.

Но на жизнь было грешить рановато. "Во всем, что происходит с нами, виноваты мы сами",-- вспомнил я сказанную кем-то фразу. С этим я мог не соглашаться. Мог соглашаться. Это ничего не меняло. Настроение у меня уже испортилось. А потому я, велев девушкам одеваться, сказал что сегодня мне нужно остаться одному, а завтра непременно мы все обсудим. Хотя когда уже уходил в свою комнату подумал, что ничего завтра обсуждать не буду. Нечего было.

Мне вдруг захотелось спать. Я подошел к бару, налил полный стакан коньяка, залпом выпил, закурил, и плюхнулся в

кресло. "Когда я докурю, должен был наступить сон",-- подумал я. Сгореть я не боялся. Комнату я никогда не запираю. А ночью, зная мою привычку курить в постели, все обязательно проверит служанка. Служанка была хорошая женщина. С ней я занимался любовью в отсутствие девушек. "Чем, интересно, сейчас занимаются девушки",-- подумал было я, но продолжение мысли не последовало. Я уснул.

.....

На утро девушки уже ждали меня в бассейне. У меня был большой дом в пригороде Питера. И я предпочитал жить там. Хотя с таким же успехом мог жить и в своей квартире в центре. Или, например (когда хотел на время скрыться от людских глаз), я уезжал в деревню под Всеволожском. Там мне принадлежал настоящий деревенский дом. Покосившийся от времени, с полуразрушенным забором, и семидесятилетним стариком-сторожем, бывшим владельцем дома.

Жители деревни по-прежнему считали старика владельцем и хозяином. "А кем тогда считали меня"? - совсем нехотел подумал я. Иногда ко мне в голову приходили совершенно бредовые мысли. Как бы я хотел избавиться без них! Но это было невозможно. Мои мысли были следствием той жизни, которую я для себя выбрал. И хоть жил я ей недолго, но... (Здесь я ошибался. Всякая дрянь лезла в мою голову и раньше. Но мне хотелось - опять же, бессознательно - считать, что подобное стало происходить недавно. В тайной надежде, что если это наступило недавно, то вскоре может и закончиться. Наивный человек...)

Девочки уже плавали в бассейне. У них были хорошие тела. Обоим было по двадцать три года. Блондинки. В прошлом мастера спорта по большому теннису. Красивые.

.....

Силиконовые груди девушки вставили на мои деньги. Теперь, если я бы бросил девушек, они с легкостью нашли бы богатого мужика. Который за лицемерие их красоты и обладание телом - мог взять девушек на содержание. Об этом знал я, и об этом знали они. Но мы предпочитали о подобном не разговаривать.

.....

Работать девушки не хотели. Да им это было и не нужно. Вся их нынешняя работа должна была сводиться к одному: поддерживать свою внешность. То есть тело и лицо. Но девушки пошли немного дальше. Видимо для разнообразия, они изучали английский язык. Посещали какие-то косметические курсы (исключительно "для себя"). Собирались овладеть искусством тайского массажа. В общем, чем заняться они находили с поразительной настойчивостью. Причем держались все время вместе. Начав дружить еще со времен занятий в спортивной секции.

Как они попали ко мне? Их передал один мой знакомый. Он уезжал на ПМЖ за границу, и посоветовал, что не знает кому пристроить своих подружек. Я тогда как раз только развелся со своей очередной пассией, и предложил в качестве кандидатуры себя. Знали мы друг друга давно. Даже, быть может, когда-то дружили. В общем, он согласился. Девушки согласились тоже. Тогда же я и предложил им уходить со своих работ, и

перебираться ко мне в загородный дом. "Их тела должны быть под боком постоянно",-- подумал я.

Девушки восприняли предложение с энтузиазмом. К тому же им понравилось не работать. Бляди? Ну а почему бы и нет?! Тем более что бляди мне всегда нравились. С ними было просто. И мне всегда было безразлично, когда они начинали выебываться (каждая женщина, знал я по опыту, периодически начинает выебываться), я применял к ним наказание. Блядей я брал за волосы и бил. А потом трахал. Они успокаивались. "Вообще же,-- полагал я,-- если женщина нормально отъебана, она становилась доверчивой и податливой". Это инстинкты природы. Если хотите, архетипическая составляющая. Филогенетическое наследие. Опыт предков. Мужчина охотник, женщина - потенциальная добыча. Жертва. Мне нравилось, когда девушки на алтарь жертвенности отдавали свое тело. Женские тела я любил. И мог ебать их до изнеможения. До их -- или до моего.

.....

Сандра и Роза меня любили. С таким же успехом, как я знал, они любили всех мужчин.

Когда-то что-то нарушилось в их мозгах. С тех пор они были ориентированы исключительно на получение любви от мужчин. От разных мужчин. Один, два, три... ничего не значило. Не считалось. Сандра и Роза (ну и имена же они себе выбрали!), как я понял, страдали легкой формой невротического заболевания, выражающегося в том, что они периодически начинали испытывать тревожность. Тревожность они испытывали если рядом не было мужчины. Чтобы заслужить его любовь

("срабатывало дальше у них в мозгах") - они должны были этому мужчине отдаться. После чего на какое-то время успокаивались.

Все это говорило о том, что я был у девушек не первый и не последний. Но на тот момент моей жизни они были моими содержанками. И мне и им это нравилось. Вернее - мне это нравилось. У них пока не было выбора, поэтому нравилось тоже.

А потом моих девушек увели. Кто? Почему? За что?..

Я мог задавать себе любые вопросы. Но к чему изводить себя? Они ведь честно признались, что покидают мой дом и уходят к другому мужчине.

Я их отпустил. Но сначала избил и изнасиловал. Им нравилось мое насилие (и Сандра и Роза как-то признались в этом сами). И вообще я им, по всей видимости, нравился.

Но точно также им нравились все остальные мужчины. Я был бессилен против природы. И природа заставляла их ложиться под разных партнеров. И этот процесс был необратим. Поэтому я с ними расстался. "Содержанки",-- подумал я. "Содержанки..."

Почему-то напрашивалось совсем другое слово. Но я от него открещивался. "Содержанки,-- повторил я.--Просто содержанки..."

11 октября 2006 год.

рассказ

Сука

"Нет, ну ты настоящая сука!-- изумился я, выслушав рассказ своей только что встреченной бывшей знакомой.-- И наверное даже сука и блядь",-- добавил я.

Ксюша на меня не обиделась. Да она вообще никогда не обижалась. Мы знали друг друга лет двадцать. Через семь-восемь лет после знакомства стали вместе спать. Нам было тогда по двадцать. Она разругалась с мужем и пришла ко мне. А утром осталась. Года четыре мы прожили вместе. Потом она ушла. Через год после этого случайно встретились. Стали встречаться. Два года. Потом она исчезла. Внезапно. И вот теперь я встретил ее в ночном клубе, куда заехал выпить чашечку кофе с коньяком, и посмотреть на танцующих герлз.

Ксюша совсем не изменилась. По крайней мере, внешне. Высокая, красивая, худая, стройная, в обтягивающих фигуру джинсах и блузке, она по-прежнему притягивала взоры мужиков. Когда-то я с ней поделился случайным открытием: чуть ли не каждый мужик хочет с ней переспать. Ксюша тогда томно улыбнулась, мол, если бы - говорил ее взгляд. Но она ведь и на самом деле была похожа на блядь! А уж так, как она вела себя в постели?.. металась, кричала, звала кого-то на помощь и тут же отдавалась вам, раздвигая руками свои щели и жадно хватая член, всовывала его в себя!.. Что тут было говорить... Надо было или принимать Ксюшу такой какой она была, или же расставаться с ней, постаравшись не грустить о прошлом.

Не грустить не удавалось. Пизда Ксении манила к себе. Да и девушка не могла так просто отпустить вас. Вы как бы случайно сталкивались с ней в магазине, лифте, кафе... Она всегда была вам искренне рада. И при этом у нее был такой вид, что словно девушка просилась в койку. "Выеби меня,-- говорили ее глаза.-- Дай мне твой пенис",-- беззвучно шептали ее губы.

Когда вас так просят - надо ебать. И ее ебали. Ксюшу многие ебали. Но при этом она очень хорошо выглядела. Другая бы от стольких мужиков и водки давно бы превратилась в подзаборную шлюху, а Ксюша по-прежнему была свежа и хороша. И притягивала мужские взоры. И рождала в мужиках необъяснимое желание трахнуть ее. Хотя почему необъяснимое? За телом и фигурой Ксюша следила и в свои тридцать семь. Она по-прежнему регулярно посещала тренажерный зал. Раз в неделю обязательно плавала в бассейне. И, конечно же, косметические салоны. Вернее, это раньше ей приходилось куда-то ходить. Последний ее любовник подарил Ксюше как раз косметический салон (другие любовники дарили ей машины, шубы, бриллианты). Так что...

"Ну ты же блядь",-- выдохнул я сигаретный дым, но при этом мои глаза говорили что мне как раз такая вот блядь и нравится, и нужна, и...

Ксюша все поняла. Она вообще всегда все понимала. А мне действительно тогда была нужна как раз такая женщина. Красивая и стервозная. И жадная до моего хуя.

И я мог с этой женщиной вновь, как и в старые времена, загулять; и не появляться дома неделями, переходя из одного бара-ресторана в другой, ночуя в случайных ночных клубах или в случайных местах, у случайных знакомых. Тут же забывая этих знакомых, кому еще недавно, пьяный, клялся в вечной дружбе. "Ничего не бывает вечного",-- понимал я. "Ксюша нагуляется, наебется, и уйдет",-- тоже понимал я. "А ты снова будешь один и вернешься в свою скучную жизнь...",-- ухмыльнулось мое подсознание.

Без Ксюши жизнь действительно была строгой и размеренной. Я почти не пил. Ночевал дома. Почти перестал слушать музыку. Не смотрел телевизор. Жил затворником в загородном доме и писал роман. По роману мой герой был как раз таким. И я был просто обязан войти в его образ. Для лучшего восприятия действительности и восприятия мира с позиции его внутреннего мира.

За явным каламбуром скрывалась суровая правда. Мне во что бы то ни стало нужно было дописать роман. Пока писал, я несколько раз разочаровывался в героя. У меня рождались задумки новых произведений, и я спешно набрасывал их на первый попавшийся лист, после чего возвращался к роману. Большею частью вымышленному. Но иногда я забывал где правда а где вымысел. И писал... Продолжал писать... Мне нельзя было останавливаться. В минуты создания произведения я жил только этим произведением. Словно бы бессознательно примеряя на себя беды и напасти главного героя. Радуюсь его победам. Улыбаясь и сердясь вместе с ним. Он это я -- и я это он. Так повелось с давних пор. Еще когда я писал первый роман, уже чувствовал, что мой вымышленный образ начинает неожиданно подчинять меня. Это оказывалось возможным еще и потому (ну, помимо банальной впечатлительности), что я наделял героев чертами присущими мне. Отдельными чертами. В чем еще больше сливался с ними. А потом не замечал, как начинал растворяться в них. И жил уже их жизнью. Своей жизнью, но так, как будто вместо меня жили они. Внезапно оказавшись в таких условиях...

Ксения была из тех женщин которые вас всегда понимают. Настоящий друг. И это было вдвойне приятно, потому что этого друга еще можно было и ебать.

В постели Ксения действительно вела себя как изголодавшаяся фурия. Когда вы переходили за порог спальни, с девушки слетало то последнее, что связывало ее с внешним миром. И она вдруг переставала подчиняться любым законам, кроме зова плоти. Вы могли и ебать и не ебать ее. В последнем случае она сама бы выебала вас. При этом вы бы никогда не сказали, что вам подобное не понравилось. Трахаться с Ксюшей нравилось даже педикам. Один раз Ксюша случайно подцепила пидараса, не зная, конечно, что он пидарас. И привезла его домой, в надежде что он отъебет ее. А он не захотел. И признался, что является геем.

Как потом рассказывала Ксюша (она всегда обо всем мне рассказывала), у этого гея был не хуй, а отбойный молоток. И когда он ее ебал, то совсем не походил на представителя сексуального меньшинства. "А может он таким и не был,-- подумал я.-- А только выебывался, окончательно не решив с кем ему спать: с мальчиками или девочками". Хотя с другой стороны, если бы все девочки были такие как Ксюша - то пидарасам было бы трудно. Мало того, что им бы приходилось ебать ее, так Ксения переманила бы и часть тех, кто еще не определился. А я был уверен: кто хоть раз отъебет Ксюшу - захочет повторить этот безумный трах.

"Сука, сука, сука, блядь"!-- выкрикивал я, врываясь членом в Ксюшу, и замечая ее чуть скособоченный взгляд из под

опущенной головы, следящий за тем как я вколачиваю сваи в ее зад.

Попа у Ксении была отменная. И как-то так сложилась, что даже если вы трахали ее в пизду, Ксюша поворачивалась так, чтобы вы были сзади. "Должно быть для того, чтобы могли лицезреть ее попу",-- предполагал я. Но у самой Ксении никогда не переспрашивал. Да и зачем? Тем более меня это всегда устраивало. И зная о тайной страсти Ксюши к анальному сексу, занимался с ней почти только им. Тем более если ей нравилось...

Сейчас, когда мы встретились после достаточно долго разлуки, я открыл, что Ксения стала необычайно искусно делать минет. Раньше она только брала у вас в рот, а вы уже готовы были кончить от благодарности. Совсем не обращая внимание на то как она сосет.

Сейчас же она сосала, словно виртуозно играла на каком-то сложном и в то же время удивительно простом музыкальном инструменте. От минета в ее исполнении по вашему телу пробегала дрожь. В предвкушении оргазма сотрясалось ваше тело. Вас пробирало от кончиков пальцев до макушки.

Ксюша не стремилась быстро довести мужчину до семяизвержения. Она могла себе позволить доставить ему длительное удовольствие. И когда подобное случалось, с вас словно снимали шелуху, и вы рождались заново. Как же она сосала!..

"У тебя был неплохой учитель,-- то ли предположил, то ли сделал ей комплимент я.

Французский влюбленный юноша,-- сказала Ксюша. И я узнал что Ксюша два года прожила в Париже. И у нее там было

несколько постоянных любовников и два временных.

Временными, как я знал, Ксения называла тех с кем могла переспать, а потом переспать еще раз, но через время. Иной раз достаточно продолжительное. Временные... "И два временных",-- повторила она. "Одним из них и был тот несчастный мальчик",-- вздохнула миледи. Миледи было под сорок. "Мальчику" двадцать один. "С ним был только оральный секс",-- мечтательно произнесла Ксюша.-- Но если бы ты знал как он это делал?!..

Я знал. Я знал что доставляет Ксюше удовольствие. И тоже делал ей это. Причем как мне казалось, ничуть не хуже того "мальчика". По крайней мере стонала и извивалась от моих губ и языка она точно также. И вцепившись в волосы стремилась вогнать мою голову в лузу. Еще шире раздвигая ноги и распахивая пизду.

Ксении доставляло удовольствие изгаляться над мужиками. Находясь в ночном клубе, она могла спровоцировать конфликт между двумя представителями сильного пола за право обладания собой. А сама в это время трахаться в мужском туалете с третьим.

Ксюша любила сильных мужчин. Причем вам не обязательно в действительности быть таковым. Достаточно только чтобы Ксения положила на вас глаз. А она могла переспать с любым понравившимся ей мужиком. Независимо от его возраста, положения, наплевав даже на финансовую привлекательность. Это только считалось, что в любовниках у Ксюши ходили миллионеры. На самом деле ее запросто мог отьебать любой безработный. Достаточно чтобы этот безработный в прошлом или настоящем принадлежал к деятелям искусства, литературы, кино,

в общем, к творческой интеллигенции. Потому как она спала или с богатыми, или с интеллигентами. Почему-то предусматривалась, что интеллигенция всегда нищая.

Хотя мне казалось Ксения вообще могла переспать с кем угодно. Главное, как говорится, чтобы у него был хуй. И чтобы этот хуй стоял. И совсем невозможно было просчитать, чем она при этом руководствовалась. Видимо она просто любила секс. Во всех его проявлениях. И любила тех, кто был способен ей этот секс обеспечить.

А случалось, ее пизда способна была поглотить вас, и его, и кого-то еще, третьего. Ксения любила устраивать иногда исключительно групповой секс. Чтобы вас было много, а она одна. И чтобы она ебала вас всех...

.....

Мне нравилась эта девушка. В свои тридцать семь она выглядела на двадцать пять, двадцать четыре... Длинные светлые волосы. Губы... Когда вы видели ее губы вы уже мало чего замечали. Вы начинали думать о том, что эти губы способны засосать в себя ваш член. Способны ласкать ваш член. Способны целовать ваш член. Губы и член -- больше для вас ничего не существовало. И вы стремились как можно быстрее воплотить ваши мысли в действительность. Потому что не могли жить с подобной навязчивостью. Ее губы начинали вас преследовать. И вы уже знали: избавиться от этого сможете только одним способом - действительно вложив свой пенис в эти губы. Отдать им его на съедение. Пусть наслаждаются! Бессознательно понимая, какое в этом случае наслаждение ждет вас.

.....

Я никогда не ревновал Ксюшу. Я почему-то сразу свыкся с тем, что Ксения принадлежит не только мне. И не потому что она была слишком шикарна для меня, нет. Спал я с дамами и не хуже. Но просто как-то так получилось, что как только после долгих лет разлуки я встретил Ксению, то сразу понял, что не могу один претендовать на нее. Ну не могу и все! И я смирился. Да и недолго думал об этом. Стало не до этого. Ксения убегала, возвращалась, вновь сбегала с каким-нибудь... или к кому-нибудь... А потом опять возвращалась. Я ее не гнал. Я ее никогда не гнал. И не потому, что тогда жил один. Даже если бы и с кем-то, мы бы наверняка решили жили втроем. Или бы я прогнал ту с кем жил. Но никак не Ксению. Эту блядь я любил. Эту суку я боготворил. Эту ебанную потаскушку я готов был носить на руках. И ебать, ебать, ебать... Не переставая и не отвлекаясь на других. Я, который по природе исключительно полигамен и любящий множество баб (иногда одновременно), в то время как был с Ксюшей трахал только ее. И мне никто был не нужен. Парадокс...

И все же Ксюша была сукой. "Настоящая сука"!-- восторженно подумал я.

И я знал, что эту суку любил. И знал, что был любим ею.

А еще, общаясь с этой женщиной, я чувствовал себя настоящим мужиком. Не только я, конечно. Подобное чувствовали и другие. И быть может в этом-то как раз и крылось какое-то объяснение. С Ксенией вы чувствовали себя настоящими мужиками. А она была сука. И вам это нравилось!..

13. 10. 06 г.

рассказ

Семейная жизнь

1

--Ну что ты на это скажешь?-- посмотрел на меня Вася.--
Правда ведь, замечательная вещь?

--Да вроде как,-- скромно произнес я.

--Нет, ты посмотри внимательнее,-- рекламировал Вася
недавно купленный автомобиль.-- Двигатель, кузов, сидения...

--Согласен, согласен,-- решил я его успокоить. Если
честно, мне его приобретение не нравилось. Купить "Жигули"
переделанные под иномарку?.. Да еще по стоимости средней
иномарки?.. В чем прикол то? В том, чтобы выебнуться по дороге,
обогнав соотечественников на "Жигулях"? Или сделать какой-
нибудь "Фольксваген" и старенькую "БМВ"?..

Но я не хотел огорчать товарища. Тем более у него
всегда каким-то образом бывали деньги. Не зная где он работал
(вроде как и не работал), я тем не менее должен был признать: у
Васи всегда были деньги. Он мог сорваться, и в одночасье улететь
отдыхать на юг. На пару дней. На самолете. Мог сесть на свой
"Форд" (помимо нового приобретения у него еще был "Форд") и
проехать тысячу миль, чтобы встретиться с каким-нибудь
старинным приятелем. Выпить с ним, протрезветь, и уехать
обратно. Романтика!.. Притом что никаким романтиком Вася не
был. Это был сугубо практичный человек, получивший
инженерное образование, имевший трех детей, за всю жизнь
только одну жену (с которой жил до сих пор - Васе скоро должно
было исполниться сорок), да и вообще предпочитавший
основательность вместо какой-нибудь неопределенности.

Таким я его знал. Таким он всегда был. В большинстве случаев пока таким он оставался.

Но вот стали приходиться ему в голову некие "чудные" идеи. В соответствии с которыми моего товарища стало возможно причислить к шизикам. И если бы я не знал Васю двадцать лет - я бы и подумал что он шизик.

Но думать мне так не хотелось. Наоборот. Все что с ним происходило, я расценивал как предвестие надвигающейся опасности. И если та еще не наступила, то это было только "пока". А то, что должна была произойти - однозначно. Практически однозначно.

Но мне хотелось за Васю бороться. Я не мог допустить, чтобы в одночасье разрушилась его жизнь. Не мог. Слишком долго я знал Васю, чтобы так-то вот просто взять и отвернуться от него.

И я решил бороться с поджидавшей его опасностью.

Прежде всего, я стал подсовывать Васе блядей. Вася любил скромных девушек. С ним теперь знакомились только скромные девушки. Причем знакомились не сами. Я обставлял все так, что Вася просто не мог не познакомиться с девушками. Отличие моих девушек от тех, с которыми иногда знакомился Вася сам, было принципиальное: мои девушки были бляди. И им нужен был только Васин хуй. Причем сразу и бесплатно. Бесплатно для Васи. С девушками я расплачивался самостоятельно.

Через какое-то время, почувствовав, что мне удалось немного Васю развратить, я стал подумывать о том, чтобы найти ему постоянную любовницу. А заодно найти любовницу его жене.

Женщине было тридцать семь, была она в самом соку, скоро к ней начнет подступать старость, а она все живет с одним мужем, не изменяя ему. Да мне, впрочем, нужны были не ее измены. Я решил что она должна узнать о другой стороне жизни. Рестораны, ночные клубы, отдых за границей... Оторвалась, наконец. Отдохнула. Вкусила запретный плод. Ведь жизнь-то одна. А Алика все ходила в длинном платье, строгих пиджаках, абсолютно дурацких блузках... В парикмахерскую Алика не ходила (ну или ходила очень-очень редко; когда уже и нельзя не пойти). Маникюр-педикюр делала самостоятельно. Косметикой не пользовалась. Солярий не посещала. Да и вообще была очень-очень скромная.

Какая была у меня цель? Сделать из Алики блядь? Ну почему же сразу блядь? Хотя если бы она стала блядью, я бы не отказался. Я просто случайно увидел эту женщину в другом ракурсе. Если накрасить Алике губы, подвести глаза, сменить ее монашеские наряды на какое-нибудь секси, заставить ее посещать хотя бы раз-два в неделю фитнес-зал, хотя бы раз в неделю бассейн, две-три ночи в неделю проводить в ночном клубе, занять одного-двух молодых любовников... Это была программа минимум, и я решил добиться ее выполнения.

Я нанял двух змеев-искусителей. Один, молодой и чертовски красивый, должен был совратить Алику. Другой, тоже молодой и тоже красивый - должен был добиться, чтобы женщина в него влюбилась. И показать ей жизнь "во всей красе".

В помощь им я разрешил использовать алкоголь (Алика не пила), и легкие наркотики (экстази, анаша, крэк).

Юноши находились на моем содержании. При успешном осуществлении проекта им полагалась премия. Мне было скучно. И я хотел сделать мир веселее.

.....

Через неделю молодые люди стояли передо мной потупив взоры, и в недоумении разводили руками. Алика не реагировала ни на них, ни на их ухищрения. Создавалось впечатление что все ей было безразлично. Любила она только мужа. И другие мужчины ее не интересовали.

Девушки, нанятые мной, говорили о ее муже обратное. Он не только с удовольствием забавлялся с ними, но и производил впечатление настоящего Дон-Жуана. К тому же что-то удивительное произошло с его потенцией. И ему теперь постоянно хотелось вставить в кого-нибудь свой возбужденный пенис. Все время возбужденный. Причем девушки подозревали, что если бы на их месте оказались геи - Василий все равно бы не отказался. Его вдруг стало преследовать навязчивое желание кончить. Кончить хоть в кого-нибудь.

Если поблизости не оказывалось никого, Василий занимался онанизмом. Что не сказать об его супруге. У женщины вообще давно уже не было желания даже выполнять супружеский долг. Причем я не думал, что она была фригидная. Скорей всего подобное происходило от безразличия. С годами ей все больше становилось безразлично все вокруг. Дети фактически выросли. Младший заканчивал школу. Старшие учились в институте. Были все предпосылки начать другую жизнь. Вернее, Алика могла себе это позволить. Но... не хотела.

"Почему?-- задумался я.-- Не скрывается ли за всем этим какая-нибудь тайна"?

Вскоре так и оказалось. Все нынешнее поведение Алики было желанием замаскировать прошлую жизнь. В прошлой жизни она была валютной проституткой. Вернее, сначала валютной проституткой, а потом просто блядью. И она не могла сдерживать себя при виде мужского члена. И готова была трахаться с кем угодно. Ее сутенеры поначалу были обрадовались. Но вскоре убедились, что не могут поставлять ей столько клиентов, сколько она хотела. Она всегда хотела. И начинала спать с кем угодно. И естественно без денег. А значит, сбивала цены.

Закончилось все тем, что другие проститутки собрались и жестоко избили ее. А сутенеры продали в Турцию.

В Турции Алику ебали за гроши, и все кто не попадя. Грязные торговцы с рынка, наркоманы, трясущиеся старики, зеленые юнцы, ну и прочая нечисть. Отбросы общества. Алика "обслуживала" турков в третьесортном публичном доме. Только раз там случайно появился иностранец, русский. Этого раза хватило. Он выкупил Алику, и переправил ее на родину. Тогда Алике было девятнадцать. В двадцать она вышла замуж за Васю. И... это уже была другая Алика. Она хотела забыть прошлую жизнь. О ее прошлой жизни никто не знал. Вася вообще ни о чем не догадывался. Он считал что до него она была целка (Алика умело разыграла процесс дефлорации). Ну и конечно же, скажи кто Василию о прошлом его жены, он бы только посмеялся. Или ударил в рожу. Вася был прямолинейный человек. И он бы даже не посчитал что это ложь, клевета и наговоры. Просто ошибка. Недоразумение.

Да никто в общем, Васе о прошлой жизни его жены не рассказывал. Да и мало кто знал. А я... я, получив информацию (информацию я получил от бывшего сутенера Алики; этот человек неожиданно оказался моим компаньоном по бизнесу), принял ее к сведению. И подкорректировав свое поведение, со временем сумел превратить Алику в блядь. Она блядью была по жизни. Таилась, скрывала, заглушала в себе прорывавшееся сексуальное безумие, но блядь она ведь и есть блядь. Как бы она не хотела это скрыть.

2

Вася изменился неожиданным образом. Я было подумал, что может и в его жизни скрывалась какая-то тайна, о которой мы пока не знали. Но я знал Васю почти двадцать лет. Я знал тех, кто знал Васю тридцать лет. Поэтому все что с ним происходило сейчас - относил исключительно к результатам проделанной работы. Ни больше ни меньше. А вот Алика?.. Алика тогда умело обходила расставленные ловушки. Только раз я уже было подумал что получилось. Она согласилась встретиться с одним из моих людей в гостиничном номере, провести с ним вечер и ночь, и послу этого я был уверен что в ней вновь проснется сексуальность, и она станет той девочкой, которую ее еще кто-то помнил.

Но Алика в гостиницу не пришла. А еще через время я узнал, что из Питера в котором мы жили, Алика с мужем переезжает в Москву. Весь мой план летел ко всем чертям. Эксперимент мог оставаться незавершенным. И я, мысленно послав Алику с ее мужем на хуй, неожиданно обнаружил эту женщину у себя дома. Ей как-то удалось открыть входную дверь (до сих пор загадка как?). Она поджидала меня в моем кресле. Из

одежды на ней был самый минимум. И по всей видимости Алика хотела от меня только одного: секса.

И я ворвался в нее своим изголодавшимся членом. Я ебал ее во все дыры. Я давал ей посовать свой член, а потом бил ее и снова насиловал. Я связывал Алику. Я мочился на нее. Мы обкурились травы, нанюхались кокаина, мы запивали экстази вином.... Мы делали все что хотели. Я впервые увидел Алику совсем другой. "А может и не Алика была передо мной",-- готов был сомневаться я, разложив ее податливое тело на постели, и трахая ее в ее чудную попку, которой она двигала словно это был пропеллер вертолета.

Я кончил в Алику много раз. Я поражался ее любвеобильности. Я не верил что это женщина монашка. Алика сказала, что решила уйти в монастырь. Что уезжает в Москву, и там идет в монастырь. Жить. Ей надоело общество. Она думала о старости. Ей хотелось тишины и покоя. Несколько лет она была блядью, после чего почти семнадцать лет разыгрывала недотрогу. Муж, заделав детей, или дровичил или трахался на стороне. Она об этом знала. И ее все устраивало. Ей было безразлично. И вот теперь Алика отрывалась в последний раз. Ей больше ничего не было нужно. Наебаться со мной и уйти. Навсегда. Фактически в никуда. А что делать мне?..

Мне стало грустно. И я решил не дать Алике осуществить задуманное. И решил ее разлучить с Васей. И оставить жить с собой.

Мне такая женщина была нужна. Я даже подумал, что видимо ее и ждал все годы. Когда я знал Васю три года, в его жизни появилась Алика. Скромная, любящая, застенчивая. Но я

догадывался, что внутри этой женщины скрывался вулкан. Вулкан из нереализованных желаний. Отсюда и грусть ее на протяжении замужества с Василием. Он не мог дать ей то, что она хотела. И она об этом знала. И смирилась. Решив просто жить. Без эмоций и без счастья. Жить, разуверившись что все когда-нибудь изменится.

Алика свыклась с этой мыслью. А я в то время не предпринимал попыток изменить ее. Потом решил изменить Васю. Вернее - начал с Васи. Но целью конечно же была она. Моей бессознательной целью. Сейчас я об этом понял. Понял что все шоу было предпринято для того чтобы заполучить Алику. Не просто выебать ее, а получить навсегда.

И Алика видимо это поняла. А когда поняла, то решила оборвать все, и скрыться от жизни в монашеском облинии.

Но перед этим она совершила ошибку. Она пришла ко мне. Пришла чтобы отдаться. Тем самым искупить какую-то свою вину. Передо мной. И уехать. Навсегда.

Я не дал ей уехать. Я предложил ей остаться. Жить со мной. И она согласилась. Неожиданно согласилась.

Нет, сначала она, улыбнувшись, отрицательно покачала головой. Потом ушла. А через полчаса вернулась. Полчаса ей хватило чтобы решиться сделать выбор. И мы стали жить вместе. Ее дети остались с отцом. Они были самостоятельные и могли о себе позаботиться. Да и нужно было кому-то присматривать за Васей. После того как я увел от него Алику, Вася начал пить. Он забросил работу (как я узнал, Вася работал на заводе инженером), стал приводить в дом уличных женщин. Но мне было уже не до Васи. Я стал жить с женщиной, о любви с которой бессознательно мечтал все эти годы. Не признавался ей в любви, не домогался ее,

а жил и надеялся что она когда-нибудь будет со мной. И я добился своего. А Вася... Да причем здесь Вася, Вася?.. Вася мне был безразличен. Я и общался с ним только потому что у него была такая жена. Теперь его жена стала моей. И у меня начиналась семейная жизнь.

8 октября 2006 год

рассказ

Трудовая деятельность

"Значит, работа не пыльная, приехал, забрал, уехал..."-- инструктировал меня шеф, готовя в командировку. Первую в моей жизни командировку. Он об этом не знал. Зачем травмировать.

Суть командировки относительно проста: приехать, забрать, уехать. Ну, в смысле, привезти то что забрал -- шефу. "Забирать" я должен был баксы. Почти поллимона. Два дипломата. Запечатанные.

И шеф и его помощник (который должен был ехать со мной) немного волновались. Вернее, шеф - меньше. Помощник - больше. Я не волновался совсем.

"Нет, ты посмотри на него?-- пытался обратить внимание шефа на меня помощник.-- Ты точно в нем уверен"-- спрашивал он, заглядывая шефу в глаза.

"Василич, отъебись",-- попросил шеф.

"Очень ценный комментарий,-- подумал я.-- Во-первых, я узнал как зовут этого надоедливого человека, с которым я должен был обменивать товар на деньги. Василич... А во-вторых, еще раз подтвердилось, что шеф мне симпатизирует".

"Ты не обращай внимания на этого пидора,-- обратился ко мне шеф.-- Он с тобой едет только потому, что в подобную командировку ездил не раз и знает кому что там нужно дать и где взять,-- таинственно в пол голоса ("чтобы не услышал "пидор",-- как я подумал) сообщил шеф.-- Главное помни, что ты подчиняешься только мне. И остальных можешь посылать на хуй. Окей?-- посмотрел на меня Палыч, мой шеф, у которого я уже как месяц работал личным телохранителем (было начало 90-х и мне тогда было чуть больше двадцати лет). "Вся жизнь впереди",-- улыбнулся Палыч, когда брал меня на работу. Я с ним готов был согласился.

Значит, задание было следующее. На нескольких машинах мы должны были вести из Питера (куда я недавно переехал из Краснодара и где нашел первую работу) во Владимир какой-то груз. Там сдать его "нужным" людям, получить деньги, и вернуться обратно. Все должно было пройти тихо, спокойно, и без выебонов -- как сказал-попросил Палыч и посмотрел на меня. Я понимал что в какой-то мере он рисковал тем, что посылал меня. Меня он еще толком не знал. Но видимо и никого другого не было. О том что командировка была ответственная я мог судить по тому, что перед поездкой Палыч выдал мне небольшой револьвер. Попросив стрелять только в исключительных случаях.

Начало 90-х. В стране бардак. Очередной расцвет криминала. На дорогах и в городах бал правили ОПГ. Менты старались особо не высовываться. Ну, по крайней мере, вы могли почти безбоязненно ходить с оружием. Ну, или как в моем случае - ездить с ним.

.....

До точки мы добрались без происшествий. Правда я не сомневался, что Василич отчего-то не влюбил меня, а потому инстинктивно опасался его, ожидая какой-нибудь беды. Но на одной из стоянок мы почти подружились. Остановились мы для приема пищи. И оказалось, что я с собой никакой пищи не взял. Шеф сказал что по дороге много столовых. А Василич, оказывается, принципиально не ел в столовых; и вместе с нанятыми для перевозки водителями-дальнобойщиками они остановились на трассе. Перекусить. Тогда же, заметив что у меня с собой нет еды, он и поделился со мной тем, что собрала в дорогу его жена.

Мне стало неловко что я о нем плохо думал. И как раз за разговором он объяснил свою позицию. Оказалось, знал он Палыча лет двадцать. Работал с ним, когда тот начинал еще с кооперативов. Был, можно сказать, не только помощником, но и ближайшим заместителем ("помощник и заместитель суть одно",-- подумал я). А меня видел в первый раз. Палыч ему ничего про меня не рассказывал, и тут появляюсь я (выразительный взгляд из-под густых бровей на меня). И тоже ничего о себе не рассказываю. В итоге, вопросов было больше чем ответов. А отсюда и тень недоверия,-- пояснил мне Василич.

"Давно вы знакомы"?-- еще раз спросил он.

Я неопределенно кивнул.

"А, знаю,-- махнул рукой Василич.-- Палыч всегда был такой. Сам хуй скажет, и другим велит молчать... Вечно играет в какую-то секретность..."

Видимо подумав что сболтнул лишнего, Василич поспешил уйти, сделав вид что чем-то очень важным интересуется у водителей (те после обеда стояли немного обособлено и курили). Я усмехнулся, подумав про себя что, по всей видимости, Василич неплохой мужик. Вот только суетиться ...

.....

До места доехали без приключений. "Плечевые" приключениями ведь не считаются? Хорошие такие девушки. Правда я ограничился только минетом. Да и пока у меня сосали, в голове нет-нет да и всплывал вопрос: "а где эти подлюки моются после клиентов"?

Но видя как шпарит свою проститутку водитель, я понял что подобный вопрос не актуален. Система отлажена. Волей обстоятельств я стал винтиком этой системы. Можно было, конечно, отказаться; но видя губы девушки вытянутые в дудочку, я подумал "а почему бы и нет"? И дал ей пососать свой член. Пусть побалуется...

.....

Товар мы сдали, деньги получили. Василич было вцепился в дипломаты, но я помнил что Палыч сказал что за бабки будет спрашивать с меня. Поэтому отстранив немного недовольного помощника шефа, я взял дипломаты в обе руки, и быть может впервые ему жестко сказал, чтобы он не выебывался и занимался своим делом. А дело у него теперь было одно: следить чтобы водители нас доставили обратно, и договариваться с ментами на трассе (Василич - бывший сотрудник органов. "Менту, хоть и бывшему, с ментом договориться легче",-- решил Палыч.)

.....

Палыча мы встретили прогуливающимся около его дома (старик намеренно вышел нас встречать -- Василич позвонил ему сразу после того как въехали в город -- хотя и разыграл удивление, пояснив, что ждал нас в другой день, а сейчас просто прогуливался (?)).

"Денек отдохни с дороги,-- сказал он мне,-- а потом есть новая работа".

"Новая работа" это командировка на Северный Кавказ. В Майкоп. Как я понял, тоже забирать какие-то деньги (ну то есть, в моем случае, сопровождать полученные деньги). Хотя Палыч, видимо решив разнообразить мои впечатления, пояснил что я должен отыскать "одного гада". "Гад" кинул приятеля Палыча на деньги. Я был должен эти деньги с него стянуть. Уже, получается, дополнительно к другим деньгам. Почему я? Потому что я знал "гада" в лицо.

.....

В Майкопе я бывал не раз. Неподалеку от него, в станице Кужорская, родился мой отец. Город тогда (события пятнадцатилетней давности; сейчас я давно уже в том городе не был) я знал неплохо. Ориентировался, по крайней мере. Хотя Палыч мне выделил специальную сумму для разездов на такси. Так что заблудиться я не мог.

Позвонив предварительно отцу и спросив адрес его брата (дядя Ваня, мой двоюродный дядя), я уже знал, что остановлюсь у него.

Меня поразило город. В 90-е годы там было не очень хорошо. Сравнение с Питером было еще более поразительным. Скажу, например, что тех денег, на которые я мог в Питере доехать из одного района в другой, в Майкопе хватало на целый день езды по городу. И еще оставались щедрые чаевые таксисту. Водки в магазинах не было. Вернее она была, но по каким-то талонам и с огромной очередью обозленных мужиков и начавших спиваться женщин. Водку я брал у все тех же таксистов. Дороже чем в магазине, но раз в десять дешевле, чем я покупал в Санкт-Петербурге. Не город, а сказка. Я подумал было, что за те деньги, которые есть у меня, могу заказать целый полк проституток, но Василич (он поехал со мной; ему было известно у кого, помимо "гада" еще забирать деньги) меня отрезвил. Сказав, что пришла информация, что "гад" будет на квартире у родителей. По возрасту я подходил к друзьям "гада". И должен был заявиться к его родителям, якобы как Питерский знакомый, а на самом деле засесть в засаде. В случае непредвиденных обстоятельств, я помнил, Палыч разрешил мне пригрозить "гаду" револьвером.

Когда я поинтересовался у Василича, почему бы не выследить "гада", и не схватить его около отеческого дома, не заходя в тот, Василич только сердито на меня посмотрел. Я понял что существует какая-то часть плана, в которую меня не посвящают. Поэтому извинился и сказал что мол все понял.

На самом деле я не понял ни хуя.

.....

"Гад" нас наебал. Он не пришел. В тот же вечер мы встретились с приятелем шефа. Зам. прокурора одного из районов.

Адыгеец по национальности. Как я понял, информация была от него. И еще я догадался что кинул "гад" тоже его.

"Понимаешь,-- смотрело на меня добродушное прокурорское лицо.-- Дочка захотела пианино. Жена захотела видеомagnитофон. Сын захотел игровую приставку. Где брать? У нас не купишь. В Краснодаре? Мне предложили у вас в Петербурге. (Предложил "гад"). Я приехал. Этот черт (черт -- это тоже "гад") еще спрашивает меня: "ты хочешь видеомagnитофон с ушами или без ушей"? "Э-э-э,-- отвечаю,-- я простой человек. Какие уши"? "Да ты что?-- отвечает он.--Весь Питер покупает только с ушами. Это круто"! "Ну, я и говорю ему, давай, мол, все как полагается. И мagnитофон с ушами, и видеоприставку, и пианино". ("Я сдерживал смех. Но не смеялся. Адыга было жалко").

Дальше интереснее. "Гад" назначил встречу прокурору на вокзале. При нем товар погрузили в вагон. Вагон запломбировали. В накладной был указан адрес доставки. И прокурор с чистой совестью выехал в Майкоп, позвонив жене и дочери, что везет им гостинцы.

Я начал потихоньку смеяться.

"Ты прав!-- сказал адыг.-- До Майкопа вагон не дошел. Начальник милиции вокзала мой земляк, с одного тейпа, мы вскрыли все вагоны. Ни-ху-я"-- отчетливо произнес заместитель прокурора.

Стал неприлично смеяться Василич. Я и прокурор подхватили смех.

.....

В Питер мы вернулись только с теми деньгами, которые получил Василич. "Гада" мы так и не нашли. Его родители (отец ветеран и мать пенсионерка) честно признались, что сын их плут и мошенник, два раза был в заключении. "Напрасно вы ему поверили", -- вздохнул его отец (Василич рассказал по какому поводу мы его ищем). Мне стало жаль стариков. Василичу нет. Он был уверен что родители несут ответственность за то, какими становятся их дети. Я с ним не согласился.

Да, чуть не забыл. На полпути к Питеру, в наше в купе подседа девушка. Девушка ехала в Питер к парню, который служил где-то в Пушкине. Как я понял, парень трахнул ее, пообещав жениться. А потом уехал и забыл.

Всю поездку я "утешал" девушку (у проводника для этих целей даже купил упаковку презервативов). А в Питере, стоило мне зайти домой (дома, кстати, ждала жена), раздался звонок. Звонила девушка (кажется, звали ее Лена. А может Катя.) Мы условились встретиться на Финляндском вокзале. Я уже подумывал предложить ей остаться в Петербурге, снять для нее комнату, да сделать ее постоянной любовницей. Но девушку на вокзале не нашел. Или она не пришла, или мы потерялись.

Больше она не звонила. А я через месяц развелся с женой и стал работать администратором в ресторане, который открыл шеф. Командировки прекратились. Они уже были не актуальны. Доход Палыч стал получать с увеселительных заведений, открыв со временем их три. Там же имел возможность, никуда не выезжая, наслаждаться жизнью и я. Музыка, деньги, водка, девочки... Каждый день и в неограниченных количествах. Для двадцати лет вполне достаточно...

10 октября 2006 год

рассказ

Мои герлз

Мне хотелось выебать их всех. Я знал, что мог это сделать. Точнее - был способен. Признавая, что ебать всех не представлялось возможности. Тело женщин скрывалось за оболочкой из души и того образа, который вообразила себе каждая из них. И к тому, что скрывалось у них между ног - было не так-то просто подобраться. Причем я подозревал, что иногда они раскаивались в том, что это было так. И в душе хотели просто и откровенно ебаться. Без всяких условностей, к которым обязывало их общество.

Некоторые из них пытались восставать против общества. Свой протест они выражали беспорядочными половыми связями. Мне такие девушки нравились. Нравилась их независимость. Нравилось, что они могли подойти к вам, и предложить переспать с ними. Признавшись, что им этого хочется. Честно признаться. Я не брал откровенно фригидных или просто ебнутых женщин. Все остальные, подозревал, тоже хотят ебаться. Но вынуждены набрасывать на себя маску недоступности. Изображая целок. Суки! Я их ненавидел. Все что от них требовалось - лечь на спину и раздвинуть ноги. Все. Остальное я бы доделал сам. Но перед тем как они ложились на спину - они еще кочевряжились. Изображая чуть ли не жизненную необходимость в подобном шаге. А мне хотелось просто ебаться. И без всяких женских выебонов всунуть член в их пизду. Что еще нужно?..

Мне нравились девушки, любившие анальный секс. Одну мою знакомую звали Лина. Лине было лет двадцать пять - двадцать семь когда я с ней познакомился. Вернее, познакомился с ней мой приятель. Но он готов был передать мне ее в случае, если она не будет против. Против она не была. Как я понял позже, Лине было все равно с кем ебаться. Она любила секс в любых проявлениях. Для нее не существовало табу. Вы могли забежать к ней на минутку (работала Лина официанткой в кафе), и в эту "минутку" она успевала сделать вам минет. Не спрашивая ни о чем.

Я любил понимающих женщин. Лину я старался ебать чаще.

В начале наших отношений я открыл что ей нравилось когда трахают ее в попу. С тех пор я трахал Лину только туда. Когда случилось что она предоставила мне для проникновения пизду, я какое-то время размышлял что это, и могло ли это как-то мне пригодиться. Лина исправила оплошность. Повернувшись задом. Я воспользовался приглашением. Больше она не экспериментировала.

Почти в один жизненный период у меня было три женщины. Ни одна из них не знала о существовании другой. С одной я жил в гражданском браке. Двух других трахал на стороне. Количество сексуальных контактов со всеми тремя было одинаковое. Девушка с которой я жил, подозревала что у меня какая-то секретная работа. Я мог уйти в ночь. Мог подняться с постели среди ночи. Иногда отсутствовал днем.

Настоящая моя работа приносила мне пять-шесть новых сексуальных контактов в неделю. Я работал ди-джеем в ночном

клубе. Тогда в стране клубное движение только набирало оборот. Сейчас, с моим знанием музыки я бы не справился. Тогда я вставлял кассету в магнитофон и все. Минут на сорок можно было заняться другим делом. Десятки кассет со смешанной, от танцевальной до рока, музыки я всегда носил с собой. На случай если кто-то решит их спиздить когда меня не было. Если их спиздят - я могу остаться без работы. Об этом меня предупредил хозяин. Это подозревал и я сам.

В свободное от работы время я записывал новые композиции. Мои компиляции посетители любили. Еще больше меня любили девушки. С большим количеством из них я переспал. Некоторые отдавались мне за какую-нибудь песню, поставленную для них. Кому-то я делал в микрофон комплименты. За это мне готовы были сделать минет. Я не отказывался.

В середине 90-х из клуба я ушел. Каким-то непонятным образом клуб поменял ориентацию. Стал голубым. Тогда это становилось модным. У меня появились первые поклонники среди мужчин. Кто-то из них стал предлагать мне деньги, если дам им пососать свой хуй. Расценки колебались в районе ста и двухсот долларов. Время было богатое. За ночь люди могли сколотить состояние. Или проиграть его в казино. Казино тоже тогда набирали силу. Я ушел работать в казино. Через месяц из казино я ушел. Не сработался с начальством. Работать не хотелось.

Вскоре я нашел работу по душе. Я стал наркодилером. Пока меня не посадили, я мог наслаждаться жизнью. И пользоваться телами наркоманок, которые считали не зазорным отдаться мне за дозу.

Некоторым из них мне хотелось заплатить. Из наркодилеров я ушел. Вернулся в шоу-бизнес. Стал писать песни, продавая их группам и отдельным певцам-исполнителям. Самому мне эти песни не нравились. Было в них что-то слащавое, тем более что я подозревал что часть моих клиентов пидарасы. Но у пидарасов были деньги. Они всегда хорошо платили. Я не отказывался. Тем более что писать было мне не в тягость. Появилось много свободного времени. В свободное время я занимался любовью. Любил я молоденьких девушек, и девушек постарше. Иногда мне попадались взрослые девушки. Многие из них были замужем. Мне наличие у них мужа не мешало. Я сдавал девушкам в аренду свой хуй. И не считал зазорным брать за любовь деньги. Хотя большей частью я занимался любовью бесплатно. Но если кого ебал за деньги, делал это, как мне казалось, с большей ответственностью. Ну, или тешил подобной мыслью свою совесть. Без разницы.

Как-то мне предложили написать песню для одной стареющей певицы. Она была модной в середине 80-х. Поднявшись на волне вседозволенности в музыке и в жизни, испытал успех, славу и полное забвение, "старушка" хотела вернуться в обойму. К тому времени ей было сорок пять. "Для возвращения может быть поздно",-- подумал я. Но если б вы знали как она ебалась! Она отдавала себя и кончала раз за разом. Она это действительно умела делать. Ей бы стать в свое время порнозвездой.

Я написал для нее альбом. Мне казалось, что это лучшее, что когда-то получалось у меня. Я ошибался. Слава певицы даже после выхода альбома была только в небольших провинциальных

городах, жителям которых по большому счету было все равно кого слушать. Если бы она с ними ебалась, я думаю, здорово бы подняла свой рейтинг. По-моему о чем-то таком я ей сказал. Она обиделась. Больше мы не общались.

Кстати, за песни она мне так и не заплатила. Меня вообще многие обманывали. Получая от меня стихи, ебанные плагиаторы их слегка переделывали, композитор сочинял музыку, и считали что у них выходила другая песня. Как бы не так! Из-под пера этих пидарасов выходила полная лажа. Я иногда жалел что в свое время не ебал их в рот. Каждое мое стихотворений было на понятный мне мотив. Часто композитор его не замечал. Я не узнавал песни, написанные на мои стихи. А эти сволочи записывали авторами себя.

По большому счету я не расстраивался. На продаже стихов я все равно зарабатывал. Некоторые из музыкантов были мне настолько благодарны, что иной раз благодарили со сцены. Это повышало мой рейтинг. А значит я не знал отбоя и от заказчиков. Стихи выходили у меня сами собой. В иные дни я мог написать десяток. Потом начинал пить. Рождалось еще несколько.

Стихи появлялись у меня и во время занятий любовью. После, которые вспоминал, я записывал. Но в основном я любил экспромт. Если какие-то строчки не выходили сразу - я пропускал их. Если сразу не шло стихотворение, я его забрасывал. Кто-то говорил что для меня был важен сам процесс. Может быть и так. Тем более что начав писать, без этого я уже не мог.

Со временем я перешел на прозу. Прозу писал для души. Стихи для денег. Их по-прежнему покупали композиторы. Многих

композиторов я знал лично. С какими-то из них дружил. Кого-то ненавидел.

С возрастом общение с женщинами я не прекратил. У меня была достаточно веселая жизнь. Я кутил в ресторанах, соблазнял официанток крупными заказами и щедрыми чаевыми. С большинством из них потом занимался любовью. Я вдруг почувствовал, что эти девушки меня понимают. В официантки уже изначально шли девушки, согласные на многое. Когда ко мне подходила какая-нибудь из них принимать заказ, я уже знал, что знаю о ней даже то, что знать она не могла. Ну, например, что за деньги смогу переспать с ней. Особенно если обставить все не как покупку товара (женщины всегда оставались для меня товаром), а разыграть какие-то чувства. Например, случайно обнаружить "родство душ". Быть может сыграть на какой-то своей закомплексованности. Девушки любили унижение (штамп униженности накладывала на них работа) менять на лидерство. Повелевать. На работе повелевают ими. Со временем они к этому привыкают. А тут ситуация меняется. Пальму первенства как бы берут в свои руки они. Им это нравилось. Они на глазах менялись. Тем более что к пальме первенства прилагался мой член и солидные чаевые. Денег я не жалел. Деньги были основными в том бале-маскараде, который устраивал я. Мне хотелось ебаться. За деньги я получал у себя в постели отличную герлз. Которая к тому же не была проституткой. И даже если кто-то из них был блядью, в постели со мной она начинала разыгрывать невинность. Я очень возбуждался, когда кто-то из особо "невинных" брал у меня в рот. Когда я всовывал свой член им в зад, я чувствовал еще большее

возбуждение. Главным образом от осознания того, что я делаю. И от того положения униженности, в котором оказывалась девушка.

Девушкам о своих ощущениях я не говорил. Я вообще предпочитал говорить с ними только о хорошем. Ведь больше мы могли и не увидеться. Так к чему мне было их расстраивать?

Иногда от секса я уставал. Я догадывался, что скоро устану и от песен. Но пока это не случилось я должен был продолжать наслаждаться жизнью. И ебать своих многочисленных подружек. А как же иначе?..

01 октября 2006 год

рассказ

Любовь к теще

Я не думал, что будет так больно. Быть может, на самом-то деле больно и не было. Скорее неприятно. Досадно, быть может. Да и что такое боль, если мерить не физическим, а моральным аспектом? Так, ничего. Ничего как будто бы и не произошло. Просто меня бросила девушка. Хорошая такая девушка. С длинными желтыми волосами и голубенькими глазками. Стройная и высокая. У девушки (звали ее Люда) была хорошая попка. И Люда очень любила сосать мой член. Даже в то время когда я пытался думать о чем-то светлом и прекрасном, Люда тянулась к моему члену. Я думаю, это выходило у нее интуитивно. Она словно бы чувствовала какую-то тревогу. И снимала ее таким образом.

Люду я понимал. Она словно бы занимала свое место в жизни мужчины (мне было двадцать четыре; Люде семнадцать). И по-своему добивалась этого. Ну, например, начав делать вам

минет. Я думаю, она не только мне делала минет. Страсть к оральному сексу была у Люды в крови. Когда я только познакомился с ее мамой, Людина мама покорила меня тем, что отослав дочку в магазин - стала сосать мой член. Я удивился подобному гостеприимству. Оно мне даже понравилось. Но когда тоже самое предложил сделать Людин папа, я стал с опаской приходить в их дом. В этом доме меня могли изнасиловать родители Люды. На пару. Почему-то такое появилось у меня предположение. А Люда удивлялась: почему я так редко захожу к ее родителям? Да я быть может и вообще бы не заходил, если бы Люда не упрашивала меня, перед этим подолгу сосав мой член. Словно в благодарность я соглашался.

Людиной маме было тридцать четыре. Если бы она была не замужем и не была мамой Люды - я бы на ней женился. Очень была эффектная женщина. И такая гостеприимная.

Папе Люды было не больше сорока. Людин папа работал помощником оператора на Ленфильме. Я думаю, он хотел когда-то стать режиссером. По крайней мере я знал, что он специально этому учился. И даже пробовал снимать фильм. Как я понял - неудачно. То ли смета была составлена неверно, то ли пленки закупили не то количество, но только снято было полфильма. Людин папа обвинил директора в коррупции. Продюсер хотел директора картины посадить. Тот эмигрировал в Израиль. Прихватив с собой снятый фильм. И оставив записку, что доснимет его там. В душе директор наверное хотел стать режиссером.

После этого Людиному папе фильмы снимать не доверяли. Успехом было то, что он стал помощником оператора.

Родители Люды были хорошими людьми. Ее маму я по-родственному называл по имени. Ее папа-гомосексуалист мне чем-то импонировал. Их дочь я считал что любил. По крайней мере, она мне говорила о том, а я полагал неудобным отказываться.

Прожили мы с Людой четыре месяца. Со своим прежним бой-френдом Люда встречалась не больше месяца. Еще один, до него, спал с Людой неделю. Наши четыре месяца я считал прогрессом.

Людина мама и папа хотели чтобы мы поженились. Спросив о том Люду, я заметил, как заблестели ее глазки, и понял, что она хочет того же. Требовалось мое согласие. Я кивнул, и повел девушку в загс. Идти долго не пришлось. У Людиной мамы подруга работала начальником паспортного стола. Через ее связи в один день нас и приняли, и зарегистрировали. Через четыре месяца эта же женщина поставила в наших паспортах штамп о разводе. Люда взяла фамилию мамы. Я решил оставить свою.

После развода Люда приходила ко мне спать. Так мы прожили еще полгода. И не то что мне это не нравилось (Люда знала, чем занять мужчину в постели), но мне хотелось какой-то определенности..

--Чего же ты хочешь?-- удивилась Люда.-- Штампа в паспорте? Так если он нужен, его без проблем нам поставят.

Говорить девушке о любви я посчитал неудобным. Но судя по ее недоуменному лицу, она видимо все же чего-то ждала от меня. Я признался, что хочу какой-то определенности.

--Ты хочешь знать, что так же будешь заниматься со мной любовью и сегодня, и завтра, и через год?-- догадалась Люда о моих мыслях, правда сформулировав их как всегда по-своему.

--Ну, что-то навроде того,-- я кивнул. Я вообще предпочитал соглашаться с женщинами. Пока это мне не надоедало, и я не посылал их на хуй.

--На чей-нибудь другой хуй, что ли?-- заинтересовано переспросила Люда, когда я ей сказал что-то подобное.

Я смутился. Я не имел в виду такую буквальность. Скорее мои мысли простирались где-то в плоскости абстракции. Люда же хотела конкретики. Мы были разными. Писатель, я больше летал в облаках. Люда считала своим долгом опустить меня на землю. Я подозревал, что она просто не знает как внизу плохо. Газет она не читала. По телевизору смотрела только сериалы. Не работала и не училась. Типичная проживательница жизни. И в том смысле, что постоянно что-то жевала тоже. Если в ее рту не была жевательной резинки или чупа-чупса - она сосала мой член. Говорила, что ей это очень нравилось. Я ей верил. Член у меня действительно был хорош. Большой и упругий. Если его правильно поддерживать, он мог стоять сутками. Подспудно я искал женщин, которые могли его поддерживать. Как оказалось, женщин таких было много. Когда их становилось мало, я призывал на помощь интернет. Там различных герлз было в избытке. Половина из них была согласна на любого представителя мужского пола. Женщины голодали. Я их спасал от голода. Мой член мне в этом помогал. Все оставались довольны.

.....

Несмотря на мои многочисленные половые связи на стороне, Люда со мной продолжала спать. Быть может ей просто негде было спать? А может она привыкла спать только у меня.

Когда меня не было дома (иногда я уезжал в командировки) Люда спала без меня в моей квартире. Я этому не противился. Когда она стала спать в моей квартире с другими мужчинами, я ей сказал, что с меня довольно ее блядства. Люда сделала вид что обиделась. И потянулась к моему члену. Устоять я не мог. Я жалел эту девочку. Нет, не любил. Я мало кого любил. Может даже не любил никого. Но вот жалость... Это чувство навсегда поселилось во мне. От него я не мог никуда избавиться. С ним мне приходилось считаться. У него приходилось идти на поводу. Жалость я тайно ненавидел. Но поделаться с собой ничего не мог. На каком-то этапе я смирился.

.....

Людины папа и мама желали нам только счастья. Я с ними был согласен. "Ну а почему нет? - рассуждал я.-- Счастья хотел не только я. Наверняка каждый в жизни мечтал о счастье. Кто-то (я подозревал) даже стремился к нему".

Но вот что хотела Люда - так и осталось для меня загадкой. Наверняка когда-то она мечтала о чистой и светлой любви. Когда-то верила, что в моем лице нашла свой идеал. Потом поняла что ошибалась. "Идеал" как-то был не похож на действительность. Так она стала считать. А я не стал ее разубеждать. И предложил расстаться.

--Я не могу с тобой расстаться, -- сказала она.

--Почему? - удивился я.

--Но мы же и так не живем вместе?

--Да но...

--Вот в том-то и дело что "но"... -- укоризненно посмотрела на меня Люда.-- В том-то и дело что "но". Каждый раз у тебя "но". На все у тебя "но". Ты... ты...

--Мне жаль, что ты меня не понимаешь,-- выдавил я из себя, изобразив обиду. Мне казалось, получилось хорошо. Следующим шагом Люда должна была начать меня жалеть. И мы должны были заниматься сексом. И меня и Люду такой поворот в наших скандалах устраивал. Он был по крайней мере понятен. Доступен для понимания. Не нужно было выдумывать какие-то методики. Достаточно просто извлечь член мужчины, и заключить его в свой рот, начав проделывать необходимые манипуляции губами. Люда это умела.

Я наверное ее удивил, что не дал ей свой член. Она готова была обидеться.

--Я же с чистой душой,-- сказала она.

Я согласился, кивнув. Но члена ей не дал.

В комнату вошла Людина мама. Женщина каким-то образом чувствовала, когда между нами начинались распри. Она выправила Люду, обещав все уладить.

Люда фыркнула и убежала. Через минуту хлопнула входная дверь. В этот момент я вставлял свой член в зад тещи. Для этого женщина наклонилась, подняв юбку и переступая через упавшие трусики. Она давно хотела настоящего секса со мной.

Когда в дверь позвонили, я еще не кончил. Я просто не считал возможным так быстро кончать. Прошло всего полчаса. И у нас с мамой Люды все только начиналось.

--Это я,-- раздался за дверью голос Людиного папы.

--"Старый пидарас может и подождать",-- подумал я. Людина мама подумала о том же. Мы продолжили заниматься любовью. Женщина кончила уже в третий раз. Я подумал, что тоже могу кончить. Задерживать Людиного папу мне становилось неудобным. "Почему он не взял ключ"? -- подумал я, выстреливая в зад женщины семенной жидкостью. Положив руки на ее аккуратную попку, я вколачивал в нее последние аккорды страсти, когда почувствовал, что на нас кто-то смотрит. На пороге застыла Люда со своим папой. Я должен был уходить.

.....

Люда больше ко мне не приходила. Сетовать на жизнь приходил ее папа. Оказывается, Люда была его приемная дочь. Настоящая его дочь была ему еще и племянницей, и жила со своей мамой, его сестрой. Родной сестрой, ставшей когда-то его любовницей. Сестре было как и его жене, маме Люды, тридцать четыре. Его жена и его сестра приходились друг другу двоюродными сестрами. Детей они родили когда обоим еще не исполнилось семнадцати. Отчиму Люды было пятьдесят четыре. Выглядел он значительно моложе. "Геи" все выглядят моложе,-- согласился "папа" моей бывшей девушки.

Я подумал, как все перемешалось. Когда-то этот мужчина, переспав с родной сестрой, был изгнан из семьи. Взял в жены двоюродную сестру, у которой в семнадцать лет уже был ребенок. Через год после брака понял, что ему больше нравятся мужчины. Тайно стал изменять жене. Девочка подрастала. Мужчина с ее мамой перестал заниматься любовью. Он собирался выдать замуж падчерицу за своего бой-френда. Но тут подвернулся я. И самое интересное, отчим Люды подумал что я

тоже гей. Поэтому и вел себя со мной более открыто, чем с другими парнями падчерицы.

...Прошло два года. Уже месяц я встречаюсь с молоденькой девочкой. Ей всего шестнадцать. Когда будет восемнадцать -- мы поженимся. Пока мы даже не спим вместе. Иногда она дронит мой член, зажимая его в ладошку. Сплю я с ее мамой. Женщине сорок два. И она сама предложила вступить с ней в половой контакт. До совершеннолетия ее дочери. Я не отказался. Мы переспали. И ей и мне понравилось. Ее дочь о моей связи со своей мамой не догадывается. Ее мама еще раз напомнила мне, что когда ее дочери исполнится восемнадцать - наш секс мы прекратим. Я вынужден был согласиться. У нас в запасе было еще два года. А за два года всякое может случиться...

02 октября 2006 год.

рассказ

Одна из моих любовниц

--Ну, скажи мне что-нибудь хорошее,-- попросила меня милая девушка. Девушку звали Нина. И она порядком мне надоела.

Я закурил. Ничего говорить не хотелось.

Нет, я бы мог, конечно, признаться Нине, что прихожу к ней только лишь, чтобы получить ее тело. А после мне она была не нужна. Скучно с ней. Да и "на люди" не выведешь. Нина была некрасива. Даже страшна. Никто другой на нее может и не позарился бы. Я же приходил чтобы испытать некий экстрим. Представьте что вам вдруг предоставляется возможность трахнуть монашку. А в постели монашка ведет себя как блядь. Ну разве не

интересно? Да еще и как блядь с садо-мазохистскими замашками. Вы могли топтать ее ногами, привязывать к батарее и к трубам в туалете; могли бить ее, если она вдруг взбрыкивала и говорила что сегодня она видимо не может вам дать... Как бы не так. Я ее даже не спрашивал. Вернее, спрашивал лишь номинально. Притом что обычно она была не против. Но в тех случаях, когда на ее лицо вдруг наслаивалась маска недоступности (на Нину действительно иногда находило) я испытывал дополнительное удовольствие, чувствуя себя чем-то навроде завоевателя, получавшего доступ к телу поверженного противника.

В такие разы я ебал Нину с редкой жестокостью. Я словно бы намеренно (на самом деле, думаю, бессознательно) заставлял ее делать то, что - полагал - в ее душе должно было вызывать особое неприятие. Протест.

Иногда, если бы кто-то поднял глаза и всмотрелся в балкон на пятом этаже, то мог бы заметить ее обнаженное тело, прижатое к стеклу (балкон был застеклен). Одной рукой я поддерживал Нину, чтобы она не отклонялась назад, а другой шарил в ее манде. Я добивался того чтобы девушке от страсти стало безразлично все кроме моего хуя, который она жаждала ощутить в себе. И когда я чувствовал что момент настал, я распахивал створки балкона, и груди Нины вываливались на улицу и начинали свой танец, в то время как я накачивал ее сзади, периодически похлопывая по ляжкам, и шепча, чтобы она не сдерживалась и вела себя естественно.

А она уже и так была не в силах сдерживаться. И ее стоны доносились до тротуара, и некоторые прохожие, задирая голову, видели искривившееся от подступавшего оргазма лицо

женщины, и ее груди (у Нины был четвертый размер) которые подпрыгивали в такт моим рывкам в ее тело.

Нас могли оштрафовать за нарушение общественного спокойствия. Но и мне и Нине в тот момент было все равно. Правда, если бы кто увидел только что стонущую и мечущуюся от ощущения разрывающего ее изнутри хуя девушку на улице, то совсем ничего бы такого о ней и не подумал. На вид это было скромное создание неопределенного возраста, укутанное в какие-то длинные одеяния с повязанными поверх шарфами, напрочь скрывавшие ее тело и делающего его бесформенным.

Если бы Нину хотели бы изнасиловать на улице, насильники бы прошли мимо. Таких не ебут.

На самом деле, если бы ее захотели изнасиловать, насильники испытали бы неопишное удовольствие. Это только внешне она казалась мрачной и неприступной. Как только ваш член входил в нее - девушка преображалась. Начинала шутить и смеяться. И вообще вела себя как последняя блддь.

.....

С Ниной я встречался полгода. Она меня считала своим мужчиной. У меня кроме нее был еще десяток девушек, которых я периодически поебывал. Как минимум половина из них считала меня своим мужчиной. Даже, наверное, строили на меня определенные планы. Может надеясь в перспективе выйти замуж.

Никому из них я не говорил, что женат. Вообще-то я несколько раз был женат. Но тот мой брак был несколько загадочен в том числе и для меня. Мы вроде как и жили вместе, но жили своей жизнью. Жена могла где-то шляться, возвращаться

через несколько дней пьяная и измученная, просила что-то на вроде прощения, и на какое-то время становилась обычной женой. Пока ее пизда не начинала беситься, и Светлана не пускалась в загул.

Я же надолго никогда из дома не исчезал. Мои любовницы думали, что я живу где-то на даче в Лен. области. Они знали что я писатель, и что люблю работать на природе. Поэтому никто из них меня не искал, боясь отвлечь от работы.

Я их обманывал. Но этот обман давал каждой из них надежду на обладание мной. Это было нелегко вселять надежду сразу в стольких женщин. Но мне на самом деле это было не трудно. У меня два десятка книг. Почти сотня героев влюбляется, изменяет друг другу, живет вместе и порознь и всегда на что-то надеется. Все их судьбы я держал в голове. Поэтому еще десяток вполне там мог вместиться.

.....

Иногда Нина мне очень нравилась. Впрочем, точно также периодически мне нравились и все другие женщины. Я сознательно инсценировал эти всплески неожиданной любви. Но любить всех не мог. Сгорел бы к чертовой матери. А так все как будто поддерживалось ровно. Приходил, ебал, разговаривал. Иногда влюблялся. В основном влюблял в себя. Ну и всегда старался поддерживать интерес к себе.

Хотя, может быть, такое подстраховывание было ни к чему. Из всех моих многочисленных герлз как раз остались те, с которыми я мог делать все, что мне захочется, а они бы все равно меня любили. Даже обожали. Некоторые уж точно.

Мне оставалось особо не наглеть (я бы, например, с удовольствием объединил в постели некоторых из них), и периодически выказывал по отношению к ним свою любовь.

Но что я о них да о них. Сейчас я ведь пришел в Нине.

Нина, страшенькая, среднего роста, среднего телосложения, периодически чем-то притягивала меня. Чем? Да вполне может быть и тем, о чем я писал вначале. Но и помимо всей этой монашеско-блядской смеси, я чувствовал, в ней таилась какая-то загадка.

Мне вообще нравились загадочные женщины. Если я их быстро разгадывал - они мне надоедали. Если же несмотря на время которое я проводил с ними все равно оставался какой-то секрет?..

Наверное этим секретом они меня и притягивали. Поддерживали мой интерес. Тем более я периодически изменял им всем с другими женщинами. Но подобные связи были эпизодическими. И дальше одного-двух раз дело, как правило, не шло. Мне становилось скучно и неинтересно. А я не могу заниматься тем, что не интересно. Подобный процесс контролирует моя нервная система. И это позволяет мне постоянно самосовершенствоваться и идти вперед. Я и действительно не люблю останавливаться.

.....

Нина смотрела на меня отвлеченным взглядом. Иногда эта девушка становилась задумчивой. Если бы не мое психологическое образование, я бы подумал что в ней развивается какая психопатология. Но я знал, что волноваться незачем. Вся эта

задумчивость ее исключительное свойство характера. И не более. Да и к тому же я мог вывести ее из подобного состояния. Достаточно было незаметно подкрасться к ней сзади и вставить в нее член. С ощущаемом в себе члене, трудно изображать задумчивость. Если вы не полная идиотка, конечно. Но Нина (или Нинель, как я ее иногда называл) была не такая. Между нами тут же случался половой акт. И мне и ей это нравилось.

Что до меня, то мне вообще всегда нравилось заниматься любовью. Это я сделал неотъемлемым правом своей жизни. И периодически просто обязан был кончать в какую-нибудь пизду, рот или попу. Мог я предоставить свой член и заботливым рукам женщин. Чувствуя разливавшееся по телу удовольствие, когда они начинали играть с ним.

Игры заканчивались традиционными движениями вверх-вниз. Их ладошки плотно обхватывали мой пенис и со временем приводили меня к выбросу семени и случавшемуся при этом оргазму. Девушек я старался не задерживать. Я вообще не любил доставлять кому-то неудобство. Я был вежливый молодой человек. Когда я встречался с Ниной, мне было около тридцати. На какой возраст я реально выглядел, сведения были противоречивыми. Кто-то считал, что мне двадцать пять. Кое-кто полагал, что уже за тридцать. К такому разброду я относился философски. Для меня было важно насколько себя ощущал я. В душе мне казалось что уже сорок. Поэтому и вел я себя с моими многочисленными девушками как старший по возрасту. Возраст их колебался от восемнадцати до двадцати четырех. Слишком старых я не любил. Когда я сам стал старше - предпочитал иметь любовниц не старше двадцати одного года. Восемнадцать -

двадцать один,-- считал я вполне приемлемым возрастом. Да и девушки этого возраста меня всегда любили. И влюбляясь сразу, сохраняли это чувство до тех пор, пока я не расставался с ними.

Но мне кажется, они любили меня и потом. С некоторыми из них я случайно сталкивался через годы. Годы изменяли их. Кого-то мне с трудом удавалось вспомнить. Но они меня по-прежнему любили. И даже если говорили обратное, я знал что это не так. Нет, я не глупец, и не витаю в облаках. Из моих книг можно понять всякое, но могу признаться, что я всегда достаточно трезво смотрю на мир. Если вам кажется другое, значит я намеренно пускаюсь в иллюзии. Значит в тот момент мне так проще. Значит так надо.

.....

Я попрощался с Ниной, сказав, что начинаю работу над новым романом, и какое-то время не буду появляться в Санкт-Петербурге. Это был хороший отмаз. Сам я мог после Нины поехать к другой своей любовнице. Но мог и действительно уехать на дачу. Я предпочитал действовать по настроению. Интуитивно угадывая что мне на тот момент хочется, и полагая невозможным сдерживаться.

Нина кивнула. Я ее поцеловал.

Она смотрела в окно, провожая меня. Я старался что бы все мои женщины думали обо мне только хорошее. И всегда меня ждали.

А я всегда возвращался к ним. И девушки об этом знали...

07. 10. 06 г.

рассказ

Выбор

1

Я знал, что не все девушки бывают красивыми. Знал, что среди красивых встречаются бляды. Но я влюбился в этих двух сестер как последний дурак. И как последний дурак стремился к сексу с ними. С двумя. Сразу.

Дурак. Я подозревал, что все что стало происходить со мной с тех пор как я повстречался с ними, не иначе как глупостью и не назовешь. У меня было отложено десять тысяч долларов на покупку машины. Десять тысяч мы потратили за неделю. Я добивался своей девушки несколько месяцев. Она (действительно еще девушка) готова была первый раз в своей жизни переспать с мужчиной. Мужчиной был я.

Застав меня в постели с этими двумя блядями - моя девушка бросила меня. Но перед этим... она присоединилась к нам. И оказалась она вовсе даже и не девушка. И просто водила меня за нос. Дурак.

Я устал оказываться дураком. Но и при этом понимал, что судьба мне предоставляет шанс более трезво взглянуть на жизнь. Увидеть ее в таких ракурсах, которые раньше я игнорировал. Дурак? А вот тут уже нет. Почему же дурак? Ведь я оценил этот шанс. А потому и не заканчивал свой эксперимент. Да и зачем мне его заканчивать? К этому времени сестры вели со мной разгульную половую жизнь. Веселую жизнь. Мы кутили в ресторанах. Снимали номера дорогих гостиниц. Разъезжали на лимузине, который арендовали по интернету.

.....

Следующая неделя принесла уже пятнадцать тысяч долларов расходов. Я старался не обращать внимания на деньги. Когда одна из сестер попросила пять тысяч долларов, я не задумываясь дал ей. Когда другая попросила столько же - я дал тоже. Потом они вместе попросили десять. Я снова дал. К концу месяца мы потратили около семидесяти тысяч долларов. Я задумался. Два месяца назад я продал бизнес. Бизнес мне приносил шестьдесят тысяч годового дохода. По пять тысяч чистой прибыли каждый месяц. После продажи бизнеса у меня на руках оказалось двести пятьдесят тысяч. Долларов. Могло показаться, я продешевил. Так думали другие. На самом деле я знал, что любые деньги которые смогу выручить от продажи - уже хорошо. Я уезжал в Аргентину. На пять лет. Таково было условие моего двоюродного деда, который сбежал в Аргентину после войны. Он был нацистский преступник. Ему повезло умереть до того, как узнали о его преступлениях в годы войны.

Кажется, он занимался пропагандой. Аргентина была страна, где могли укрыться нацистские преступники. Мой двоюродный дед на всякий случай выдал себя за бизнесмена. Он занимался алмазами. Когда он умер, у него осталось пятьдесят миллионов долларов. Один миллион он завещал любому родственнику из России. С одним условием: тот должен был приехать и прожить в Аргентине минимум пять лет. После этого он получит миллион. В 22-м году родители деда бежали на пароходе из Красной России. Осели они вначале во Франции, а потом перебрались в Германию. В 33-м его папа примкнул к

нацистской партии. Мой прадед сделал карьеру как сын партийного функционера. Его адвокат мне рассказал, что до самой смерти дед верил в идеалы нацизма. Я на всякий случай сказал, что не фашист. "В завещании не сказано что вы должны поддерживать фашизм",-- сухо выдал мне справку адвокат. Я кивнул. Меня все устраивало. Я подумал, что за миллион можно было сказать, что я немножко симпатизирую нацистам. Чтобы порадовать деда. Что не сделаешь за миллион?

Я собирался получить этот миллион во чтобы то ни стало. Я уже много раз созванивался с адвокатом деда. Они ждали меня. Я должен был уезжать через полтора месяца. Месяц я прокутил с блядами. Оставалось две недели. Я подумал, что если растрочу все свои деньги, то мне не на что будет жить в Аргентине. Свой миллион (а я уже не сомневался что он мой) я смогу получить только через пять лет. Голодать эти пять лет я не хотел. Но и оставлять девушек-сестер мне не хотелось. Высокие, худенькие блондинки, и главное - очень-очень красивые. На их лицах невинность сочеталась с блядством. В зависимости от ситуации вы могли подумать и то и другое. А еще вернее, считали так, как вам было удобно.

.....

За неделю до отъезда девушки предложили зарегистрировать брак с одной из них, а другая просто бы жила в семье. На правах второй жены. Неофициальной. Об ожидавшем меня миллионе они не знали. Я задумался. В Аргентине мне не хотелось, чтобы что-нибудь меня связывало с Родиной. Но и порвать с моими путанами я просто так не мог. Мне не оставляли выбора. С девушками я мог вытворять все что угодно.

Реализовывать свои самые гнусные фантазии. Они изначально были на все согласны. Притом что как будто действительно были в меня влюблены. И хотя к любви я относился весьма и весьма скептически, почему-то им хотелось верить. Я планировал "верить" до отъезда. После их предложения планы могли измениться.

"Насколько важно, что они тебе предложили то, что в принципе мог бы ты им и сам предложить"-- спрашивал себя я.

Отвечать на вопрос не хотелось.

"А какова вероятность того, что если бы они не предложили тебе, ты бы сам сделал такое предложение"?

Ответа я не знал. "Скорей всего нет",-- пытался ответить я. Но что-то меня удерживало, чтобы говорить неправду.

Я понимал, что начинаю запутываться. Мне хотелось любви. С девушками-сестрами я получал ту форму любви, к которой всегда бессознательно стремился. Я был извращенец. Извращенец, который боялся признаться себе в этом. С этими девушками чего-то бояться я перестал. Но и взять их с собой не решался.

.....

За день до отъезда я рассказал девушкам о предстоящей поездке. По их личикам трудно было догадаться, поедут ли они со мной, если я предложу? Если бы я рассказал об ожидавшем меня миллионе, выбор им было бы сделать легче.

О миллионе я молчал. По условиям завещания, если у меня ко времени, когда я узнаю об ожидавшем меня миллионе не будет жены -- я должен буду ехать один. В завещании не

оговаривалось, могла ли у меня быть любимая девушка. Оказалось бы подозрительным, если бы девушек оказалось две.

"Через пять лет забирать сестер смысла не будет,-- подумал я.-- Они уже будут не такими как сейчас. Да и я стану другой".

Что мне было делать? Я решил уехать один, и додумать уже в Аргентине.

В день отъезда я узнал, что в случае брака их папа сделает меня приемником в своем бизнесе. Папа у девушек был губернатор одной из северо-восточных областей и владелец контрольного пакета акций нескольких крупных предприятий. Женившись, я мог получить гораздо больше миллиона. А мог и не получить. А аргентинский миллион был реален.

Я подумал, что было бы неплохо и уехать и стать родственником губернатора - миллионера.

"Мультимиллионера",-- уточнила одна из девушек.

"Но для этого тебе нельзя уезжать,-- улыбнулась другая.-- Приемник папы должен жить в России".

Мне захотелось послать их всех на хуй. И аргентинского дедушку с его хитровыебанным завещанием. И потенциального тестя-мультимиллионера. И даже себя.

У меня начиналась депрессия. В таком состоянии я замыкаюсь в себе. И ни с кем не хочу общаться.

"А что если нам...",-- задумчиво произнес я, но не договорил. Мне не дала договорить одна из девушек. Она стала делать мне минет. Другая раздвинула свои длинные ноги и готовилась заняться любовью сама с собой. С помощью фаллоимитатора.

Я выебал поочередно их обоих. Завтра я должен был уезжать. Решение я еще не принял.

2

Адвокат покойного деда, у которого я попросил еще две недели чтобы "доделать незавершенные дела в России", готов был по-русски послать меня на хуй. Но дал мне неделю, чтобы все завершить и приезжать. Больше отсрочки, сказал, не будет.

Три дня из недели я провалялся в постели. С девушками. Еще день потратил на поездку к их папе в Москву (тот управляет своим регионом из столицы).

Будущему тестю я понравился. Он мне нет. Но я убедился, что папа у девушек был действительно богат. Все говорило о том, что я должен был оставаться в России. Но мне было неудобно перед памятью дедушки. Я хотел попросить у адвоката еще неделю. Он не брал трубку. Когда я начал подумывать, что может аргентинского дедушки и не существовало вовсе, адвокат снял трубку. И сказал, что если я не приеду через два дня - мой миллион достанется тем, кому отошли по завещанию сорок девять миллионов. "Кому"?-- поспешил выяснить я давно мучивший меня вопрос. Адвокат положил трубку.

Папа девушек пригласил меня в круиз по своему региону. Девушки стали уверять в гостеприимности папы.

Мне было тридцать два. Девушкам двадцать один. Потенциальному тестю сорок восемь. Его новой жене восемнадцать. Маме девушек сорок, и она жила во Франции с другим мужем. Муж мамы девушек был французский киноактер. Миллионер. Я подумал, что было бы неплохо, если бы девушки

мне предложили жить во Франции. А их отчим дал бы мне миллион. "Ну вдруг у него у самого их немного"? - задумался я. И понял, что я уже готов думать о чем угодно, только бы не делать выбор.

А выбор мне делать было надо. Или становиться мужем одной из них, спать с ними обоими и пользоваться благами от их папы как родственника, или бросать все и уезжать в Аргентину. Пять лет жить хуй знает как, но получить свой ебанный миллион долларов. Чтобы оставшуюся часть жизни не думать о деньгах. Все и сейчас? Или все - но потом? Гарантировано потом, или под вопросом сейчас? Тесть мог не захотеть отдавать мне часть акций, назначив мне какой-нибудь испытательный срок, за который разочаруется во мне или узнает что я ебу двух его дочек сразу и выгонит меня. Или убьет. Или за это время убьют его. Закажут партнеры или конкуренты по бизнесу, например. Его также мог неожиданно снять с должности президент. А то и вовсе посадить за какие-нибудь финансовые нарушения. Олигархом быть в России опасно. Да мало ли что еще могло произойти с папой девушек. Например, его новая жена могла когда-нибудь так ему "дать", что любвеобильный папаша отпишет все акции на нее.

"Если уже не отписал",-- совсем некстати подумал я. И уже потянулся к телефону, чтобы звонить адвокату и сказать, чтобы он меня встречал в аэропорту, как подумал о том, что этого всего с папой девушек могло и не случиться. И в одном случае я мог сразу пользоваться его деньгами и поддержкой, а в другом... а в другом меня смущали те пять лет. Чем я буду заниматься? Я не только не знал никакого иностранного языка ("на каком интересно говорят в Аргентине"? -- подумал я), но у меня не было никакой

профессии. Вернее, своей профессией я не мог зарабатывать. У меня был диплом об окончании философского факультета университета. По профессии я не проработал ни дня. В России. Как бы я зарабатывал философией в Аргентине было для меня загадкой.

"Никак"! - единственный ответ. И я с собой соглашался.

.....

Мне необходимо было принимать решение. День-два-три-неделя-месяц ничего бы не решило, если бы я не решил сейчас. "Любая отсрочка ни к чему не приведет",-- подумал я. И в который уже раз с собой согласился. Но и какое-то решение мне было сделать невозможно. "Все - сейчас, или все - потом"? - думал я. "Под вопросом сейчас, или точно - но после"? -- пытался я сделать выбор.

В голову стала лезть откровенная хуйня. Я ругал себя, что мне предоставляется шанс разом обеспечить свое будущее. Но при этом как бы умалчивалось, что таких шансов на самом деле два. И мне необходимо было выбрать один из них.

Но был еще один, третий шанс. Можно было действительно послать всех на хуй, на оставшиеся деньги открыть бизнес в России, и просто жить, зарабатывая деньги, пить, гулять, знакомиться с девушками...

Я понимал, что я уже так не мог. Я буду постоянно думать о миллионе долларов, который мог получить в Аргентине. Всех девушек буду подсознательно сравнивать с девушками-сестрами (и выбор будет в пользу сестер). А также буду ругать себя за то, что не стал зятем губернатора-мультимиллионера.

Я устал. Я вымотал себя. И изводил своими придирками девушек-сестер. Я уже умолял, чтобы они разругались со мной, и тогда бы я с чистой совестью уехал в Аргентину, в Буэнос-Айрес, где ждал меня адвокат с миллионом.

Девушки говорили что любят, и будут любить меня несмотря ни на что. Когда их били или унижали, им только нравилось. Они дополнительно возбуждались от этого. Вы могли накричать на них, а потом засунуть руку в пизду любой из них. Пизда была мокрая от возбуждения. Им нравилось, когда их привязывали и стегали ремнем. Им нравилось, когда вы мочились на них, а потом заставляли сосать свой член. Они были в восторге от анального секса. Они приводили вам проститутку, и наблюдали как вы ебете ее. От этого они тоже возбуждались.

Если у вас не стоял, они позволяли делать с собой все что вы пожелаете, и от такого извращения у вас не только стоял, но и стоял так, что вы могли своим членом пробить стену. Если бы надумали врезаться в нее. Вместо этого вы врвались в их тело. И ебали, ебали, ебали. И вам это нравилось. И были в неопишемом восторге сами девушке. Ну как я мог от всего этого отказаться?

Я позвонил адвокату, и сказал что не приеду. Я позвонил потенциальному тестю и сказал, что согласен стать его родственником. Адвокат и "тесть" послали меня на хуй. Все это оказалось спектаклем, задуманным отцом той девушки, которую я бросил, когда стал встречаться с сестрами. Он был уверен, что я буду изменять его дочери. И мог убедить ее в этом только подложив под меня других девушек. Ему подвернулись сестры. На самом деле это были две профессиональные актрисы, великолепно справившиеся со своей ролью. Их якобы папа -- был тоже актер. И

вообще все в этом действии были актеры. В том числе и адвокат. Вот только папа у недооцененной мной девушки был настоящий. И был он простой русский миллиардер, олигарх. Но я-то об этом не знал! Та девушка которую я бросил, ничего мне о своем папе не рассказывала. Да и не была она похожа на девушку, у которой папа олигарх. Теперь я понял, что это все было задумано этим ебаным олигархом. Ее отцом, который отнял у меня все. Я даже растратил деньги после продажи бизнеса. Но самое печальное, этот мужчина отнял у меня мечту. И веру. Теперь я никому не верил...

04 октября 2006 год.

рассказ

Первая женщина

Я думал о ней. В тот вечер я действительно думал о ней. Честно. А потом ее портрет в моей памяти сменился другими. Не менее прекрасными изображениями фотографической памяти, запечатлевающей губы, глаза, груди, бедра...

И каждый раз было словно в первый. И я все так же думал потом о них, о моих женщинах... Еще молодых женщинах... Самой старшей из них было не больше тридцати. Хотя я всегда считал, что ей максимум двадцать два; а иногда мне и вовсе казалось что сплю с несовершеннолетней... Были и несовершеннолетние. Но мне тогда самому было не больше двадцати. И считал, что если по любви и согласию, да если вашей девушке уже исполнилось четырнадцать - пятнадцать - шестнадцать... то почему бы и нет?..

Молодые девушки сменяли друг друга. Но память, словно ненавязчиво, возвращает к той первой женщине, с которой у меня и действительно получилось в первый раз.

Ей было двадцать семь. Мне восемнадцать. Я был студент. Она - работала стюардессой. Мы познакомились когда я летел в Австралию. На соревнования. По плаванию.

Все могло произойти еще в самолете. И наверняка бы произошло, если бы ее не вызвал командир корабля, когда она уже готовилась извлечь то, что давно уже вздымалось в моих джинсах.

.....
..

Произошло все в гостинице. Она сама пришла ко мне. Сама разделась. Раздела меня. А потом доделала то, что не успела в самолете. Хотя я и не уверен, что там бы у меня что-то получилось. Я словно бы ожидал, что кто-то застигнет нас. Пацан...

В гостинице все иначе. И теперь, когда прошло уже много лет, я почти не помню ее лица. После того единственного раза мы не виделись. Но я наверняка бы ее узнал. По губам. Вернее, по улыбке в сочетании с блеском глаз.

Такое выражение лица у нее появилось когда она, раздев меня, увидела мое покачивающееся перед ней орудие желания.

Она уже сидела передо мной, стоящим, на корточках. И все поняла без слов. А может и сама давно хотела это сделать. Давно - это значит с того раза как только увидела меня. По крайней мере, мне так показалось. Почему? Не знаю...

За весь вечер мы так и не успели сказать друг другу и пару слов. Мы были заложниками страсти. Страсти...

Я до сих пор нет-нет да испытываю какую-то вину, потому что на самом деле все делала только она. И мне казалось что все произошло настолько быстро, что я еще долго находился в прострации, думая о том - в реальности ли все это только что произошло?..

.....

Я пытался ее искать. Но корил себя, что поиски начал слишком поздно. За несколько месяцев прошедших после нашей встречи она успела уволиться с работы и выйти замуж. Я даже не знал ее имени. И, было, огорчившись - обрадовался. Я мог дать моей первой женщине любое имя. Причем я даже хранил что-то вроде верности. Потому что никогда больше в моей жизни не было женщин с тем именем, которое дал ей я.

.....

Сейчас уже действительно прошло много лет.

Быть может даже слишком много, чтобы посчитать что все случившееся когда-то - была правдой.

И даже мне уже кажется что это был сон. Не иначе как сон...

Но если бы такой сон когда-нибудь повторился - я бы больше ничего и не желал. Ничего... Успокоился бы.

А так еще на что-то надеюсь...

17. 09. 06 г.

рассказ

Девушка из высшего общества

Мне она понравилась сразу. Молодая красивая блядь.

На вид девушке было лет двадцать. Я допускал, что ей уже двадцать один. Мог согласиться, если бы кто сказал что ей девятнадцать. В любом случае в среднем получалось двадцать. Черные длинные волосы. Не развитая грудь. Худенькая. Такой тип девушек мне нравился.

У девушки были грустные глаза. На грустные глаза девушек я не обращал внимания. Грустные или веселые - какая разница? В жизни все так быстро менялось, что вы сами не могли быть уверенными, какие глаза у вас будут в следующую минуту.

Мне был двадцать один. Я был студент третьего курса философского факультета Краснодарского гос. университета. Переводился в Санкт-Петербург. Потому что переехал жить в этот город. Город, любимый с детства. Заочно я любил и всех жителей его. Особенно жительниц. Девушек. Мне всегда нравились девушки. К ним я чувствовал столь сильное влечение, что, не заботясь о них - влюблял девушек в себя. Высокий, стройный, общительный, к лацкану моего пиджака был приколот значок мастера спорта по боксу, и я не чувствовал в общении с девушками каких-то затруднений. Я любил их, они любили меня; между нами устанавливались добрые отношения на взаимовыгодных условиях: я получал от девушек их тело, взамен предоставлял им право ощущать себя красивыми и желанными. По "особому заказу" после общения со мной девушки могли показаться себе еще и умными. Дурами я их действительно не считал. Ну, во-первых, всегда стремился еще перед знакомством

отсортировать их. Во-вторых, я ограничивался с девушками простыми и общедоступными вопросами-ответами. Не любил ставить их в неловкое положение. И всегда щедро вознаграждал общение со мной финансовыми вливаниями.

Деньги мне давали папа и мама. Этих денег хватало, чтобы не пытаться устроиться по специальности. Да по специальности я работать и не собирался. На четвертом курсе я стал студентом еще одного вуза. Так что как минимум мне еще нужно было учиться пять лет. Если не заканчивать аспирантуру. Но я собирался учиться и там. И наслаждаясь судьбой вечного студента, я влюблял в себя девушек. И совсем не стремился с ними расставаться.

.....

Инна понравилась мне сразу. Мы познакомились в ночном клубе. Судя по напиткам, стоявшим на ее столике, я понял что в деньгах девушка не нуждается. "Она похожа на стриптиз-танцовщицу в ночных клубах",-- пытался я определить место работы Инны. "Хотя может быть и обычная содержанка",-- пришла ко мне еще одна версия. В любом случае я понял, что сейчас Инна пришла отдохнуть и расслабиться. "Хуже было если она кого-то ждала",-- подумал я.

От моего имени официант поставил на столик девушки вазу с фруктами и передал записку. В записке я предлагал девушке переспать со мной.

Поймав ее взгляд, я увидел еле заметный кивок. И улыбку. У нее была красивая улыбка. Невольно засмотревшись, я чуть не пропустил еще один еле заметный наклон головы, означающий согласие.

"Любопытно, что она будет делать, если я никак неотреагирую",-- совсем некстати подумал я. "Кивнет еще?.. Или, обидевшись, уедет на своем авто?.." (На столе девушки я заметил брелок с ключами; сомневаться что ключи были от машины не приходилось).

Ход моих мыслей сбил еще один кивок девушки. Она теперь не просто улыбалась, а улыбалась мне. Расстояние между нами было метров десять, но мои контактные линзы легко справлялись с ним. В зависимости от настроения я ходил или в очках или в контактных линзах. Менял я их также и в зависимости от впечатления, которое хотел произвести на девушек. Жизнью управляют многие факторы. От того какой будет у вас имидж, зависит какое вы произведете впечатление. Причем иногда ваша внешность не имела к этому никакого отношения. Вы попадали под действие стереотипов. И с этим необходимо было как минимум считаться.

Инне я понравился сразу. Я не сомневался что она поверила в то, что я желаю уложить ее в постель. Тем более у нее была записка, где я говорил о том же. Причем открытым текстом. Моя внешность не внушала такой уж открытости. Во взгляде и в манерах скорее угадывалась загадка. Девушке видимо не терпелось эту загадку разгадать.

Такой шанс я мог ей предоставить. Я подсел к ней. Мы познакомились. Я извинился, сказав, что у нее такая внешность, что я был не способен удержаться. Намекая на слова в записке. "Вы согласны"?-- зачем-то спросил я. Девушка еле слышно сказала "да".

"Она блядь,-- подумал я.-- Но до чего ж эта блядь прекрасна"!

.....

Переспал я с ней в ту же ночь. Посидев еще с полчаса, мы поехали к ней домой. Я на своей "Ауди"-80, она на "БМВ" 5-й модели. Мне было стыдно за свою машину. Притом что машина была не моя. Подарок одной бывшей любовницы. А даренному коню в зубы не смотрят.

Секса у нас в ту ночь не получилось. У меня впервые не встал. Была мне ясна и причина. Я случайно "залез не на свой этаж". Девушка была слишком богата. У ее папы был нефтяной бизнес. Кроме "БМВ" у Инны были пятисотый "Мерседес" и джип "Шевроле-Блейзер". Все автомобили этого года выпуска. Моей "Ауди" было пять лет. Ездил я на ней три. Денег родителей с трудом хватало чтобы я платил за аренду однокомнатной квартиры. У Инны была пятикомнатные апартаменты с видом на Сенат. Я понял что она не может стать моей девушкой просто потому, что я не готов иметь такую богатую любовницу. С девушками попроще я проблем не знал. Нищих девушек я мог ебать всю ночь. За ночь я мог несколько раз кончить. С Инной у меня даже не встал. Причем я понимал, что главная проблема именно во мне. Девушка готова была на все, чтобы доставить мне удовольствие. Когда она взяла в рот мой член, член стал подниматься. Когда я случайно заметил на трельяже ее бумажник до верху набитый купюрами, член мой упал. Я не мог ее ебать. Я чувствовал дискомфорт.

"Ну что мне для тебя сделать"?-- говорили глаза девушки. Мне стало грустно. Сказать ей что для этого она должна

стать бедной и зависимой от меня - я не мог. Она бы этого не поняла. Да и походило это, по большому счету, на сексопатологию. У меня не вставал на богатых и уверенных. Я мог заниматься любовью только с бедными и униженными. Мне больше подошла бы Сонечка Мармеладова. От Анны Карениной я бы сбежал сам. Я задумался. Походило это действительно на что-то нехорошее. Неужели я настолько душевно закомплексован, что не могу себе позволить просто надругаться над распростертым телом?

Девушка в это время легла на живот и приподняла попу, словно приглашая меня войти в нее. При виде ее пизды у меня стал вставать член. При мысли о том что сейчас я буду ее насиловать, мой член не только встал, но и начал постанывать от напряжения. Я вспомнил, что со вчерашней ночи еще не кончал. За день я обычно кончал хоть раз. Иногда удавалось несколько. Это становилось возможным при соблюдении всего одного условия. В поведении женщины я должен чувствовать зависимость.

Инна стала постанывать, видимо представляя что я уже ее ебу. И еще. Я почувствовал в ней эту самую зависимость. Именно зависимость. Ей было абсолютно безразлично бедный я или богатый. Я был мужчина. Представитель сильного пола. Мои предки неандертальцы были жестокими и властными. Если женщины не давали им, они били их дубинкой по голове, и брали свое силой. В наше время сила не требовалась. Но я не стал искушать судьбу. Я набросился на Инну, и припечатав ее к кровати, ворвался в нее разгоряченным членом. Я ебал ее и в пизду и в попу. Я заставлял девушку сесть на кровать, и

становившись перед ней на колени, впихивал член в ее рот. Закончилось все тем, что я сначала в нее кончил, а потом отвел девушку в ванную комнату, заставил влезть в джакузи, и стал на нее писать. На ее голову, волосы, плечи, грудь, спину, бедра... Я вылил в девушку все содержимое мочевого пузыря. Потом ударил ее по щеке и вышел.

.....

Я приручил эту блядь. Я мог заставить ее заниматься любовью в бутиках, в такси, в туалетах пресс-конференций (Инна работала в пресс-группе Питерского представительства компании папы-нефтяника). Я мог ебать ее не раздевая. Я получал удовольствие срывая с нее одежду, и набрасываясь на ее тело словно изголодавшийся зек. Я испытывал удовольствие унижать ее и превращать в полное ничтожество. Она полностью подчинялась моей власти. Один раз подчинив ее, каждый раз я только подкреплял желание бить и ебать. Ебать и бить. Я мог унижить ее при всех, обматерив, и заставив делать минет. Кроме нее для меня никого не существовало. Я видел только Инну.

.....

Несмотря на учиняемые унижения, я помнил кто была она а кто я. У нас был разный финансовый рейтинг в этой жизни. Ее папа ворочал миллиардами. В неделю Инна могла потратить несколько сотен тысяч долларов. Часто она забывала на что она потратила деньги. Мне становилось стыдно. Стыдно и за нее и за свое поведение. Но я уже стал своеобразным заложником. Стоило мне только раз усомниться в легитимности собственной власти - и я тут же был бы выброшен на помойную яму. У меня не

оставалось выбора, как продолжать делать то, что я делал. Тайно признаваясь, что в душе назревает конфликт.

Разрешилось все просто. Папа-олигарх нашел дочке выгодную партию. Ее мужем становился сын президента одного из банков. Не дожидаясь пока меня пошлют на хуй, я ушел сам.

А как все начиналось!..

2 октября 2006 год

рассказ

Студенческая жизнь

Я ушел с третье пары. Предмет, который читал доцент помешанный на орошении земли (кажется, предмет назывался "орошаемое земледелие") мне был безразличен. Я уже был на четвертом курсе. Студент-заочник агрономического факультета. Все что касалось земли мне было безразлично. Учился я только потому, что из тридцати человек нашей группы двадцать семь были девушки. С половиной из них я переспал. С половиной другой половины намеревался переспать к окончанию института. Оставшуюся часть оставлял другим. Если бы я перебал всю группу, это было бы уже слишком.

В том же институте учился мой брат. Брат готовился стать инженером. В их группе было только две девушки. С одной из них я уже переспал. Другая была лесбиянка.

С братом мы обычно встречались в институтском кафе. Пили пиво или кофе с коньяком. Иногда я знакомил брата со студентками. Мне было двадцать пять, и меня очень любили первокурсницы. Приехавшие из деревень или из небольших городов, они только открывали для себя настоящую жизнь. И

многие из них были не против ощутить у себя между ног мой член. Мой член вообще приносил радость многим. Например, двум моим женам, с которыми я к тому времени уже успел развестись. Или соседкам по общежитию, которых я потихоньку поебывал, не привлекая к себе лишнего внимания, дабы не вызвать у кого-то из них ревность. Студентки ведь были женщины. А многие женщины как-то по-особенному реагировали, когда узнавали что хуй который ебет их - точно также ебет и их подруг. Поэтому с подругами своих любовниц я старался не встречаться.

В кафе брата не было. "Их задержал препод", -- отпивая пиво из бутылки, сказал Леша. У Леши было почти два метра роста. Учился он с моим братом на одном курсе, но в параллельных группах. Они дружили. Дима, мой брат, вообще со многими дружил. Из его друзей, помимо Леши, мне нравились Вовчик и Игорь. Причем у всех троих (четверых вместе с братом) были проблемы с женщинами. Они были готовы их ебать, но не знали где и когда. Стеснялись познакомиться. Если к ним подходила студентка на лице которой было написано что она хочет секса, у каждого из друзей вставал хуй. Но проблемой становилось как этот хуй всунуть в девушку. Хотя та, повторюсь, была бы не против.

.....

Обычно с девушками договаривался я. Расписывая с лучших сторон сидевших в машине друзей (у них у всех были машины), я добивался у девушек желания заняться со стеснительными парнями сексом. Встречались девушки которые

хотели вступить в орально-анально-генитальный контакт со всеми четырьмя. Причем сразу. И почти каждая из девушек была не против, чтобы предварительно ее отъебал я.

Мне было неловко. Я заботился о брате и его друзьях. Мне хотелось чтобы тем, чем я и так занимался с девушками, занялись и они. Но мне приходилось ебать девушек, с которыми я договаривался. Договаривался чтобы они переспали с братом и его друзьями.

И я ничего не мог поделать. Девушки сами выбирали меня. А мне было неудобно отказывать.

.....

--Так дело не пойдет,-- насупился как-то Игорь, обхватив руками руль.-- Мы только смотрим, как Серега уводит этих блядей.

--Ты хотел бы еще посмотреть как он их ебет?-- усмехнувшись, спросил Леша.

--Ты что, забыл как только недавно несколько дней не слезал с той биксы, с которой для тебя договорился братан?-- внимательно посмотрел на Игоря мой брат. Мой брат был справедливый. И пользовался авторитетом у друзей.

--Да нет, я так просто сказал,-- вздохнул Игорь.

Я к тому времени обернулся к компании парней, дождавшихся моих результатов, и развел руками. Мол, приношу извинения. Девушку вынужден отъебать сам. По ее просьбе.

--Опять облом,-- нервно закурил Леша. Девушки Лешу не очень жаловали. Как он признался - бояться что у него такой же

длинный хуй как и его рост. А каждая из этих блядей тешила себя мыслью, что ее пизда маленькая,-- зло произнес Леша.

--Да, маленькая...--поддержал его Игорь своим недовольным тоном.-- Иной раз суешь как в ведро. Разъебано до такой степени...

--Поедем лучше пить,-- предложил Вовчик.

Кафе находилось на территории института, недалеко от главного входа, где стояла сейчас машина Игоря. Обычно друзья сидели в какой-нибудь машине, дожидаясь пока я договорюсь с той или иной девушкой. Ситуация когда вместо одной машины где ее дожидался скромный и застенчивый любовник я бы показывал девушке на несколько, по моему мнению была анекдотичной. И я поставил условие чтобы машина была одна. Несмотря на невероятные протесты друзей брата. Им хотелось удивить девушек размахом. Но это бы скорее походило на аукцион. Мол, пожалуйста девушки, выбирайте "Жигули" различных моделей. В них вас ждут ебари. Впрочем, у Леша была "Волга".

.....

В кафе за столиком с Лешей сидели две девушки. На удивление, они встали при моем появлении. Одна из них тут же уселась мне на колени (когда я сел), другая провела рукой по моим мышцам груди. "Хотят ебаться",-- подумал я, посмотрев на Лешу. Глаза Леша светились от удовольствия. "Чему он радуется?-- подумал я.-- Уж наверняка не тому, что незнакомые девки решили меня раздеть и изнасиловать прямо в кафе".

"Димочка, мы поедем сегодня в аквапарк"-- умоляюще посмотрела на меня одна из девиц, та которая ерзала на моем члене. Член готов был подняться, но его сдерживала плотная

джинсовая ткань моих брюк. Джинсы я любил. И любил когда в джинсах были девушки.

"Димочка"!-- промелькнуло у меня в голове. Я все понял. Они перепутали меня с моим братом. Мы действительно были похожи. Даже иной раз походили на близнецов.

В кафе вошел Дима. Девушки в этот момент баловались со мной. Брат обратился к ним с вопросом. Девушки подумали что сходят с ума. Или уже сошли. Когда я им объяснил (мне стало очень жалко их, в монашеских позах тепер сидевших каждая на своем кресле), они взяли себя в руки. И предложили вчетвером заняться сексом. Леша сделал вид что смотрит в окно. Я отказался. "Хоть вчетвером хоть вдесятером,-- подумал я.-- Но только не со своим братом". Брат тоже отказался, видимо подумав о том же.

.....

Практиковать половую связь с несколькими девушками я любил. Иногда позволял, чтобы рядом находился и какой-нибудь парень. Не для того чтобы ебать и его. Гомосексуальных наклонностей у меня не было. Но наблюдать как его возбужденный член обволакивают губы нашей сексуальной партнерши, или же как тот же самый член проникает в укромное местечко девушки... Мне было трудно отказать себе в подобном удовольствии. "Да и зачем отказывать"?-- рассуждал я, чувствуя от подобных мыслей сексуальное возбуждение.

.....

Иногда девушка соглашалась переспать со мной, только если рядом будет ее бой-френд. Случалось, мне все же приходилось ебать их обоих. Но подобным я не увлекался. Хотя могу признаться, что если закрыть глаза, то трудно отличить, кто

сосет ваш член. Притом что самому члену было по хуй. Он получал удовольствие.

.....

В моей студенческой жизни бывали взлеты и падения. Один раз я сдал сразу две сессии. В другой раз меня чуть не отчислили. Я не пришел ни на один экзамен. Две экзаменационные недели я провел на девушке-африканке. Поначалу немного менжуюсь, я вскоре понял, что ее половая щель ничем не отличается от пизды моих соотечественниц. Единственно что, так это она становилась мокрой от возбуждения стоило вам только обнажить хуй. Негритянка реагировала на любой хуй. Даже без эрекции.

Эрекция, впрочем, не заставляла себя ждать от взгляда моей чернокожей герлз. А уж если она сосала, то через мой член высасывала всего меня. За две недели я похудел на восемь килограммов. Потом, впрочем, набрал двенадцать.

.....

Быть студентом мне нравилось. Быть может потому, желая вспомнить молодость, я закончил еще один вуз. Но между обучением была разница в десять лет. И ни с одной из своих новых однокурсниц я так и не переспал. Да к этому и не стремился. Я перешел на мужчин.

30. 09. 06

рассказ

Гомосексуалист

"Наверное это выглядело странным: я любил женщин. Но ведь я действительно их любил. Почему же тогда это казалось

странным? Да потому что я гомосексуалист. И всегда считал, что мужчин люблю гораздо больше",-- Юра записал случайные строки. Случайные, потому что приходили они неизвестно откуда, и еще более неизвестно почему? Так же было неизвестно когда придут следующие.

Когда-то это случилось в первый раз. И Юра тогда этого не заметил. Потом случилось еще. Юра тоже решил было не заметить, но потом, спохватившись, записал. Записал на первом попавшемся листе. А потом лист выбросил. Неосознанно.

Текст приходил было еще пару раз. И всякий раз или время было не подходящее для записей (во время полового акта, например; или на экзамене по сопромату,-- Юра тогда готовился стать инженером), или же он записывал на обрывках подвернувшихся под руку бумаг, которые после благополучно терял. Случайно.

Потом наступило затишье. И никакие странные мысли Юрия не посещали. И он готов был отчаяться.

А потом повалили разом. Но Юра в тайне ждал их. И завел специальную тетрадку, куда и помечал пришедшие ему откровения.

Иногда откровения были странными. Вот, например, как то что он является гомосексуалистом. Гомосексуалистом он не был. За тридцать лет он переспал с десятком женщин. При этом, когда Юра занимался любовью с женщинами, мужчин поблизости не было. Нет, правда, он познакомился как-то с танцовщицей в ночном клубе. И даже на утро вместе с ней уехал домой. К ней. Но трахал-то ее один. Несмотря на то, что снимала она две комнаты у старушки. Причем в одной комнате спала сама (или вот с Юрой,

например), а в другой спал ее знакомый. Говорят тоже танцор. Да еще и гомосексуалист.

Юра помнил, что когда он занимался любовью с танцовщицей, танцор тоже просился к ним. Якобы посмотреть. Но Юра понял что это только уловка. И был категорически против подобного "просмотра".

Чего он боялся? Все очень просто. Юра подумал, что когда танцовщица ляжет на спину и разведет ноги в шпагате, а он, Юра, уляжется сверху, вставив член в пизду, танцор подкрадется сзади. И вставит хуй в зад Юре. (Поэтому когда он действительно лег на танцовщицу, он все же не поленился встать, и проверить: прочно ли закрыта межкомнатная дверь).

Юра был гомосексуалистом. С чего он вдруг это решил? Помимо танцора, живого гомосексуалиста он видел еще только раз. Да и то, со слов соседки, предложившей Юре свое тело, потому что ее муж-гомосек совсем не трахает ее.

"Педик... Самый настоящий педик",-- кивнула соседка, когда Юра переспросил, опасаясь что он ослышался. Правда, когда он лег в постель к соседке, и уже намеревался ввести член - внезапно подумал что ее муж никуда и не уходил, а затаился в засаде. Чтобы выебать его, пока он будет ебать его жену.

Тогда соседка (предприняв несколько неудачных попыток разжечь в нем огонь страсти) обозвала его пидарасом. И будь Юра подростком, после подобного у него могла случиться душевная травма. Но к тому времени ему уже было двадцать пять лет. И до этого был вполне успешный секс с несколькими женщинами. Причем самый лучший секс у него был с партнершей вдвое старше его.

К ней Юра и пошел сразу после соседки, обозвав ту сучкой и блядью. Юра любил ругаться. Хотя старался этого не делать. Люди обижались.

Когда Юра пришел к женщине, с которой у него когда-то был секс, то оказалось, что пришел он некстати. У ее мужа был день рождения, и собралась лизости не было. у него всего десяток сексуальных контактов. адо) не посещали Юру. -- судя по шуму голосов - компания.

Тогда Юра извинился, собираясь уйти. Но женщина сказала, что прокатится с ним в лифте. И пока они спускались с девятого этажа, она делала ему минет. Кончил Юра где-то между вторым и третьим этажом.

"Она спасла меня от душевной травмы,-- с благодарностью подумал Юра о женщине.-- А то глядишь, и действительно пришлось бы становиться гомосексуалистом. Пассивным".

.....

Юра любил женщин. И несмотря на то, что иногда он их немного побаивался - больше он их все-таки любил.

А еще он любил сексом заниматься ненавязчиво. Словно какие-то события происходили, но это не нарушало привычного ритма жизни. И как будто на самом деле ничего не происходило. Правда, партнерши должны были в этом случае попадаться понимающие.

Юре такие попадались. Можно сказать за исключением нескольких, которые или крутили у виска, или обзывали его сволочью и другими нехорошими словами, остальные женщины с

пониманием относились к Юриным причудам. Когда он, например, просил -- пока шел домой с очередной подругой -- чтобы она запустила свою ладошку ему в штаны, и начав шебуршить там, возбудила бы его.

Или когда они сидели в кафе -- чтобы женщина незаметно опустила под стол, и пососала его член. При этом он мог даже не кончать. Важен был сам процесс.

Подобных случаев у Юры встречалось немало. И в большинстве из них его партнерши соглашались. Быть может они и сами искали чего-то необычного?..

"Почему же я все-таки гомосексуалист"-- сделал Юра новую запись.

Как-то так получалось, что в тетрадь он записывал только вопросы. При этом не то что ответов не существовало. Нет, в большинстве случаев они, конечно же, были. Но прокручивались и смаковались в голове Юрия. И порой были столь странные, что записывать их не хватало духа. Да и желания.

"Но почему же он все-таки гомосексуалист"-- задумался Юра.-- Может потому, что в душе всегда симпатизировал педикам. Считая, что им дано нечто большее, чем ему"?

"...Так-то оно так,-- рассуждал Юра.-- Но с другой стороны, быть может и не так это вовсе... Ведь если только представить, что один мужчина берет в рот у другого..." Юра задумался. "Наверное, мне бы это никогда не понравилось,-- подумал он.-- Хотя если не взять в рот, а дать... Какая разница кто у тебя сосет... Можно и глаза закрыть. Представив, опять же, женщину..."

Когда Юра трахался с женщинами, он тоже закрывал глаза. Представляя как эта женщина занимается любовью сразу с двумя мужчинами. У одного из которых сосет, а другой в это время ее обрабатывает сзади.

От таких мыслей Юра всегда быстро кончал. Да ему всегда было и неудобно задерживать эякуляцию. Ведь тем самым он задерживал и женщину. Например он помнил, как пробрался как-то на кухню ресторана. И у него было не больше минуты, за которую коллеги его знакомой официантки должны были заставить поднос салатами да разогретым "вторым", а сама она в это время прижалась к столу, наклонилась, и ждала пока он кончит ей в зад. И задерживать ее ему бы не позволила совесть.

Или, например, когда ездил отдыхать в санаторий, и возвращаясь в номер, случайно перепутал комнаты, и увидел отдыхающую на кровати молодую девушку, которая не только не закрыла дверь, но еще и спала. Спала обнаженной (дело было в полдень, когда он решил спрятаться от жары), и со слегка приоткрытым ртом.

Юра тогда не смог удержаться, чтобы вытащить тотчас же возбужденный пенис, и держа его головкой в нескольких миллиметрах от рта спящей девушки - довести себя до оргазма.

Причем, опять же, действовать надо было быстро. Ведь девушка могла и проснуться. Хотя судя по тому, что когда Юра уже приближался к финалу и девушка, приоткрыв глаза, еще шире открыла рот (через секунду-другую ее губы как осьминог напоззли на член), он решил что девушка вообще не спала. И в обнаженном виде изображая спящую,-- да еще при незапертой двери, - готова была к любым неожиданностям.

Юрий понял, что никаким гомосексуалистом он не был. Для него намного ближе был секс с женщинами. Хотя, пожалуй, в душе он готов был и переспать с мужчиной. Если бы сам мужчина проявил инициативу, конечно; и сделал бы все ненавязчиво. Быть может даже незаметно.

"Гомосексуалист,-- подумал Юра.-- Я гомосексуалист".

Но на себя он уже не обижался. Это слово не несло в себе той смысловой нагрузки, которой он всегда опасался. Все было понятно. По крайней мере для него...

14. 09. 06 г.

рассказ

За все надо платить

Вы думаете, я мог еще что-нибудь говорить? Ну, если так, вы явно преувеличиваете мои возможности. Да и в той ситуации что-то говорить было неуместно. А то и глупо. Скорей всего действительно глупо.

Но при всем при том, говорить было надо. Все-таки я стоял перед судом. И даже не только перед судом. Суд уже состоялся. Мне было положено последнее слово. И не воспользоваться им я не мог. Хотя и чувствовал, что глупо отрицать обвинения, которые с таким усердием собрали мои следователи. Да и за семь лет (с момента якобы первого совершенного мной преступления) что б их не собрать? Собрали. И разом вывалили на меня. А я должен был оправдываться.

Не буду. Не буду...

"Но ты должен,-- противостояло мне мое "Я".-- Ты просто обязан доказать, что ты не виновен. Тем более..."

"Что"-- с надеждой спросил я.

"Тем более что ты отказался от адвоката".

Это действительно так. От адвоката я отказался. Так же как уже давно отказался от друзей, приятелей, знакомых и даже родственников. Я был один. И должен был отвечать.

"Вы берете последнее слово"-- спросила меня секретарь суда, удивленными глазками зыркнув в сторону лупоглазого и красномордого судьи.

"Беру",-- кивнул я. И начал говорить.

Говорил я долго. Два раза гул в зале настолько возматал, что мои слова тонули в потоке возмущения (хотя мне казалось, что больше там все-таки было недоумения), и судья объявлял перерыв. Кому были нужны эти передышки? Мне? Вряд ли. Когда я начинал говорить вновь, я говорил, словно никакого перерыва и не было. С жаром доказывая свою правоту. Ну и вероятно полагая, что за тридцать минут перерыва "зрители" ничего не забыли.

Я поймал себя на мысли, что моя речь в первую очередь предназначалась тем, кто собрался в зале суда. И словно бы до самого судьи мне не было дела. Это было не так. Мнение судьи для меня было небезразлично. Тем более что именно он, фактически, и должен был выносить приговор. А от того поверит ли он мне или нет, зависело мое будущее.

.....

Это было первое слушание после тех четырех лет, которые я провел за решеткой. Первое слушание благодаря кассационной жалобе, на которую наконец-то впервые за долгие годы обратили внимание.

--Поздравляю, у тебя пересмотр дела,-- провожали меня зека, которые сидели со мной в колонии, и все как один, конечно же, знали мою историю.

Об этом даже сняли фильм. И меня играл один знаменитый актер, фамилию которого я сейчас не помню.

--Значит хорошо играл,-- сказал Рафик Мамедов (мошенник, с которым я познакомился в зоне).

--Почему?-- не понял я.

--Ну как же?-- удивился Рафик.-- Ведь его настоящая фамилия ассоциируется с твоей.

Я кивнул.

Радостный Рафик развел руками, мол, вот тебе и ответ.

Я вынужден был согласиться.

Кстати, я не раз убеждался, что у зека развито логическое мышление. "Практика..."-- подумал я. Понимая что подобное нарабатывалось в частых спорах и было продиктовано исключительно желанием выжить. Выживал тот, кто мог логически обосновать свою правоту. И Рафик Мамедов был один из тех, кто славился подобным искусством.

Рафику было двадцать семь. Был он высокий и худой. На тот момент как мы познакомились, у него была уже его третья ходка. Первая случилось еще по малолетке, когда Рафик "взял на прокат" соседский мотоцикл. Вторая - когда он, отсидев, залез к тому же соседу домой. И был пойман с поличным, когда занимался любовью с его супругой.

Чтобы не позорить супругу (а заодно и себя) -- ни о каком сексе сосед решил не упоминать. И договорился с Рафиком

что тот пойдет на нары только за кражу. Вернее, за попытку кражи.

Интересно что третий раз Рафик сел тоже за соседа. Сосед, правда, к тому времени уже развелся. Но решил коллекционировать антиквариат. И Алик, через знакомого, несколько лет продавал ему копии картин известных художников, выдавая за подлинники.

Сначала сосед узнал, кто на самом деле продавец. А потом пригласил эксперта проверить картины.

Рафику дали пять лет. Когда я пришел в колонию, он уже сидел год. Сейчас он должен был выходить.

Кстати, уже много лет позже я узнал, что это фактически Рафик добился того, что мое дело вернули на доследование. А потом меня и отпустили. Спасибо, Рафик.

Я стоял перед судьей и ждал его решения.

Обо всем что помнил, я уже сказал. Слегка добавив и ряд подробностей, которые до этого держал при себе. Решив что выскажу их в подходящий момент.

В моем деле только на первый взгляд было все ясно. Несколько изнасилований, попытка убийства, две кражи и хранение наркотиков.

Мой первый судья, решив, видимо, что улики достаточно (основным пунктом обвинения были показания свидетелей) вынес приговор: девять лет заключения. Три месяца к тому времени я уже провел в тюрьме.

У меня было такое состояние, что я не стал оправдываться. Особо не защищал меня и адвокат. Да и адвокат, как я знал (государственный адвокат, которого мне предоставил

суд) был любовником одной из свидетельниц. Женщины, которую якобы я изнасиловал.

Почему якобы? Да потому что все обвинения в изнасилованиях - были обвинениями в изнасилованиях моих любовниц. На которых я не женился, и полагал что именно в отместку они написали заявления.

Краж, кстати, тоже не было. Я забирал "свое". Первый раз -- цветной телевизор, который когда-то купил на свои деньги, и уходя от первой гражданской жены - оставил, предупредив, что заберу позже. Вторым эпизодом кражи шло изъятие видеомэгнофона у второй гражданской жены. Мэгнофон тоже когда-то покупал я. И уходя - сказал, что когда-нибудь его заберу.

У третьей жены (тоже гражданской) я ничего не "украл". Я только зашел к ней, снял куртку, прошел в кухню (дверь пришлось открыть своим ключом, на звонки в дверь никто не реагировал), как на меня набросился ее любовник. Набросился с ножом. Нож я отобрал. Он успокоился. Правда для этого пришлось приставить нож к его горлу (этот эпизод в моем деле фигурировал как попытка убийства).

Что же до наркотиков, так в запарке (покидая недружелюбную квартиру) я перепутал куртки. А придя домой стал пить. С горя.

Утром меня взяли мусора (за ночь мои бывшие любовницы подстрекаемые любовником одной из них, адвокатом, написали заявления о кражах, неоднократных изнасилованиях и проч.) А в куртке (которую я бросил у входа) оказались наркотики. Анаша. Количества которой хватило для еще одного эпизода уголовного дела.

.....
Мне дали девять лет.

--Почему девять?-- удивился Витя Татарин, бывалый сиделец (пять или шесть судимостей), который проникся ко мне неожиданным пониманием после того как я, разоткровенничавшись после чифира, поведал свою историю.

--Не знаю,-- пожал я плечами.-- Цифры складывал не я.

Один из слушавших эту историю зека через несколько дней должен был выходить на свободу. А еще через месяц он прислал маляву, где писал, что выступает продюсером в фильме. И попросил разрешения отталкиваться от моей истории. Мне было все равно. Ну а может в душе я понадеялся что это мне поможет. Хотя бы морально. В фильме моего героя оправдывают.

Фильм я не посмотрел. Когда пришла кассета, я сидел в БУРе за то что двинул в челюсть одному не в меру рьяному активисту. А когда вышел через десять суток - кассету уже изъяли во время шмона. И я продолжал отбывать наказание. И все время писал кассационные жалобы. Все четыре года. Пока дело не вернули на доследование.

Моим бывшим гражданским женам (сожительницам на языке протокола) к тому времени стало безразлично до моей судьбы. Хотя и признаться в том, что добровольный половой акт между мной и каждой из них они расценили как изнасилование - тоже не могли. Вроде как клевета получается. Понимая при этом, что в результате их сговора я уже несколько лет чалюсь на нарах. Неужели не мучила совесть?

Или мучила. А может только начинала мучить. Ну, по крайней мере, мне хотелось бы, чтобы так было хотя бы в перспективе. Ведь, по сути, когда-то я этих женщин любил.

"Выходит, ты отсидел за любовь",-- сказал мне Айзик Азимов, еще один из моих товарищей по нарам, который меня встретил у ворот тюрьмы (меня все-таки освободили; досрочно), и с которым мы сидели в ресторане, отмечая мое возвращение.

"Выходит что так,-- согласился я.-- За все надо платить".

--"Это верно",-- вздохнул Айзик, подумав верно о чем-то своем...

Сентябрь 2006 год

рассказ

Максим Леонидович

Как же ему настоебали все эти встречи.

Мужчина шел на одну из них. Очередную. Встреча с коллегами журналистами-писателями. Кое-кто из собравшихся работал журналистом, кто-то - писателем, и в целом эта была творческая публика. Коллеги по цеху. Но как же они настоебали ему.

Максим Леонидович вошел в здание газеты "Литературная нива". Ничем не примечательное здание. Внешне ничем не примечательное. Но внутри там иной раз кипели настоящие страсти. Вот уже третий год подряд газета фактически была без главного редактора. Прежний, журналист-писатель Заворотнюк - безвременно скончался. И после него многочисленные "И.О." долго не задерживались. Оказалось, никто не мог справиться с калганом всех этих журналистов-писателей.

Людей пагубных в своем стремлении напиться, поругаться, оттрахать корректоршу, секретаршу, или кого-нибудь из молодых внештатных корреспондентов, и вообще честолюбивых, как оказалось, в своем стремлении к власти.

Кухню любого СМИ мало кто приоткрывает. Может это не принято. Может не хочется иной раз выливать ушаты грязи на любимых читателями журналистов. Но Максиму Леонидовичу было на все это наплевать. Последняя его посиделка с коллегами закончилась тем, что он напился (как и почти все собравшиеся), и швырнул кому-то в рожу свою папку. Папку с тех пор он отыскать не мог. Поэтому некоторые материалы вынужден был собирать заново.

Максиму Леонидовичу было пятьдесят. Он успел выпустить семь книг. Количество журнальных статей измерялось полуторатысячами. В журналистских кругах его уважали. В писательских - тихо завидовали. Но самому Максиму Леонидовичу на все было откровенно наплевать. С недавних пор. Раньше он был совсем другим человеком. Но когда ему исполнилось пятьдесят, подумал, что нет смысла теперь что-то кому-то доказывать, приспособливаться, и вообще он был готов всех послать на хуй. Надоели они ему.

.....

--А, здравствуй, дорогой,-- обнял его специальный корреспондент газеты "Литературная нива" Марк Бониевский. Бониевский был пьяница и гомосексуалист. Но его терпели как талантливую автора. Причем, в своих репортажах Бониевский иногда встречался с теми, с кем никто другой встречаться не

хотел. А Бониевскому было все равно. Он готов был взять интервью даже у проститутки во время ее изнасилованием ротой солдат. Наверняка не забыв бы задать пару вопросов и солдатам.

Бониевский был странной личностью. Отец пятерых детей, он был завсегдаем гей-клубов. И уходил оттуда всегда с парой мальчиков. Причем ходили слухи, что платил не он, а они. Считалось что у Бониевского был большой хуй. И он не чурался этим хуем подработать.

Максим Леонидович симпатизировал Бониевскому. И на фоне толстого, высоченного, разряженного как павлин Бониевского, Максим Леонидович (среднего роста и тщедушного телосложения), в своем строгом костюме смотрелся весьма оригинально.

Впрочем, встречались они только на работе. Максим Леонидович предпочитал никого из своих коллег в свободное от работы время не видеть. Он бы с удовольствием избегал бы их и на работе, но профессия как бы обязывало к обратному. К общению. И общаться Максим Леонидович любил. У него был правильный русский язык. Несмотря на то, что по происхождению Максим Леонидович был поляк (бабка с дедом, родители матери, приехали в Россию при царе. Отец, работавший одним из советников польского посла, после распада Союза остался в России). Впрочем, родился и вырос он в России. Отчего ж ему не знать русский? Правда, знал он его очень хорошо. Ну так мог и выучить...

.....

--Там уже все собрались,--- наклонившись к Максиму Леонидовичу, заговорщески прошептал Бониевский.-- Ждут Зимины.

Олег Павлович Зимин был новый "И. О." главного редактора. Тридцатичетырехлетний Зимин был сыном кого-то из членов правительства. И все понимали, что на нынешней работе он ненадолго.

--А где эта сволочь?-- заинтересованно спросил Максим Леонидович, имея в виду Зимины которого он недолюбливал. Точнее - не воспринимал. Хотя и в душе может ненавидел.

--Не знаю,-- пожал плечами Бониевский.-- Да кроме него еще нет...

--Да хуй с ними,-- не дал ему перечислить отсутствующих Максим Леонидович.-- Главное что мы пришли. Бониевский кивнул.

Максим Леонидович знал, что Бониевскому также как и ему проводившиеся собрания были безразличны. Но одного возраста, они были людьми старой формации. И если собрания проводились, полагали что присутствовать на них обязаны. Даже несмотря на то, что они обо всем этом думали.

В зале действительно собралось не много народа. Почти всех Максим Леонидович знал лично. С кем-то поздоровался за руку. Кому-то просто кивнул. На кого-то сделал вид что не обратил внимания. В целом обстановка благоприятствовала к рассмотрению каких-то вопросов. А значит, как следствие, к спорам, диалогам, и прочему.

Уже прошло полчаса с запланированного времени начала собрания, а Зимина еще не было. Ответственный секретарь переглянулся с зам. глав. редактора. Они решили начинать.

Слово взял ответственный секретарь газеты г-н Мацевский. Юрий Мацевский был тихий пьяница. В газете он работал уже лет тридцать. Ему было шестьдесят. Он был плюгав, мал ростом, и чем-то походил на еврея. Хотя уверял что русский.

--Товарищи,-- Мацевский осмотрел зал.-- На повестке дня главный вопрос...

Максим Леонидович заметил, что мало кто из зала слушает Мацевского. Большинству собравшихся были безразличны поднимаемые на ежемесячных собраниях вопросы. Да и никто из них не воспринимал в серьез другого. Каждый считал состоявшимся и талантливым только себя. Поэтому допускал, что может не слушать, о чем говорят другие. Притом что все привыкли, что собрание - лишь повод собраться вместе. И главным образом все ждали фуршета, который начинался сразу после собрания.

С каждым годом собрание старались сократить. И Максим Леонидович подумал, что с такими темпами он вполне застанет то время, когда его коллеги сразу будут переходить к пьянке.

.....

Максим Леонидович любил выпить. Но почти всегда случались последствия.

Начиналось это произвольно. После нескольких рюмок он уже откровенно презирал собравшихся. И обычно все заканчивалось для него по единому сценарию: он с кем-то ругался,

кому-то говорил что тот сволочь и блядь, норовил заехать в рожу, ну и вообще вел себя так, что на другой день спешил извиниться за собственное поведение. Иногда и действительно извинялся. Но чаще всего гордо проходил мимо, делая вид что ничего не помнил. Он и на самом деле мало что помнил. А еще вернее - не хотел вспоминать.

В этот раз он умудрился разбить очки ответственному секретарю, обзвать пидарасами собравшихся, и вылить кофе на белый костюм пришедшего уже к фуршету Зимина.

На работу он мог не приходиться. По крайней мере, об этом ему прокричал Зимин. Зимин ему вообще показался в тот вечер очень нервным. Опоздав, он вошел в зал где проходило собрание, словно он имел право опаздывать. Мол, я начальник. Большой начальник.

Максим Леонидович сказал ему, что он гнида и подонок. И вылил ему на костюм кофе. Медленно и спокойно. Отточенным движением. Словно делал это всегда.

.....

На утро болела голова. На работу он все равно бы не смог пойти, даже если бы его там ждали.

Его не ждали. Максим Леонидович об этом знал. Сбегав в ларек, он купил несколько бутылок пива. Лечиться.

.....

Его не уволили. Зимин ушел на очередное повышение, а редакцию временно возглавил какой-то новый человек. Который и позвонил ему, пригласив зайти. Познакомиться.

Новый "И. О.", Аполлон Степанович Мисочкин, на удивление Максиму Леонидовичу понравился. Он был похож на покойного Заворотнюка. Причем сходство отмечали многие коллеги по "Литературной ниве". Быть может по этой причине Мисочкин прижился в коллективе, став вскоре главным редактором. Без "И. О."

Но Максим Леонидович себе изменять не мог. И на первом же фуршете по поводу какой-то знаменательной даты - обозвал Мисочкина. Причем слово, на следующий день, он вспомнить не мог. Как ни пытался. А спрашивать кого-то было неудобно. Да могли и наврать. Исказать, так сказать, правду.

Максим Леонидович всегда говорил правду. И то, что думает.

Но когда трезвел, сожалел об этом. И пытался извиниться. Попытался он и на этот раз.

Когда Максим Леонидович зашел в редакцию, сразу заметил что смотрят на него с каким-то подозрением. Словно удивляясь, что после всего он еще мог придти. "Знать бы, что я на самом деле сказал Мисочкину", -- подумал Максим Леонидович. И в то же время понял, что знать это он совсем не хочет.

Внезапно Максиму Леонидовичу стало все безразлично. Даже если его сейчас действительно уволят, он не обратит на это внимания. Ему давно уже было все равно. И он даже знал что сделает, если его сегодня уволят. Он пошлет всех на хуй. И уйдет с гордо поднятой головой.

.....

--...Проснись, проснись,-- тормошил своего коллегу, Максима Леонидовича Белкина, Бониевский.-- Да проснись же ты.

--Что случилось?-- спросил удивленный Белкин, просыпаясь за своим рабочим столом.

--Рабочий день закончился,-- сказал Бониевский.-- Заворотнюк всех отпустил.

--Заворотнюк?-- переспросил удивленный Белкин.-- Он разве не умер?

--Такой умрет,-- вздохнул Бониевский.-- Он еще всех нас переживет...

29 сентября 2006 год

рассказ

Рэкетеры

Ваня решил стать рэкетиром.

--Вот так вот просто?-- удивился Гера, коллега Вани по городской юношеской сборной по боксу, откуда его, впрочем, выперли по "не перспективности" (за "не перспективностью" скрывалось банальное пьянство).

--Ну а почему нет? - в ответ ему удивился Ваня.-- У меня уже даже есть люди, которые нас ждут.

--Нас?

--Ну да. Тебя и меня.

--Я не пойду.

--Почему?-- удивился Ваня.-- Тебе никогда не хотелось стать рэкетиром?

--Хотелось. Но как минимум лет десять назад, когда были 90-е годы, и это было модно. Да и нет теперь рэкетиров.

--Как нет?-- удивился Ваня. Сейчас он походил на обиженного ребенка. Мол, кем же я тогда хочу стать, когда рэкетиров нет.-- Как нет?-- повторил свой вопрос Ваня.-- Мне же предложили. И я уже дал свое согласие.

--Ну, так и иди,-- сказал Гера. Гере, как и Ване, шел уже двадцать пятый год. В упоминаемых 90-х им с Ваней было по пятнадцать. Тогда им было рано по возрасту. Сейчас Гера работал грузчиком на плодбазе, и судя по всему, уходить отсюда не собирался.

--Представляешь какая у нас начнется жизнь,-- завлекал друга Гера.-- Девочки, деньги, иностранные автомобили.

--Я машину водить не умею,-- вздохнул Гера.-- Да и вообще мне она не нужна. А девочки?.. Так их и сейчас сколько хочешь в ночных клубах. Были бы только мани.

--В том то и дело!-- радостно сказал Ваня.-- Денег у нас будет завались.

--За те деньги могут и убить,-- сказал Гера.-- Мне такие деньги ни к чему,-- добавил он.

Ваня удивленно посмотрел на друга. Десять лет назад они вместе мечтали, как было бы хорошо, если бы они стали бандитами. Они даже чуть ими не стали. Но узнав сколько им лет, один из знакомых Геры (по словам Геры тот был бригадиром в одной из ОПГ Питера) послал их на хуй. Сказав, что если они придут еще - от сам отпиздит их.

Знакомый Геры был мастером спорта по боксу в полутяжелом весе. И Ваня с Герой знали, что он вполне способен сделать то, что пообещал. Даже если вместе с ними будут еще два-три таких же Вань и Гер.

--Сука он,-- зло сказал тогда Гера.-- Когда-нибудь мы встретимся на какой-нибудь стрелке. И тогда...

Что было бы тогда, Гера не сказал. Но Ваня и так знал, что они смогут доказать всем, что уже взрослые. Особенно когда станут бандитами. И вот теперь, когда шанс такой как вроде бы представился - Гера отказывается. Да еще обзывает его дураком.

--Ты дурак,-- честно признался Гера.-- Времена бандитов уже прошли.

--Сам ты дурак,-- не выдержал Ваня.-- Если не пойдешь - я пойду один. А ты потом будешь завидовать.

--Тебе я завидовать не буду,-- посерьезнев, произнес Гера. Несмотря на одинаковый возраст, Гера всегда казался старше. И подспудно Ваня прислушивался к мнению друга.

--Ну, как знаешь,-- развел руками Ваня.

А через день Гера увидел Ваню на улице. На Невском проспекте. Тот выходил из новенького "Мерседеса". Спутницей у него была молодая красивая блядь (как тот час же окрестил девушку Гера). И судя по тому, что заходили они в ресторан, дела у Вани шли неплохо.

--Странно,-- подумал Гера. Несмотря на то, что Ваня (то, что за ним наблюдает Гера, Ваня не видел) явно демонстрировал свой успех, Гера ему не завидовал. Несколько старших друзей у него прошли через лагеря. Кто-то еще до сих пор был там. И попадать к ним Гере не хотелось.

Как не хотелось и красивой жизни. "Слишком нехорошая была изнанка у этой жизни",-- подумал Гера. И поймал себя на мысли, что ему приходится убеждать себя, что он сделал правильный выбор, не воспользовавшись предложением друга.

.....

Уже неделю работа у Геры не шла. С бригадиров его сняли. Соответственно урезали зарплату. Но и работать грузчиком он расхотел. Знать, что его друг сейчас зажигает с телками в ресторанах и ночных клубах, а он вкалывает за гроши... об этом Гере было тяжело думать.

--О чем задумался?-- спросил Геру бригадир, крепкий мужчина лет пятидесяти - пятидесяти пяти.

--О бабе думает,-- по своему истолковал задумчивость Геры его напарник, Петро, год назад приехавший из Украины, и все свободное время находившийся в поисках какой-нибудь Питерской вдовушки. Петро хотел Санкт-Петербургскую прописку.

Гера зло посмотрел на украинца. До этого он уже несколько раз его пиздил. Петро не обижался. Он решил во что бы то ни стало закрепиться в городе на Неве. И для этого готов был терпеть все что угодно.

--Может у тебя какие проблемы?-- по отечески приобнял Геру бригадир.-- Ты скажи если что. Коллектив поможет.

--Нет у меня никаких проблем,-- произнес Гера. -- Я просто задумался. Могу я подумать?

---Ну, извини если так,-- убрал руку бригадир. Гере стало жаль, что он обидел доброго человека. Гера знал, что Михайлович, бригадир, к своим годам остался один. С женой то ли расстались, то ли та умерла. Детей у него вроде как бы не было. А потому все время Михайлович старался проводить на работе.

--Не сердись, Михалыч,-- попросил Гера.-- Что-то настроение у меня сегодня говеное...

Бригадир понимающе кивнул.

--Надо было принять предложение друга?-- неожиданно думал Гера.-- Быть может это и был тот шанс, о котором он всегда мечтал? Ведь не раз же говорил себе, что честным путем вырваться из нищеты он не сможет...

.....

С Ваней он почти не общался. У того как-то сразу изменился круг общения. Теперь его окружали или такие же братки на иномарках и с молодыми блядьми, или же серьезные люди постарше, с которыми Гера иногда видел бывшего друга. Ваня и действительно для него стал бывшим. Один раз, правда, случайно столкнувшись на Московском проспекте (Гера тогда вышел из вестибюля станции метро "Фрунзенская", а Ваня из "Мерседеса" припаркованного у обочины) Ваня затащил Геру в ресторан. Они только что провернули какую-то удачную сделку, и теперь гуляли. Гера заметил, что портмоне друга пузырится от банкнот. Но из ресторана Гера сбежал. Слишком контрастировала его потертая джинсовая куртка с дорогим костюмом Вани. И он решил для себя, что чтобы больше не попадать в дурацкое положение - лучше вообще избегать друга. Тогда тот и стал для него бывшим.

.....

На выходные Гера уехал на дачу, родители попросили помочь выкопать картошку. Но на даче Гера пил. Пил и думал. И к концу выходных он решил, что будь что будет. Жизнь дается один раз. И ему вдруг захотелось прожить эту жизнь в удовольствии.

Кататься на дорогих автомобилях. Обнимать дорогих блядей.
Кушать в дорогих ресторанах.

.....

В понедельник Гера не вышел на работу. Работа грузчиком уже была не для него. Он достоин лучшей доли. Но решимость набрать телефон Вани (тот то ли купил, то ли снял квартиру в центре, выехав из рабочего района, где они когда-то родились, ходили в школу, занимались в одной спортивной секции) вдруг исчезла. Гера продолжил пить.

К среде деньги закончились. Заняв у соседа (что ему деньги, скоро у него их будет хоть отбавляй) Герапил еще несколько дней. А в субботу набрал номер мобильного телефона Вани.

Телефон молчал. "Абонент выключен или находится вне зоны действия сети"-- ответила женщина-робот. Настроение стало портиться.

Гера допил остатки водки. Перерыл квартиру. Нашел "зачачку" кого-то из родителей ипил еще несколько дней (пенсионеры-родители пока жили на даче).

Ване он уже не звонил. Решил, что тот сменил номер.

.....

У соседа он занимал деньги еще несколько раз. Приехав в Питер лет десять назад, тот торговал овощами и фруктами привозимыми его земляками - азербайджанцами на рынке. И хорошо зная и Геру и его родителей, всегда занимал деньги.

Прошло еще две недели. Скоро должны были вернуться с дачи родители. Гера, с трудом выскоблив себя тупой бритвой и

надев свой лучший костюм (костюму, впрочем, было уже лет пятнадцать) пошел на встречу с Ваней. Он решил, что во что бы то ни стало найдет друга. И попросит взять к себе. На душе у Геры стало легко и спокойно.

На улице Гера неожиданно встретил маму Вани. Прасковья Сергеевна жила в соседнем доме, где когда-то жил Ваня. И Гера уже мысленно обругал себя, что не догадался сразу пойти к ней и попросить новый номер ее сына.

--А он тебе зачем?-- как показалось Гере, с какой-то злобой посмотрела на него женщина.

--Так,-- пожал плечами Гера.-- Давно не видел.

--Ваня в тюрьме,-- сухо ответила женщина.-- Вчера был суд. Дали девять лет колонии.

Гера тупо уставился сквозь женщину. На какое-то время он потерял ощущение реальности. Словно бы узнал, что то, к чему он так долго стремился - навсегда от него отделилось.

"Ваня в тюрьме...- повторил Гера.-- В тюрьме..."

И запахнув ворот куртки, он зашагал прочь. "Еще нужно успеть на базу,-- подумал он.-- Жизнь продолжается".

26 сентября 2006 год

рассказ

Наша жизнь

Я шагал по воле как по гравейной дорожке.

Мне казалось я мог уйти далеко. Но во всех проходящих людях я видел мусоров. Странно, но я их действительно видел. Пусть и большей частью мне все казалось. И даже может быть, что

на самом деле ничего не было. Но ведь люди были?-- рассуждал я.-- Так почему ж тогда эти люди не могли быть мусорами?..

--Железная логика,-- поддержал меня Ваня Шпынь. Ваня уже неделю как откинулся, на несколько дней раньше меня, и выходило что знал он о воле знал чуточку больше.

Я пожал плечами.

--И ты еще думаешь?-- обратилась ко мне Зара Фарцовщица. У Зары было пять ходок. Еще в совдеповские времена. И в какой-то мере ей можно было верить. Она знала предмет.

--Не, братуха, фуфло толкаешь,-- положил мне руку на плечо Костя Багаж.-- Эти фраера ошибаются. Мусора действительно везде.

--Везде?-- посмотрев на Костю, я оглядел окружающих явно ища сочувствия.

--Да, наверное действительно везде,-- кивнул Ваня Шпынь.-- Но кого ты назвал фраерами?-- Ваня внимательно посмотрел на Костю.

Костя принял вызов. И теперь они сверлили друг друга взглядами.

--Мальчики, не ссорьтесь,-- улыбнулась Зара Фарцовщица.-- Сеня ведь только откинулся. И вполне понятно, что за пять лет ему настоебали все эти деятели в ментовских фуражках.

Я мысленно поблагодарил девушку. Девушке было тридцать восемь. Из них пятнадцать она провела в местах лишения свободы. Когда-то Зара занималась баскетболом. По юности даже играла за молодежную сборную страны. А потом

продала шмотки, которые привезла из-за границы, и получила первый срок. За фарцовку. Освободившись, Зара стала действительно фарцевать.

Ваня, Костя и Зара были мои друзья. Познакомились мы еще на воле. Причем к тому времени как я только вступал во взрослую жизнь, кто-то из них уже сидел, кто-то готовился сесть, а кое-кто и только вышел на свободу.

--Не знаю, надо что-то решать,-- задумался Костя.

--Это ты о чем?-- не понял Ваня Шпынь.

--Да дела надо делать,-- с некоторой даже обидой, словно кто-то был виноват что не делаются "дела", посмотрел на кореша Костя Багаж. Свою кличку Костя получил за хобби: он воровал багаж пассажиров на вокзале. И несколько тюремных сроков от этого занятия отвадить его не смогли.

--О каком ты говоришь деле?-- недоуменно посмотрел на него я. Костя находился под подпиской о невыезде. В любой момент на его запястьях могли защелкнуться наручники. Правда, дело вроде как было фуфловое. И максимум что грозило Косте - условный срок. Со свидетелем уже поработали. Но все равно, какое-то время лучше было бы отсидеться. И я сказал об этом Косте.

--Много ты понимаешь,-- буркнул Костя.

--Не, он же толк говорит,-- обвела нас глазами Зоя.-- Спалишься сейчас из-за хуйни, потом сам будешь переживать на нарах.

--Да что я, сам не понимаю?-- взорвался Костя.-- Но жрать-то надо!

--Жрать надо,-- согласился Ваня.-- Я тут придумал одно дельце. Если впишешься, тебе два куска.

--Зелени?-- быстро спросила за него Зоя.

--Подождите, я не понял кто подписывается под участием?-- последовательно посмотрел на Ваню и на Зою Костя.

--Ты, ты, братуха,-- улыбнулся Ваня, зыркнув на Зою.

Та опустила глаза.

--А меня в долю возьмете?-- спросил я.

Компания посмотрела на меня, как мне показалось, с удивлением.

--Не, ты только посмотри,-- кивнув на меня, посмотрел на Ваню Костя.-- Только нам втирал что ему кажется что за ним следят мусора, и тут же хочет пойти на дело... Зачем?--Костя внимательно посмотрел на меня.-- Что бы спалить нас к ебням собачим?

--Хуля ты паришь мозги!-- зло сказал я Косте.-- Я не фраер чтобы ты надо мной выебывался... Я спросил о сути дела. Иногда бывает, что я могу чем-то помочь.

--Вот в том то и дело что иногда,-- ласково произнес Ваня Шпынь.-- А нам палиться не хочется. Но о деле мы тебе расскажешь. Может, и на самом деле что-то умное подскажешь.

До своего срока я успел проучиться три года в институте. К тому же любил читать (перелопатил половину лагерной библиотеки. Больше двух тысяч томов. Правда, прочитал бы и всю. Но остальное, большей частью, была или полная лажа, или просто лажа. С уклоном на идеологию воспитания советского человека. Фонды библиотеки с советских времен почти не обновлялись).

--Так в чем заключается дело?-- напомнил я о себе.

--Да дело-то хуйня,-- неожиданно отмахнулся Ваня. Мне показалось, что он расхотел что-то мне рассказывать.

Костя, видимо почувствовав тоже самое, закурил.

--Ну ладно,-- встал я.-- Мне еще идти отмечаться к мусорам.

--Послушай, Сеня,-- внимательно посмотрела на меня Зоя.-- А ты часом не сбежал?

--Да, покажи справку об освобождении,-- поддержал девушку Костя, и улыбнулся фиксами. Костя был маленького роста. Тощий как хуй свиньи. И весь исколотый наколками. Преобладали соборы и кресты.

--Да ладно, не видишь, мы шутим,-- усмехнулся Ваня, заметив мое выражение лица.

--Хороши шутки,-- зло произнес я.-- Я откинулся по звонку. Мне дали пять -- в восемьдесят девятом. Сейчас девяносто четвертый. Все честно.

--Зойка пошутила,-- отмахнулся Костя с таким видом, словно и действительно тут разговаривать не о чем.-- Но о деле мы тебе не скажем. Ты уж извини братуха.

Я ничего не понимал. Первыми к кому я пришел после освобождения - были мои друзья. И сейчас с ними происходило что-то непонятное.

--А что тут непонятного,-- не удивился Юра Маслов, еще один мой кореш по воле, когда я поведал ему историю.-- По малолетству ты не с теми дружил. Да и кто они? Бакланы. Шушера. (Юра не любил моих знакомых). Так, пиздюки, ни больше ни меньше. Да и скорей всего стучат ментам.

--Ты думаешь?-- посмотрел я на него.

--Есть такое предположение,-- кивнул Юра.-- Если подтвердится - будем этих пидарасов мочить. Так что даже хорошо что ты отвалил от них.

Я задумался. Как-то быстро изменилась жизнь на воле пока меня здесь не было. Пять лет это наверное действительно срок.

--Пять лет это действительно срок,-- подтвердил Юра, вздохнув.-- За пять лет даже понятия меняются... Кстати, мы с тобой могли встретиться на пересыльной тюрьме. Меня тогда хотели отправить этапом в ту зону, где чалился ты. Да ходатайство поданное матерью сыграло свою роль. Дело отправили на пересмотр. А меня оставили в тюрьме.

Я кивнул. Я знал историю Юры. Обвиненный бывшей любовницей в изнасиловании, Юра уже было получил семь лет колонии, да одна из кассационных жалоб, которые строчили одновременно и его мать и нанятые матерью адвокаты, наконец-то попала в нужные руки. Дело сначала отправили на следствие. А потом и вовсе Маслова освободили. За недостаточностью улик. Правда, почти год на тюремных нарах он все же провел. И первое время как вышел вообще порывался ту блядь убить. Я как-то не решался спросить. Может уже и убил.

--Ты чем сейчас занимаешься?-- спросил я Юру.

Юра пожал плечами. Что могло означать или то чем он занимается не заслуживает внимания. Или что-то задумывал. И пока говорить об этом не следовало. (То, что Юра пока вообще не работал, я как-то упустил. А он действительно не работал. Сидел на пенсии по инвалидности. В тюрьме мусора отбили ему почки).

--А я вот думаю начать писать книги,-- поделился с ним я своим замыслом, который пришел ко мне еще в тюрьме. До зоны я писал стихи. К прозе подошел в лагере. И даже (об этом я пока никому не говорил) написал роман. В колонии. Роман назывался...

--Писать книги это хорошо,-- неожиданно поддержал меня Юра.--Я вот тоже если бы мог, написал... Столько материала накоплено.

Я как-то странно посмотрел на Юру. С таких позиций он мне еще не представлял. Что-то видимо действительно изменилось за те пять лет, пока я был в заключении. И не только время изменилось, но и люди. Причем, как оказалось, даже мои знакомые.

С Юркой Масловым я когда-то учился в школе. Он был на два класса старше. Притом что пару раз еще оставался на второй год. Так что получалось что по возрасту он был старше меня года на четыре. Но почему-то заметил меня, пацана. По крайней мере я всегда находил в нем поддержку. А заодно и защиту от шпаны, которой в том городе где мы тогда жили (небольшой провинциальный городок на юге России) было предостаточно.

--Послушай,-- посмотрел на меня Юра.-- А давай вместе что-нибудь напишем?.. Какой-нибудь роман... Или на худой конец повесть...

--Давай,-- согласился я. А что мне было не соглашаться. Ведь я знал, что дальше чем разговоры дело не сдвинется.

Но я ошибался. Юра пришел ко мне уже на следующий день. Причем оказалось, что за ночь он набросал план произведения. По типу таких, какие видимо когда-то составлял в

школе, когда писал сочинения. И все предложенное им, конечно, было чистым бредом. За исключением названия. Название было охуительное: "наша жизнь". И надо было приниматься за работу.

Совместный роман мы так и не написали. Когда уже, как мне показалось, мы с Юрой составили неплохой план, на дачу где мы работали, ворвались мусора. И Юру увели.

Еще через месяц состоялся суд. И приговор: двенадцать лет строгого режима. Ту блядь Юра все-таки убил.

25 сентября 2006 год.

рассказ

БЫВШАЯ ЛЮБОВЬ

Не думаю, что я мог ошибаться?.. Я рассматривал фотографию девушки моего друга, и понимал что это именно она. Моя бывшая девушка.

Она теперь изменилась. Когда я с ней встречался (два года продолжались наши встречи), Лиле было восемнадцать. Мне -- двадцать четыре. Прошло пятнадцать лет. Сейчас, судя по фотографии, это был уже другой человек. Она стала носить очки. Перекрасила волосы. Поправилась.

Мне она теперь не понравилась. Изменилось лицо. Во взгляде появилось какое-то безразличие. А ведь когда-то она была красива. Вслед этой девушки невольно оборачивались мужчины. Она не скрывала свои длинные ноги, и носили только мини-юбки. Грудь у нее была высокая, и она тоже всячески старалась ее подчеркивать. За сексапильной внешностью скрывалась тонкая и ранимая душа. И страстность.

Мне было неудобно спросить Влада (друга) о нынешней страстности Лилии. Я даже не признался ему, что знаком с его девушкой. Когда он хотел познакомить меня с ней - я отказался. Вежливо, но настойчиво.

Влад, было, удивился, но видимо списал это на свойственную мне не любовь к обществу. Люди действительно меня раздражали. Хотя что-то всегда помогало сдерживаться, дабы не послать того или иного идиота на хуй. Мне почему-то казалось, что к общению со мной стремятся глупцы и неудачники. Словно намеренно. Быть может я сам такой? И они видят во мне родственную душу? Но если честно, я и сам иногда запутываюсь, какую мне стоит надеть маску. В зависимости от настроения я могу показаться добрым и общительным. Или злым и похуестичным. Хотя и в большинстве случаев я все-таки стараюсь понять человека. Понять проблемы его. Чем возможно на какое-то время отдаляю свои. Искусственно пытаюсь заглушить их новыми эмоциональными переживаниями.

Лилии нашла меня сама. В один из дней раздался телефонный звонок, и, сняв трубку, я услышал знакомый голос. Ее голос я узнал сразу. Но ради приличия поинтересовался кто меня спрашивает? Спрашивала она. В этом сомнений не было. Хотя и Лилии почему-то тотчас после моего вопроса положила трубку. Обиделась? Вряд ли. Чего ей обижаться? Хотя иногда я знал, что совсем незаслуженно обижаю людей. То есть я что-то отвечал, думая что это обычный ответ, а оказывалось что люди находили в подобном ответе что-то обидное и грустное. Как же меня достали эти глупцы! Волей-неволей мне приходилось жить в социуме. А

значит общаться с людьми. Дай мне волю, я бы не подпустил их на шаг.

Но я был лишен подобной возможности. "Ебанная жизнь",-- хотелось всегда воскликнуть мне в таких ситуациях. Но я сдерживался. А что еще оставалось? Решиться высветить свои маргинальные замашки? Не мог я этого сделать. Просто пока был не готов к тому, чтобы общество от меня отвернулось. Хотя и подозревал, что отвернется одна часть - повернется другая. Просто произойдет смена приоритетов.

"Может и надо было что-то изменить"-- задумался я.

Звонок Лили оторвал меня от дальнейших размышлений. Теперь она мне предлагала встретиться. Без Влада.

Без Влада встречаться я не согласился. Но и встречаться когда он рядом я тоже не хотел. Я вообще не собирался с ней встречаться. Зачем? Ничего возвращать я не стремился. Влюблять ее в себя заново? Так я и раньше-то с трудом от нее отвязался (так считал я; на самом деле мне пришлось подвести девушку к мысли, что это именно она меня бросила; я вообще предпочитал бороться с муками совести намеренным обманом; так мне для меня спокойнее). И возвращать былую любовь у меня не было никакого желания.

Влад с Лилей сами пришли ко мне. Без приглашения. Я хотел не открывать. Я вообще редко открывал дверь, если приходили без предварительного звонка. Но тут бессознательно потянулся к замку.

Лили выглядела лучше, чем показалась мне на фото. Грудь ее стала еще больше (мне сразу бросилась в глаза ее грудь). Ростом тоже оказалась выше (или с возрастом стал меньше я). И

губы... Ее губы вслед за объемной грудью тоже бросились мне в глаза. Я не сдержался и представил как в эти губы вкладываю член...

Вы правы. Мне захотелось выебать Лили. Выебать ее так, как я ебал ее раньше. Когда через несколько часов секс-марафона еще нисколько не устал. А она в маниакальной страсти шептала что хочет еще. И я давал ей это "еще". Так, как это получалось с ней - с другими не выходило. У других на уме всегда была какая-то хуйня. А Лили думала только о сексе. И не заботилась ни о чем, как только доставить удовольствие себе и партнеру. Она хотела и умела ебаться. И мне это нравилось.

Притом что в случае с Лили собрались в единую гамму множество факторов. Пусть любовь и возвышалась над этой пирамидой из сексуальной совместимости, сексуального голода, садо-мазохистских порывов, и еще черт знает чего. Любовь... А может быть во главу угла был поставлен только секс. Секс без ограничений и с реализацией любых сексуальных безумств, сдабриваемых доброй толикой сексуального неиставства.

Почему-то мне казалось, что это именно со мной Лили открыла, что ей нравилось ебаться. До меня у нее был парень-одноклассник, но не было сексуального опыта. Мальчишка только раз залез на нее, проткнув членом, ей стало больно, и она его скинула. Да он видимо и сам испугался не меньше. Я же открыл Лили настоящие отношения между мужчиной и женщиной. Физиологически Лили давно уже была женщиной. И чтобы почувствовать это, ей не хватало только хорошего хуя.

Со мной Лили испытала все степени наслаждения. Со мной Лили впервые открыла оргазм. Со мной Лили узнала о своей

чувственности. И сексуальной притягательности. Тогда у нее все было впервые. И я думаю она была мне признательна за то что тогда ей встретился я. Ведь вполне возможно с кем другим Лили вообще бы отвернулась от секса. От первого мужчины (пусть я и считал себя первым только наполовину) многое зависит.

После Лили мне понравилось учить молоденьких девочек ебле. Правда через какое-то время после таких "учений" я переключился почти только на зрелых дам. Мне вдруг захотелось секса без всяких прелюдий и условностей. Тридцати - сорока -- пятидесятилетним женщинам от меня нужно было только одного. И я давал им это. И врываясь в их тела, ебал без предисловий. Я не ласкал, а мял их груди. Я не дрочил, подготавливая, свой член, а сразу всовывал им в рот, чтобы они губами привели его в нужную готовность. И без промедлений ебал их, врываясь в их тела словно кавалерист, с шашкой наголо и с криком ура добивавшийся своего.

Победы. Мне нужны были только победы. В условных списках памяти мои победы множилось. Какой-то период жизни я подчинил только сексу. Секс был моим допингом. Секс был необходимой гарантией того, что я вообще живу. Я и жил. Хотя иногда понимал, что, быть может, и не должен был.

.....

Лилию я отъебал, что уж скрывать. Влад выскочил за водкой в магазин (ту которую они принесли мы выпили), а я повалил девушку на пол и выебал. В конце я все же сунул член в ее рот. Она засосала губами пенис, а я подумал, что он давно так себя уютно не чувствовал. Мне оставалось только извиниться

перед Лилией за спонтанность. Пообещав что в следующий раз все будет иначе. И уже отъезду ее основательно.

"Следующий раз" состоялся через день. Влада срочно вызвали на работу (он работал инженером на производстве и у них случилась то ли проверка то ли аврал, что наверное для него было одно и тоже), а Лилия пришла ко мне. Предварительно она позвонила по телефону. Хотя подсознательно ожидая ее, я и так реагировал на каждый звонок, готовый в любую секунду переметнуться от телефонного аппарата к входной двери.

Теперь между нами произошло то же самое, но значительно дольше.

.....

Насколько я знал, Лилия должна была пробыть в городе неделю. В том городе откуда приехала она, и где когда-то с ней жил я, ее ждала работа. Правда здесь Лилия тоже планировала устроиться на работу. Сразу после того, как зарегистрирует брак с Владом. Влад обожал Лилию. До случайной встречи со мной (откуда она могла знать, что ее жених окажется другом бывшего любовника?) она любила его безумно. Теперь я заметил, что Лили готова была впасть в раздумье. По крайней мере, в меня она еще до безумия не влюбилась, но и Влада уже не любила так, как раньше.

Что ей было делать? Я посоветовал выйти замуж за Влада. Я бы все равно на ней не женился. А сколько продлится наша связь? Ну даже если и несколько месяцев, если и год, я знал что Лили все равно мне надоест. И достанется Владу. Так почему бы им сразу не жить вместе? Притом что мне бы надоела не

только Лили. Мне периодически надоедали все люди с которыми я общался. В разное время, помимо Лили, мне надоели десятки мужчин, женщин, девушек... С собой ничего поделаться я не мог. Природа... Природа, которая наградила меня слишком большим сексуальным аппетитом. И слишком ранимой нервной системой. Реагирующей иной раз самым незавидным образом. И я бежал от тех людей, которым до этого признавался в любви. Что я мог с собой поделаться? Ничего. Мне и не надо было ничего делать. Да я и смирился. Как только понял что я именно такой. Ведь по сути, то к чему бессознательно стремиться каждый из нас - это к внутренней гармонии. Так почему же я должен был отчего-то отказываться, если моя внутренняя гармония достигалась при соблюдении конкретных условия, которые я к тому же знал. Ни к чему мне было отказываться. И я отказался только от Лили.

Но Лили не обиделась. Она уже стала другой. Это раньше она, помнится, названивала мне даже через год после того как мы расстались. Теперь же переживала разлуку стойко. И хоть я чувствовал, что она была бы не прочь продолжить наши отношения (Лили все же вышла за Влада замуж) - был против я. Влад был мой друг. И одно дело "вспомнить молодость" с бывшей любовницей. И совсем другое трахаться с женой друга. На это я был не способен.

11 октября 2006год

рассказ

Найти себя

Можно было конечно сказать, что я испугался. Но если откровенно, я просто заебался перед ней оправдывался. И что бы не сорваться и не послать ее на хуй - молча терпел.

Познакомились мы случайно. Я остановил такси, в такси уже сидела девушка, оказалось нам ехать по одному адресу. В этом доме жила ее подруга (моя бывшая одноклассница). В том же доме жил мой брат (я ехал к нему).

Мне понравилась эта девушка. Понравилась своей независимостью. Это теперь я готов послать таких мадам по назначению. А тогда был еще слишком юн, во мне играла кровь и жажда соперничества, и стоило мне натолкнуться на стену непонимания - я стремился добиться от таких девушек не только понимания, но и любви. Дурак.

Сейчас действительно понимаю что дурак. Когда перед тобой начинают ломаться да выебываться - надо уходить. В тот же день вам попадутся еще девушки. Не хуже предыдущих, а может и интереснее. Понимая это - делал наоборот. Оставался. Мол, как так? Тебе ответили непониманием? Такого не должно быть! Надо перебороть ситуацию! Заставить в себя влюбиться!

Заставлял. Я заставлял в себя влюбиться. Обманом. Я обманывал эти создания, интуитивно угадывая что они хотели услышать, и говорил именно это. Причем не всегда соглашался с ними. Ведь кто-то из них хотел услышать от меня настоящий протест; что было бы расценено как властность; и необходимость подчиниться уже мне. А для кого-то наоборот, необходимо было мое послушание.

Я мог быть разным. Мне хотелось получить доступ к телу этих особ, и для этого я мог поступиться

самостоятельностью. Мне она была не нужна. Я готов был подстроиться к любой девушке. Причем приходилось иной раз разыгрывать многоходовые комбинации. Нельзя было допустить, чтобы та или иная представительница слабого пола догадалась, что я ее просто дурачу. И все что мне на самом деле было нужно - это выебать ее. Да еще не просто выебать, а добиться чтобы она ради меня стала способна принести в жертву себя. Влюбилась попросту.

И я пользовался этой любовью. Ну а почему нет? Для меня это было чем-то вроде игры в шахматы с сильным противником. Если раз ошибетесь, проиграете. Если будете предельно сконцентрированы - за вами будет победа. А еще я так думаю -- я стремился в этих своих многочисленных любовях спрятаться от реальности. Скрыться за любящим телом и влюбленной в тебя душой. То есть уже, может быть, в чем-то это была и вынужденная мера. Хотя, конечно же, вся ее вынужденность и весьма относительна. И тогда уже остается одно: мне нравилось ебать недоступных женщин. Нравилось чтобы в постели со мной с них слетала маска недоступности. И они становились откровенными блядами.

.....

Бляди мне всегда нравились. В большинстве случаев они бывали словоохотливы. С пониманием относились к мужчинам и мужским проблемам. В детстве многие из них играли с мальчиками. Они рано осознали, что мальчикам нравятся. А потом и путем экспериментов да наблюдений выяснили, что если будут не отказывать мальчикам в удовольствиях, то мальчики будут их больше любить. По крайней мере уж точно с ними

проводить свое время. А значит не будет одиночества. Ну что-то вроде того.

А вот недоступные девочки наоборот. Мальчиков, а позже и мужчин, они презирали. Тайно завидуя подругам-блядям, и еще больше закрываясь в своей недоступности, лелея ее, и всячески взращивая в себе.

Когда наступал критический момент, подобные девушки часто выскакивали замуж за первого встречного. Того кто не только обратил на них внимания, но и не сник перед их оборонительными маневрами. И тогда они дарили такому человеку свое тело. Ну а так как зачастую всех нормальных уже разобрали, то попадался девушкам какой-нибудь зануда. И вскоре девушки убеждались, что жизнь на самом деле еще горше, чем им когда-то казалось.

И тогда появлялся я. Я, который давно уже не обращал серьезного внимания на то, что говорит тот или иной человек. Ибо понял, что говорить он может в зависимости от обстоятельств. И изменись обстоятельства, так он и будет думать уже иначе. Представьте, что человеку длительное время фартит. У него сбываются все мечты. То к чему стремился - добывается. Окружающие начинают его боготворить. Подойдите к нему в такой момент с каким вопросом - и он ласково выслушает вас. И поможет всем чем сможет.

А если человека ебут обстоятельства и в хвост и в гриву. Если он не знает куда спрятаться, понимая, что ничего невозможно и остается только принимать судьбу-злодейку как есть. Как он отнесется к вам? Если по природе будет груб - откровенно пошлет. Если застенчив - просто не обратит внимание.

Забудет, что пообещал. Забудет вообще разговор с вами. И можно ли будет его в чем-то за это винить?

Поэтому я давно уже не обращал внимание на людские разговоры. Настроение у людей могло меняться по несколько раз в сутки. На него могли давить любые внешние обстоятельства. До вас ли ему?

.....

Эльвира казалась строгой и независимой. А еще она была красива. Высокая и стройная она бы служила хорошим дополнением к "Мерседесу" какого-нибудь бизнесмена. Или кабриолету партийного чиновника.

Но Эле ничего этого было не нужно. Быть может и нужно, конечно, но вот только для того чтобы воплотить подобное в жизнь, ей необходимо было бы как минимум познакомиться с этим бизнесменом или партийным деятелем. Где-нибудь. Хотя бы в ночном клубе. А еще лучше на какой-нибудь презентации.

Но ни в клубы ни на презентации девушка не ходила. Жила она на скромную зарплату бухгалтера. И если бы когда-то случайно не переспала с пьяным парнем своей подруги - так бы и осталась девственницей. Ибо с тех пор и не ебалась. Да и тот первый раз толком не помнила. Произошло все как-то быстро. Она только поняла что уже не девочка. А еще она подумала, тогда что у нее теперь все изменится. И если она встретит "принца на белом коне", то отдастся ему. Ей уже будет не страшно.

То ли принцев не было, то ли было страшно. Поэтому к своим двадцати четырем годам она так фактически девочкой и осталась. Уж по части секса точно. И при этом все также строго

смотрела на парней. И воспринимала их желание познакомиться достаточно холодно. Неизменно отвечая отказом.

.....

До встречи со мной Эльвира занималась онанизмом. В ванной. У нее даже был (подарок подружки) искусственный член. Правда, членов было два. Ну, или один - но двойной. Сразу для проникновения в два отверстия. Да девушка как-то и не думала, что может быть иначе. Она просто устала запихивать в свою пизду все что ни попадя. Поэтому когда ей подарили искусственный член, в душе она обрадовалась (внешне -- восприняла с негодованием). И стала заниматься в ванной любовью с собой.

Девушка наполняла ванную горячей водой. С пеной. Размокала, читая эротические журналы. А потом доставала из сумочки фаллоимитатор, и любила себя. Любила иногда очень отчаянно. И сразу два хуя, пусть и искусственных, врывались в нее. И она продолжала себя дрючить до оргазма. Как только тело ее вытягивалось, напрягалось, и разряжалось оргазмом, Эльвира успокаивалась. И спокойно домывалась в ванной.

.....

Став встречаться с Эльвирой, я почувствовал что в постели (мне удалось затащить ее в постель; сначала силой; потом ей понравилось) делаю что-то не то. Вернее вроде делаю все как надо, но моей партнерше как будто хочется еще.

Я спрашивал что. Не отвечала. Видел что хотела, но сдерживалась.

Пришлось Эльвиру напоить. И она призналась. Она хотела еще одного хуя. Когда мой был в ее пизде, девушке хотелось еще и в попу. Когда в попе - хотелось...

В общем, заколдованный круг. Но я так не думал. Я просто нашел фаллоимитатор (купил в секс-шопе) и стал дополнительно им ебать Элю.

Восторжествовала справедливость. Эля наслаждалась сексом. Я радовался что смог отьебать девушку до ее удовлетворения. Между нами было даже что-то на вроде идиллии. По крайней мере все устраивало и ее и меня.

Мы не интересовались делами друг друга. У каждого была своя жизнь. Но встречаясь раз в неделю, мы ебались до осатанения.

.....

Как-то я встретил Элю, и она призналась что выходит замуж. И показала фотографию мужа. Мужа я не знал. Но по виду это был откровенный придурок.

Мне стало жаль девушку. Пусть она была и со странностями, но заслуживала лучшей доли. Да и что кому-то до ее странностей. Так, кричит иногда по ночам. Да вызывает лифт, а спускается пешком. А так ничего. И тут такое "чудо-юдо".

.....

Я пытался отговорить Эльвиру. Мне казалось, я в силах это сделать. На крайний случай я готов был сказать, что сам женюсь на ней. И не жениться. Но хахаль бы к тому времени отвалил. А я бы вновь беспрепятственно мог заниматься любовью со своей возлюбленной. Которая мне действительно нравилась. Пусть и не на все сто, но нравилась. Да и где вы возьмете "на все сто"? Всегда встречается какой-то изъян. То ноги коротковаты, то жирок на пузе, то нос как у коршуна. А то и вовсе фригидная...

Нет совершенных девушек. Мы, мужчины, вынуждены всякий раз подстраиваться и обманывать себя. Ведь бывает почти идеальная фигура, но отвратительная душа. А если страшная внешность, но как уверяет девушка, добрая душа - не верьте ей. Вы совсем скоро обнаружите в ней столько комплексов неполноценности (и неуверенность будет самое безобидное) что кроме мороки ничего не принесет такая любовь.

.....

Эля замуж не вышла. Ее жених перед самой свадьбой сделал какую-то хуйню, после чего девушка решила что он недостоин обладания ею.

Но и мне она к тому времени уже надоела. И я не посылал ее на хуй (ну в смысле, на чей-нибудь другой хуй), только по причине излишней интеллигентности, иногда накатывающей на меня.

В такие минуты я некого не мог послать. Я лишь с недоумением взирал на эти рожи, и размышлял о человеческой бестолковости. Примем, не только бестолковости, но и надоедливости. А Эля...

А Эля в итоге решила изменить себя. Она ушла с бухгалтеров и пошла работать в ночной клуб. Танцовщицей.

А еще стала спать с клиентами. За деньги.

И если честно, мне она такой нравилась больше. Я терпеть не могу суку. С Эльвирой же сейчас было весело. К тому же она научилась чувствовать мужчин. Угадывать их желание.

Мне казалось, на новой работе Эля была на хорошем счету. И я был за нее счастлив. Но самое главное, что она и сама была счастлива. Девушка нашла себя. Не побоялась изменить

судьбу. И судьба теперь отвечала ей только добротой и вниманием. Да и разве должно было быть как-то иначе?..

15 октября 2006 год.

рассказ

Ни о чем не жалею...

Я бы мог его, конечно, послать на хуй. Но это было бы излишне откровенно, грубо, и очень невежливо в отношении моего старшего товарища. То, что он мой товарищ -- считал именно он. Я же считал его как минимум пидарасом. А еще я бы с удовольствием подсыпал ему яду. Но такого, чтобы он умер мгновенной смертью, не мучаясь. Я не хотел его мучений. Но еще больше я понимал, что такая гнида жить не должна. И я был обязан на что-то решиться, чтобы спасти человечество.

Решиться я не мог. Мне было неудобно даже сказать ему, что я с ним не хочу общаться. Притом что сам он на удивление не понимал. А я после общения с ним чувствовал себя негодяем. И... ничтожеством.

"Весьма печально, молодой человек",-- сказал мне он, когда я как-то все же решился, и выпалил ему все, что о нем думаю. Думаю о тех словах, которые только что произнес он. Сейчас я уже не помню, о чем он говорил; но до сих пор уверен, что он думает всегда об одном и том же: о каких-нибудь мерзостях.

"Это исключительно мое мнение",-- зачем-то сказал я.

Борис Аркадиевич как-то загадочно на меня посмотрел. Он не любил свою работу бригадиром над рабочими сценами в театре кукол. В душе Борис Аркадиевич хотел стать артистом. Я

же был его подчиненный. Проработал я уже месяц, и думал о том, как бы мне не остаться еще на один. Работать я не хотел. Ну, в смысле, работать я хотел. Но не рабочим, пусть и сцены. Мне тогда было восемнадцать. Я был молодой поэт. Мои три стихотворения опубликовал литературный альманах. И я верил в свое большое будущее.

Борис Аркадиевич верил только в то, что я должен выполнять свои рабочие обязанности. Проблема была только в том, что я ни хуя не понимал, что и как я должен делать. В то время я почти каждый день находился под легким кайфом от приема барбитуры. Что располагало к ведению спокойной жизни, и мешало запомнить технические обязанности. То обстоятельство, что до этого я не забил ни одного гвоздя, только усиливало проблему. Я был подобен ребенку, которому дали задание сколотить скворечник, забыв объяснить как держать молоток.

Борис Аркадиевич удивлялся моим неумелым попыткам и желанием все свести на шутку. "Да какая это на хуй шутка!" -- взорвался он, когда дал мне задание открыть служебный гараж, где хранился инструмент (у театра был свой автобус), а я, решив, что заклинило замок, распилил его ножовкой.

Я надеялся что меня выгонят. Поматерившись еще минут десять, Борис Аркадиевич сказал, что в принципе, хуй с ним, с замком. Повесим новый. Я понял, что работать сегодня все же придется. Хотя мне и удалось протянуть время до обеда.

"Обед, Аркадич,-- сказал я.-- Давай сгоняю за пивом пока работы немного"?

Бригадир как-то странно на меня посмотрел. Он понимал, что работать я не хочу. Но он хотел пива. Он был тихий

алкоголик. Об этом признался мне как-то сам, в минуты откровений, которые иногда находили на него (обычно после пива или водки).

"Даю тебе десять минут",-- распорядился бригадир.

Я кивнул, не забыв собрать деньги с еще двух работников (они забивали "козла").

В тот день я на работу не вернулся. А в очереди за пивом познакомился с удивительным человеком, Сергеем Квитко. Сергей Квитко был поэт. А еще он был пьяница. Мне тогда было восемнадцать, ему тридцать восемь. Высокий, с пышными белыми усами. Сначала я хотел дать ему в морду (уж не помню за что). Ему удалось перевести назревавший конфликт в дружбу. Он действительно стал моим другом. Мы пили три дня. Сначала мы пили три дня. Потом я позвонил домой, извинился, сказал, что жив-здоров и отмечаю день рождения друга. Просил сообщить на работу. После чего продолжил пить.

В перерывах между пьянками, я помню, вкраплялись какие-то картинки (падшие женщины, мужики в наколках, водка, пиво, вино, какая-то нехитрая закуска... стихи, которые то ли писал я, то ли мне показывал свое написанное Квитко...). Причем, по-моему, я даже занимал у каких-то знакомых деньги. Я не очень люблю занимать деньги, поэтому скорей всего я это делал с подачи Сергея. А еще я договорился с Сергеем, что он будет работать вместо меня в театре. В должности рабочего сцены. Видимо поэтому я и позвонил бригадиру. У меня был повод позвонить. Я нашел, кто меня сможет заменить. И я мог теперь уволиться.

--Хуй два!-- быстро выговорил бригадир.

--То есть как?-- запротестовал я.-- Я же нашел человека. Работать я не могу. У меня убедительные причины. Человек готов хоть завтра приступить к работе, и...

--Он может прийти сейчас?-- перебил меня Борис Аркадиевич.

Я посмотрел на пьяного Сергея Квитко, спящего на полу.

--В принципе может,-- неуверенно сказал я.-- Приболел, правда, немного. Ангина.

--Значит пьяница,-- по-своему решил бригадир, вздохнув.-- Он сильно пьет? - через время спросил Борис Аркадиевич.

--Да нет, что вы?-- пытался я защищать друга до последнего.-- У него аллергия на алкоголь. Пьет только воду.

--Колется, нюхает, глотает?.. - быстро спросил бригадир.- Ну, в смысле, какие наркотики употребляет?-- уточнил он.

--Почему вы так решили?-- опешил я. И подумал о том, что бригадир мог узнать, что наркотики принимаю я.

--Да нет, я так спросил,-- вежливо сказал бригадир.-- Как бы для порядка.

Я улыбнулся. Мне стало легче дышать.

--Ладно, давай, приходите завтра вместе. Напишите заявление. Ты "по собственному", твой кореш о приеме на работу.

Я поблагодарил Бориса Аркадиевича и повесил трубку.

На следующее утро я понял, что пойти на -- даже бывшую -- работу не смогу. Теперь мне было стыдно. Стыдно, что ушел в обеденный перерыв за пивом, и пропал почти на месяц. Стыдно за деньги, которые так и не отдал, пропив их с Квитко и с его собутыльниками. Мне вообще вдруг стало стыдно.

Сергей без меня идти отказывался.

--Не ставь меня в безвыходное положение,-- попросил я.

Сергей почему-то обиделся.

Мы продолжили пить.

.....

В один из дней я решил бросить пить. За эти дни в меня было влито столько, что организм уже начинал сигнализировать какими-то соматическими расстройствами. Квитко решил не пить еще вчера. У него вообще-то была язва. Водкой он по-своему лечил ее. Язва начала обостряться.

--Давай сделаем так,-- предложил я.-- Я наберу номер бригадира, а ты сам поговоришь с ним.

--И что я ему скажу?-- посмотрел на меня Сергей.

--Ну, объяснишь, почему ты не можешь выйти на работу...

.....

Когда я позвонил, мне сказали, что театр уехал на гастроли. Я вспомнил, что начиналось лето. Гастрольная пора. С чистой совестью я стал искать другую работу. Квитко мне предложил жить литературными заработками. Мы подсчитали сколько платят в газетах за сточку стихотворения, и поняли что это невозможно. "Если не писать сразу поэмы",-- вздохнул Квитко. "Еще, наверное, надо чтобы их согласились печатать",-- предположил я. Настроение у нас ухудшилось.

--А знаешь что?-- загорелись глаза у Квитко.-- Давай я устрою тебя к знакомому на стройку?

--Кем?-- спросил я.

--Ну, начнешь разнорабочим,-- прикинул Сергей.-- Потом получишь какую-нибудь рабочую специальность.

Я согласился. Я был пьян. И на тот момент мне было все равно.

Знакомого Квитко я не нашел. Побродив минут десять по стройке, я подумал, что лучше воровать, чем вкалывать с утра до вечера в пыли.

--Странно что ты его не нашел?-- удивлялся Сергей, когда вечером я рассказал ему о своем "устройстве на работу".-- Давай я ему сейчас позвоню,-- предложил он.

Я послал и его и его знакомого. Знакомого заочно.

--Значит, ты работать не хочешь... -- все понял Сергей Квитко.

Я согласился.

--А как думаешь жить?-- искренне поинтересовался он.

--А ты как живешь?

Я узнал, что Квитко помимо стихотворений пишет статьи в газеты. Писать мне он не предложил. Да и в те годы, я, позже ставший зарабатывать писательством деньги, особо писать не стремился. Еще не был уверен в себе. Да и, если честно, я и сам не знал того что хотел. Передо мной была пустота. Чем заниматься в жизни я не знал. Мне хотелось руководить. Для этого надо было хотя бы закончить институт. Из института меня выгнали со второго курса (позже я сумел закончить даже два вуза). Еще было лучше просто сидеть дома. И писать, например, стихотворения. Сейчас думаю, если бы я выбрал этот путь, он бы ни к чему не привел. До распада СССР оставалось не больше года. А в

начавшемся потом хаосе никто бы мои стихи не печатал. И что уж точно, я бы на них не смог прожить.

От полной безысходности меня спасла... тюрьма. Я случайно оказался во время очередной пьянки в каком-то притоне. Меня взяли вместе с теми, кто не смог убежать. Следователь стал "шить" дело, требуя, чтобы я сознался в избивении какого-то прокурорского работника. Потом неожиданно предложил взять на себя серию небольших краж, заверив, что тем самым я обеспечу себе авторитет в колонии, а за прокурорского работника меня могут убить или сделать инвалидом менты в СИЗО (пока я еще находился в КПЗ). Я согласился. Подписал все бумаги. На суде мне дали два с половиной года общего режима. Вышел я через полтора года по УДО. Передо мной была новая жизнь. Теперь я смотрел на нее другими глазами. От былой безысходности не осталось и следа.

И самое главное: я был преисполнен решимости жить. Обрел какую-то несвойственную раннее уверенность. И понял что смогу добиться всего что захочу.

.....

За двадцать лет прошедших с тех пор, я успел закончить два института, написать несколько книг, несколько раз жениться. Жизнь у меня действительно изменилась. Так же как и изменилась жизнь в стране. Садился я еще при Союзе, а вышел уже при демократии. И как-то уверенно смог вписаться в новое время. Поэтому вполне могу признаться: я ни о чем не жалею. Если бы не было того срока, неизвестно кем бы я сейчас был. Быть может бомжем или пьяницей. А так...

Р. С. Попытки отыскать Сергея Квитко ни к чему и не привели. Что с ним? Что произошло с некогда моим другом? Хорошо, если он смог вписаться в новую жизнь. Плохо, если сгнил где-нибудь... Мне бы этого не хотелось. И я очень хотел его найти...

5 октября 2006года

рассказ

Счастье

Что такое счастье?

--Счастье, это когда люди, с которыми сводит тебя судьба - живы,-- сказал Гена Вагин.-- И здоровы,-- добавил он.

--Счастье, это когда у тебя все есть,-- мечтательно закатив глаза, сказал Коля Сычев.-- И все есть у тех кто с тобой,-- добавил он.

--Счастье... счастье, это когда есть счастье,-- сияя, произнесла Людочка Камова.

--А я думаю счастье...-- пыталась сказать Вера Мосина, но договорить ей не дали. Начали спорить.

--Никто из вас не прав,-- чуть насупив брови и несколько недовольно сказал Василий Матвеевич. Он был старше всех, и к нему прислушивались.-- Счастья совсем нет. Есть удача, есть, быть может, простое везение. А счастья - нет.

--Да что же вы такое говорите?-- спохватилась Людочка Камова.

--Как это нет счастья?-- не понял Гена Вагин.

--Вы не правы,-- покачал головой Коля Сычев.

--Я думаю, вы ошибаетесь,-- смотря куда-то в пол, произнесла Вера Мосина.

--А может и ошибаюсь,-- неожиданно смутился Василий Матвеевич.

Всем вдруг стало неловко. И даже не от того, что их старший товарищ ошибся, или сказал откровенную ложь (об этом подумал Гена Васильев). Но еще и оттого, что в какой-то мере все понимали, что их характеристики счастья - несколько наивны. И наверное никто из них по сути и не знал, что это такое: счастье? Хотя и наверняка - для каждого оно было свое. Например, Гена Васильев недавно купил мотоцикл. Не тот, о котором мечтал, но и тем который теперь был - Гена был доволен. Тем более потратил на него десять тысяч долларов. Все сбережения, которые заработал в фирме, в которую год назад устроил его друг, Коля Сычев.

Сам же Сычев был счастлив что ему удалось уговорить любовницу сделать аборт. Притом что другую любовницу уговорить не удалось. Так же как и жену. Но уже то, что вместо трех детей родится двое - для Коли было счастье.

Людочка Камова, двадцатитрехлетняя модель, была счастлива, что ей сделал предложение новый русский. "Чем не счастье",-- считала она.

Вера Мосина впервые за свои двадцать семь лет испытала оргазм. И для нее это тоже было счастье. "По крайней мере, не фригидная",-- рассуждала она.

А Василий Матвеевич счастлив не был. За его сорок пять лет все в жизни ему настолько остопиздело, что он думал, почему

же не может решиться удавиться. Притом что попытка броситься под поезд оказалась неудачной. Не хватило духа.

--Так на чем мы остановились?-- нарушила молчание Вера Мосина, оглядев окружающих.

Коля Сычев посмотрел на нее и подумал, что для него сейчас было бы счастьем переспать с ней.

Гена Вагин опустил глаза. Когда он смотрел на Людочку Камову - у него начинал вставать член. Было лето, жара, и Людочка пришла на встречу почти раздетая.

А Василий Матвеевич ни о чем не подумал. Он вдруг понял, что должен непременно допить бутылку водки, половина которой стояла в холодильнике, и о которой он уже было забыл. Сейчас вспомнил. И подумал что это для него и есть счастье. Но своим младшим товарищам не сказал. Не удобно было как-то.

--А может, счастья вообще нет? - задал компрометирующий вопрос Гена Васильев.

Каждый из собравшихся посмотрел на него, но ничего не сказал.

А потом все вдруг куда-то засобирались, и как-то быстро разошлись по своим делам. А Гена пришел домой, и стал заниматься онанизмом, представляя как Людочка Камова делает ему минет. И он был по-настоящему счастлив.

Почти в это же время Людочка Камова занималась любовью с Василием Матвеевичем. С ней такое иногда случалось. Ну то есть хотелось непременно переспать с кем-нибудь из знакомых. В этот раз таким знакомым оказался Василий Матвеевич. Ее сосед по коммунальной квартире.

И наверное в то же самое время любили друг друга Коля Сычев и Вера Мосина. И занимались они запретной любовью. И даже не потому что Коля, разложив Веру на тахте, всунул член ей в анус; а скорее потому, что были они все-таки братом и сестра. Пусть и двоюродные.

А о счастье никто из компании больше не рассуждал. Каждый про себя может и задумывался. Но собираясь вместе, говорили о чем угодно. Но только не об этом. И это наверное было правильно.

15. 09. 06 г.

рассказ

Кто кого вспомнил?

Мне казалось, я мог бы его сбить с ног с первого удара.

Он стоял передо мной, и дерзко выкрикивал мне в лицо обвинения, которые я совсем не заслуживал.

--Ну зачем, зачем ты так?-- хотелось сказать мне. Но во мне уже начал играть азарт. Хотелось услышать, что он скажет еще.

--Ты продажная сука,-- выговаривал мне этот парень.-- Ты не на что не способен, как только лгать, юлить и изворачиваться.

Я усмехнулся.

--Ты даже не понимаешь, какое ты ничтожество!-- парень, насупив брови, уставился на меня.-- Ну скажи, что не понимаешь. Скажи?-- уже умолял он.

Я ответил что-то неопределенное.

--Нет, вы только посмотрите на него,-- обращался мой оппонент к каким-то невидимым свидетелям.

Я на всякий случай оглянулся. Зима. Вечер. Снег периодически поднимался начинавшейся бурей, и норовил ударить в лицо. Я уворачивался, укрываясь в ворот куртки. Самым разумным было послать что-то доказывавшего мне парня на хуй, и пойти домой. Там выпить водки с чаем, или лучше -- коньяка с чаем, и включив телевизор постараться отвлечься.

--Ты меня совсем не слушаешь?-- с удивлением посмотрел на меня парень. Взглянув ему в глаза, я понял, что он чем-то обеспокоен. Ну и тип? Выходит мало того, что я торчу здесь неизвестно почему и для чего, так я еще и должен подстраиваться под ритм его настроение. Он был ненормальный. Быть может даже больной. Психически больной. А может просто идиот по жизни. Я внимательнее стал всматриваться в его лицо. Неужели я действительно его никогда раньше не видел? Быть может мы все же где-то встречались. И я совершил что-то такое, за что, по мнению парня, должен был в ближайшее время быть наказан. Странно... Но с другой стороны, я и не могу теперь уйти. Мне уже стало интересно, чем все это закончится.

--Сука ты!-- выдохнул парень и замахнулся. Я даже не увернулся. Я смотрел ему прямо в глаза. Жестко и сурово. Точнее - уверенно. Видимо эта уверенность его и смутила. Он сам отступил. Но только на шаг. Потом принялся вновь вбрасывать в меня свои обвинения. Причин для которых как будто и не было. Но парень думал обратное.

--Если бы сейчас была война - я бы тебя убил,-- зачем-то сказал он.

Я неопределенно кивнул, ответив, что мол, вполне возможно, но сейчас ведь не война.

--В том-то и дело,-- обиженно посмотрел на меня парень.

Ко всем моим виновностям приплюсовалась еще одна: не было войны. Но уж здесь я ни при чем. Пусть если захочет, едет на Кавказ, в Чечню. Бегает по горам, стреляет в экстремистов. Правда, там не было меня. А ему видимо не хотелось убивать никого кроме меня.

--Вы меня знаете?-- как можно вежливее спросил его я.--
Надо было выяснять, где и при каких обстоятельствах мы виделись. Мало ли что у него на уме. Вдруг у него в кармане нож, и он набросится на меня. Или пистолет. "Хотя должно быть, ни того, ни другого не было,-- подумал я.-- Иначе бы он давно уже пустил их в дело. Судя по той взвинченности, в которой пребывал, несмотря на мои эпизодические попытки сгладить конфликт".

--Это ты меня забыл,-- зло сказал парень.--Я еще вернее - делаешь вид что забыл... А я-то тебя помню. Ох, как помню.

Я попросил в таком случае напомнить и мне.

--Не дождешься!-- неожиданно ответил он. Я подумал, что он видимо и на самом деле ненормальный и попытался уйти. Он перегородил мне дорогу.-- Ты никуда не уйдешь! - выдохнул он мне в лицо парами алкоголя.

"Так вот оно что?-- стал догадываться я.-- Этот хуй просто пьян".

"Хуй" пустился в новые обвинения. Мне это стало надоедать.

--Давай так,-- жестко посмотрел я ему в глаза.-- Если ты имеешь ко мне претензии - скажи за что, чтобы я хоть был в курсе, и что-то попытался тебе объяснить,-- сказал я.-- Если же нет...

Парень заинтересованно посмотрел на меня.

--Ну же?-- попросил я.-- Говори в чем твоя проблема.

--У меня нет проблем,-- сухо сказал парень.-- Но зато проблемы я устрою тебе.

Ну что мне было с ним делать? Бить его? Не хотелось. Убежать? Да как-то не привык я бегать. Да и мучился бы потом, что оказавшись в дурацкой ситуации, среагировал таким образом. Я подумал, что если его вырубить одним - двумя ударами, и аккуратно притулить тело к ближайшему дереву, то вот может и выход из конфликта. Разгоравшегося конфликта. Парень начинал сопеть и перетаптываться на месте. Мне показалось, что он готовится броситься на меня.

--Зачем ты убил лошадь?-- неожиданно спросил его я. Это было неожиданно для меня. Тем более оказалось неожиданным для него.

--Какую... какую лошадь...--медленно переспросил он.

--Ну как же какую?-- удивился я.-- И лошадь и собаку.

--Какую собаку?.. -- еще больше удивился парень. Мне в пору было начинать его жалеть. Если он еще не был сумасшедшим, то сейчас вполне мог им стать.

--Ладно,-- махнул я рукой.-- Обещаю, что никому не расскажу. Но если ты мне скажешь...

Парень принялся орать, что-то мне доказывая.

--Тебе не резон привлекать к себе внимание,--
наклонившись к его уху, доверительно шепнул ему я.-- Тем более
ты находишься под наблюдением.

Инстинктивно парень стал оглядываться. Весь мой бред
на удивление прокатил. Теперь следовало закреплять сказанное.

--Мы расходимся в разные стороны,-- заговорщически
подмигнув ему, предложил я.-- Ты должен решить в какую
уходишь сторону - направо или налево?

--Да я...-- начал было парень.

--Направо или налево?-- прикрикнул я, не давая
возможности ему подумать о чем-то другом.-- Ну же!-- насел на
него я.-- Время не ждет!

--Направо,-- быстро произнес он.

--А я налево,-- ответил я.-- Встречаемся через час на этом
же самом месте. Понял?

--Понял,-- бессознательно произнес он.

Я быстро пошел в сторону.

Дома я выпил водки, наколов вилкой кусок сала, и
отломав кусок черного хлеба. В те дни, когда у меня не было
настроения, я переходил на простую русскую еду: сало, черный
хлеб и водку. Настроение не улучшалось. Но как-то отвлекался,
вспоминая молодость. Именно тогда я и полюбил...

Я неожиданно вспомнил, что уже прошел час. Или скоро
пройдет. И мне почему-то захотелось пойти на тот угол, где
расстался с парнем. Почему-то я был уверен, что он придет. Но
даже если и не придет, я должен был снять с себя ответственность.
И какую-то подозрительную тяжесть в груди, пришедшею ко мне
с момента когда расстался с парнем. Ведь я так и не выяснил,

откуда он меня помнит, и какие ко мне претензии. И главное - за что.

Про себя я знал, что ко мне у других может быть много претензий. Но среди тех других - я никак не мог вспомнить этого парня. Из чего следовало, что его там не было. По-крайней мере, кто-то из нас ошибся. А кто - я и собирался сейчас выяснить.

Парень стоял на углу. Он даже быть может никуда и не уходил. Ведь я ушел не оглядываясь. Тогда мне хотелось побыстрее отвязаться от него. Сейчас выходило, что я хотел наоборот - еще раз увидеть его. Зачем?

--Зачем ты пришел?-- посмотрел на меня парень.-- Что вам от меня нужно?..-- угрюмо спросил он, переходя на "вы".

--Я уйду,-- пообещал я.-- Но только скажи - действительно ли мы где-то виделись? И если да - то где?..

Парень опустил глаза. Мне показалось, что ему стало стыдно.

--Я ошибся,-- еле слышно произнес он.-- Ошибся. Понимаете, я ошибся!-- уже закричал он.

Я резко пробил его в подбородок. Парень рухнул к моим ногам. Поддержав находящееся в нокауте тело, я осторожно положил его на землю. Нокаут был не сильный. Да и парень со своими восьмьюдесятью - восьмьюдесятью пятью килограммами (определил я на глаз вес соперника) быстро очухается.

.....

Когда он стал приходить в себя, я уже прошел метров десять. Оглянувшись, я помахал ему рукой.

Он что-то зло произнес сквозь зубы.

--Ненормальный,-- подумал я.-- Ведь он действительно был ненормальным... Зачем же я столько ждал, чтобы все равно двинуть ему в челюсть?.. Как будто нельзя было это сделать раньше... сэкономил бы время.

.....

Когда я подходил к дому, я вспомнил парня. Мы действительно знали друг друга. Лет десять назад я работал в ресторане, вышибалой. Он работал вместе со мной. Даже еще вернее - его на работу пригласил я, устав дежурить все смены, и уговорив хозяина подыскать себе напарника. Я тогда нашел его по объявлению. Звали его...

Имя я вспомнить не мог. Да сейчас уже было и неважно. Больше мы наверняка не увидимся.

И только одна загадка осталась для меня не разрешенной: почему он был зол на меня?.. Может и действительно с кем-то перепутал?..

28.09.06.

Сергей Зелинский

2006 г.

© С.А.Зелинский. Девушка из высшего общества.

